

Научно-информационный журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

№3 (ИЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ) 2022

Издаётся с 2013 г. Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Горлова И. И., Зорин А. Л.** Российская гуманитаристика о специфических особенностях гражданской идентичности и основных целеполаганиях при её формировании 3
- Шилехина М. С.** Городские медиа как возможность для формирования культурного пространства современного города..... 11

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

- Крижевский М. В.** Современное искусство Церкви: от эстетической антимиссии до экологии образа 17
- Салих Н. Р.** Арабографичные историко-культурные памятники по мусульманскому праву в духовной культуре тюркоязычных народов республики Башкортостан. (На основе архивных материалов фондов научных учреждений г.Уфы)..... 22

КУЛЬТУРА РЕГИОНОВ

- Якунин В. Н.** Чудотворные иконы и родники: традиции почитания в истории и культуре народов Самарского края 30
- Шульгина О. М.** К вопросу о происхождении и распространении пеликенов на территории Чукотки 37
- Протасова В. В.** История становления кантаты в Марий Эл 47

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

- Касанов А. С.** Экскурсии в музеях Вятки в начале XX века 52
- Бакулина Н. А.** Образ Алтая в изобразительном искусстве России (XIX– первая треть XX в.) 58

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МИРА

- Гонг Юнхонг.** Современная китайская опера (на материале оперы «Красные маки») 66

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

- Саяпарова Е. В.** Личность Н. С. Романова и его вклад в изучение региональной культуры..... 75
- Красницкая Т. А.** Паломнические поездки и экскурсии учащихся церковных школ России в начале XX века 83
- Киракосов А. В.** Личность и творчество Фёдора Сергеевича Булгакова..... 90

ПРАКТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Путрик Ю. С.** Туризм как фактор актуализации взаимодействия природоохранной деятельности и сферы сохранения объектов культурного наследия на особо охраняемых природных территориях..... 97

В оформлении обложки использован фрагмент репродукции картины Б.М. Кустодиева «Осень в провинции. Чаепитие» 1926г. ГТГ

ОСНОВАТЕЛИ ЖУРНАЛА

В. М. Захаров — доктор культурологии, профессор, Народный артист России, художественный руководитель театра танца «Гжель»;

И. Л. Кучмаева — д. филос. н., профессор, академик, Почётный работник высшего профессионального образования России;

Протоиерей **Олег Колмаков** — благочинный Плесцевского благочиния Ярославской епархии Русской Православной Церкви.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **Е. Д. Дерябина**, канд. культурологии, доцент, руководитель отдела Института Наследия;

Заместитель главного редактора — **Л. Н. Михеева**, д-р филол. наук, профессор, Заслуженный работник культуры России, профессор кафедры гуманитарных наук РГСАИ;

Заместитель главного редактора — **Г. А. Цветкова**, канд. культурологии, доцент;

Художественный редактор — **Ю. А. Бревнова**, канд. культурологии, член Союза профессиональных художников России;

Редактор по общественным связям — **А. С. Калашиников**, член Союза театральных деятелей России;

Дизайнер-верстальщик — **О. В. Богданова**, член Союза профессиональных художников России;

Б. Б. Акимов — Народный артист СССР, художественный руководитель Московского хореографического училища при театре танца «Гжель»;

Т. Г. Богатырёва — д-р культурологии, профессор, эксперт Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС, профессор ИБДА РАНХиГС;

Л. Н. Дорогова — д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

А. Б. Ефимов — д-р физ.-мат. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, зав. кафедрой истории миссий НОУ ВПО «Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет» (ПСТГУ);

В. Н. Катасонов — д-р филос. наук, д-р богословия, профессор, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия;

Е. А. Киричок — д-р социол. наук; V1, SAM Schneider Electric;

О. В. Кучмаева — д-р экон. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор РЭУ им. Г. В. Плеханова;

Г. У. Лукина — д-р искусствоведения, зам. директора по научной работе ГИИ;

Е. А. Минаев — д-р искусствоведения, ведущий научный сотрудник МГИК;

А. В. Окороков — д-р ист. наук, зам. директора по научной работе Института Наследия;

М. Ю. Парамонова — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН;

Ю. С. Пуত্রик — д-р исторический наук, кандидат географический наук, руководитель центра социокультурных и туристских программ Института Наследия;

В. В. Патоков — канд. экономических наук, председатель МОО «Русский культурный центр»;

Т. Д. Соловей — д-р исторических наук, профессор, профессор кафедры этнологии МГУ;

В. И. Уральская — канд. филос. наук, Заслуженный деятель искусств России, гл. редактор журнала «Балет»;

Н. П. Ходакова — д-р пед. наук, зав. кафедрой математики и информатики дошкольного и начального образования Института педагогики и психологии образования МГПУ;

Ю. М. Чурко — д-р искусствоведения, профессор кафедры хореографии БГУКИ (Республика Беларусь).

А. В. Рачинский — д-р истории, Институт Восточных языков и цивилизаций, Сорбонна, Париж.

Учредители: Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева» (Институт Наследия).

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/NI.2022.38.3.001

РОССИЙСКАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА О СЦЕЦИФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ОСНОВНЫХ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯХ ПРИ ЕЕ ФОРМИРОВАНИИ*

Горлова Ирина Ивановна,
доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева.
ул. Красная, 28, г. Краснодар, 350063, ii.gorlova@gmail.com

Зорин Александр Львович,
доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник
отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности
Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева.
ул. Красная, 28, г. Краснодар, 350063, azor115@rambler.ru

Аннотация

Анализируется опыт изучения особенностей гражданской идентичности (ГИ) в российской гуманитаристике. Подчеркивается амбивалентность и противоречивость определений ГИ, представляющей собой сложный и многослойный феномен. Утверждается, что различное понимание целей и задач формирования ГИ определяет наличие трех подходов

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева» по теме 25 «Укрепление и развитие гражданской идентичности региональных сообществ как составная часть проекта российской государственности».

к ее трактовке — либерального, социоцентричного и этатистского. Делается вывод, что для российского менталитета, в силу многих исторических причин и культурно-цивилизационных факторов наиболее оптимальной является форма государственно-гражданской идентичности.

Ключевые слова

Гражданская идентичность, цивилизационная идентичность, либерализм, социоцентризм, этатизм, государственно-гражданская идентичность.

В современной российской гуманитаристике проблема формирования гражданской идентичности в последние десятилетия приобретает все большее значение. Психологи и антропологи, философы и социологи, политологи и культурологи делают ее объектом своих исследований, которые зачастую носят междисциплинарный характер¹. Процесс глобализации, подрывающий существование национальных государств, а стало быть, отодвигающий на задний план национальную идентификацию, в то же время в силу неизбежно возрастающей коммуникации между разными народами стимулирует потребность огромных масс людей в определении собственной цивилизационной и культурной идентичности. Таким образом, в противовес формированию всемирной (транснациональной) идентичности происходит самоопределение индивидов, относящих себя к локальным национальным общностям. После периода «парада суверенитетов», которым характеризовались 90-е гг. прошлого века, в России все больше дает о себе знать тенденция к интеграции регионов и сплочению многонационального народа, населяющего ее территорию. Это становится особенно важным перед лицом вызовов и угроз,

с которыми столкнулось российское общество в последние годы. Вот почему идея гражданственности, сопричастности россиян к целям и интересам родной страны, готовность защищать ее от внешних врагов и внутренних сепаратистских поползновений становится все более востребованной и актуальной.

Гражданская идентичность, будучи неотъемлемой составной частью социальной идентичности личности, отражает ее представления о принадлежности к определенному государству и тесно связанным с ним структурам гражданского общества, о своих правах и обязанностях, а также об их соответствии демократическим идеалам. Как справедливо отметил Р. Абдулатипов, гражданская идентичность — это «объективизация духовной энергии человека и социального опыта, общности и государства через самосознание и самопознание, через выбор и мобилизацию, которые человек проходит. Идентичность — это духовный стержень жизнедеятельности человека, общности и государства. Идентичность — это, с одной стороны, подражание общности, а с другой, объективизация «духа» этой общности, воспроизводство общности»². Такова первая особенность, свойственная гражданской идентичности, как она представлена в современной отечественной научной литературе.

В процессе изучения гражданской идентичности российские исследователи выявили также и другие ее особенности, проявляющиеся в амбивалентности и противоречивости ее определений. Эти свойства идентичности наглядно проявляются прежде всего в онтологическом и семантическом плане. Как отмечает А.И. Шаповалова, данная категория «олицетворяет собой два разные и, на первый взгляд вза-

1 Свой вклад в разработку указанной темы внесли в последние годы сотрудники Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, которые занимаются изучением как общетеоретических проблем (И.И. Горлова, А.Л. Зорин. Тематизация понятия «гражданская идентичность» в современном социально-гуманитарном познании; А.А. Гуцалов, Е.Ю. Третьякова. Практики воспитания общегражданских ценностей: некоторые итоги мониторинга); так и наиболее значимых региональных аспектов (Аналитический доклад «Общероссийская гражданская идентичность на Юге России: анализ мер и предложения по Южному федеральному округу и Северному Кавказу»; А.А. Гуцалов. Тематика общегражданской идентичности и патриотизма в структуре государственных целевых программ (на примере Южного федерального округа) и ряд других работ).

2 Абдулатипов Р. Идентичность россиян: этнонациональное и гражданское измерения // <https://history.wikireading.ru/24564> (дата обращения: 12.01.2022).

исключающие качества — тождество и уникальность. Тождество определенному классу объектов и уникальность в пределах этого класса. Для коллективных образований идентичность является тем “цементирующим материалом”, который превращает совокупность отдельных субъектов в целостную общность, способную к абстрактной или практической персонификации»³. Далее, понятие «гражданская идентичность» рассматривается, с одной стороны, как нечто ставшее или статичное, т.е. как некий факт. Так, например, М.Д. Щелгунов пишет: «Гражданская идентичность — это факт принадлежности индивида к некой гражданской общности, включая обязательно осознание своей принадлежности и адекватные действия в соответствии с этой общностью»⁴. С другой стороны, подчеркивается процессуальный или динамичный характер гражданской идентичности, ее изменчивость в современную эпоху. В отличие от человека, живущего в традиционном обществе, который был тесно связан с национальной культурой и ее традициями и, как правило, обитал в том регионе, в котором родился, человек эпохи постмодерна не привязан к одному месту, является очень мобильным и готовым адаптироваться к новым условиям. В силу этих причин его идентичность может определяться как «здесь-и-сейчас идентичность»⁵, или текучая идентичность. К такому же мнению приходит С.Г. Климова, которая утверждает, что в современном быстро меняющемся обществе люди без особых затруднений избавляются от прежней идентичности, в силу чего они постоянно вынуждены

заниматься самоидентификацией, т.е. выбирать для себя или создавать новые общности, где ориентация осуществляется, исходя из совпадения личных ценностей с теми, которые предлагаются предпочитаемым сообществом⁶. И, наконец, «в гражданской идентичности соединяются микроуровень (идентичность индивида как гражданина — члена политической нации) и макроуровень (идентичность государственной общности, которая поддерживает институциональные основания политической нации и обеспечивает реализацию гражданских прав через общественные институты). В то же время в понятии “гражданская идентичность” заложено и нормативное содержание, предполагающее, помимо сугубо правового статуса, полноту соотношения гражданином себя с государственно-политической общностью»⁷. Учитывая это, можно сказать, что проблема формирования гражданской идентичности, с одной стороны, обращена к человеку (личности), а с другой, к обществу и даже государству. Этим по сути дела отличаются коренным образом друг от друга концепции идентичности либерального толка и концепции, в которых приоритет отдается обществу или государству.

Различное понимание целей и задач формирования гражданской идентичности определяет три подхода к данной проблеме, которые проявились в отечественном социально-гуманитарном познании в последние десятилетия. Они основываются на классической триаде «личность — общество — государство». Основной акцент на личность, ее права и свободы делают ученые, которые опираются на концепции, разработанные западными либеральными философами и социологами. Ярким представителем данной позиции можно считать Ю.М. Резника. В его работах гражданская идентичность связывается с деятельностью «зрелого гражданина», которая ведется в интересах развития личности, совершенно не нуждаясь в посредниках, будь

3 Шаповалова А.И. Структура внешнеполитической идентичности государства // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21 – 22 октября 2010 г.). Редакция сборника: И.С. Семенов (отв. редактор), Л.А. Фадеева (отв. редактор), В.В. Лапкин, П.В. Панов. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 65.

4 См. Большаков А.Г., Зазнаев О.И. Формирование гражданской идентичности: проблемы, современное состояние, перспективы https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2012_12-2_06.pdf (дата обращения: 25.12.2021).

5 Иванова, С. Ю., Аракелян, Э. А. Становление гражданской идентичности в полиэтничном социуме // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов н/Д, 2007. С. 88.

6 Климова, С. Г. Социальная идентификация в условиях общественных перемен // Человек. 1995. № 3. С. 29.

7 Семенов И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). Редакция сборника: И.С. Семенов (отв. редактор), Л.А. Фадеева (отв. редактор), В.В. Лапкин, П.В. Панов. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 10.

то региональная этническая общность или национальное государство. При таком подходе гражданское общество предстает как «общество свободных и автономных субъектов, т.е. личностей и организуемых ими ассоциаций (сообществ, организаций), осуществляющих свою деятельность в интересах развития каждого человека и всего человеческого рода», а сама «гражданственность складывается там и тогда, где и когда люди, находящиеся в определенных отношениях друг с другом, становятся представителями всего человеческого рода, поднимаясь на высоту его всеобщих, т.е. общеродовых, интересов»⁸. Опираясь на идеи, высказанные Э. Гидденсом, Т. Парсонсом и Ю. Хабермасом, Ю.М. Резник считает возможным говорить о двух трактовках гражданства, одна из которых коррелирует с гражданством в «системном мире социума», где гражданственность проявляется в лояльности и преданности государству или в лучшем случае обществу и оказывается по сути дела гражданственностью подданного, а другая — с идеальным представлением о гражданском обществе, в котором отсутствует «какой-либо нравственный или правовой императив, кроме одного — становление свободной личности»⁹.

Признание такой дихотомии позволяет автору провести выделение двух основных значений понятия «гражданин», вкладывая в первое политико-правовой смысл, согласно которому гражданин предстает как «подданный государства», а во второе — духовно-нравственный (смысл), при котором гражданин оказывается слугой общества, а значит, носителем и выразителем общественных интересов. По мнению Ю.М. Резника, реальную гражданственность нельзя представлять как раз и навсегда установленное состояние или качество личности. Скорее она является результатом эволюционного движения общества к свободе и, соответственно, к свободному самоопределению человека. Она определяется прежде всего мерой нравственного подвижничества последнего и его реальной способностью преодолеть ограниченность как бездушного индивидуализма, так «стадного» коллективизма. Будучи результатом «эволюци-

онного движения социума к свободе», гражданственность второго типа становится возможной в каждом социуме лишь благодаря процессу развития культуры; и результат этот процессом эволюции заранее не гарантирован, ибо для его достижения необходимы как определенные объективные условия, так и субъективные предпосылки, т.е. приверженность «движению социума к свободе и свободному самоопределению человека».

Осуществляя диагностику состояния гражданского общества в России начала XXI века, Ю.М. Резник убежден, что развитие «института гражданства в стране находится на крайне низком уровне. Мы так и не утвердили в нашем обществе приоритет прав и свобод личности, — сетует он. — Государство, будучи неполным (при отсутствии гражданского общества) и бюрократическим по своей сути, не достигло еще той стадии зрелости, когда оно становится на защиту этих прав и свобод. Пока же «спасение утопающего остается делом его собственных рук». Каждый спасается от бюрократического произвола и насилия в одиночку, рассчитывая только на свои силы и связи в правящем мире»¹⁰. Одним словом, Ю.М. Резник и близкие к нему по духу либерально мыслящие авторы в споре государства и его правящей элиты на гражданственность как подданство видят существенную преграду, стоящую на пути формирования подлинной гражданской идентичности. Акцент на консерватизм и лояльность к трактуемой в патерналистском ключе гражданской идентичности, когда делается упор на гражданские обязанности и преднамеренно затушевываются права личности, представляется либерально настроенными учеными и политическими деятелями как попытка насаждения сверху «усеченной» гражданственности, сводящейся лишь к безоговорочной поддержке проводимых властями разного уровня реформ и сохранению существующих общественных порядков без учета запроса на такую гражданскую идентичность, которая бы предполагала активное и инициативное участие граждан в решении своих насущных проблем и отстаивании своих прав и свобод.

Ряд отечественных авторов, исходя из того, что человек по сути своей есть социальное существо, трактуют гражданскую идентичность «как

8 Резник Ю.М. Человек гражданский: проблемы идентичности // Вопросы социальной теории. М., 2010. Т. 4. С. 306.

9 Там же. С. 308.

10 Там же. С. 317.

осознание принадлежности к сообществу граждан, не связанных с конкретным государством, а соотнесение себя со структурами общества на основе гражданских ценностей, опирающееся на значимый смысл такого объединения. Основой гражданской идентичности в данном ее понимании является осознанное присвоение гражданских ценностей, таких как внутренняя свобода, равноправие, личное достоинство, право на свободную информацию, справедливый независимый суд, ценности человеческой жизни, честные выборы, необходимости защиты меньшинства от давления большинства, признания ценности личности»¹¹.

Близкую к вышеуказанным авторам позицию занимает М.Д. Щелкунов, согласно которому гражданская идентичность выражается в «принадлежности индивида к некой гражданской общности», а также в осознании этой принадлежности и действиях, осуществляемых соответственно с ее требованиями¹². Развивая свою мысль, ученый подчеркивает, что гражданская идентичность представляет собой некий маркер, отражающий характерные черты общности граждан в отличие от других черт — культурных, национально-этнических, конфессиональных и т.д. По его мнению, в содержании идентичности следует выделять три момента: 1) когнитивный, предполагающий наличие у индивида знаний о гражданском обществе; 2) ценностный, связанный с оценкой того, что в общности, с которой он себя идентифицирует, является хорошим или плохим, достойным или недостойным; 3) «отношенческий», включающий в себя решение индивида о том, чтобы принять или не принять факт своей принадлежности к данной общности. Особенностью позиции анализируемых выше работ является то, что их авторы стремятся (преднамеренно или непреднамеренно) рассматривать гражданскую идентичность отдельно от государственной идентичности. Эта тенденция в последнее время отчетливо проявляется

в исследованиях, проводимых западными учеными, что напрямую связано с процессами глобализации, в результате которых национальные государства якобы обречены утратить свою значимость, а ведущая роль должна перейти к наднациональным образованиям. Примером здесь может выступать Европейский Союз, граждане которого уже являются не столько представителями тех или иных наций, сколько европейцами вообще. Хотя это в реальности не всегда так, но должно быть в идеале.

Для России, руководство которой провозгласило приоритетной идею национального суверенитета, такой подход едва ли является приемлемым, тем более, что национальные и исторические традиции русского народа как правило предполагали почтительное отношение к государству и верховной власти. Вследствие этого понимание гражданской идентичности имело и имеет на российской почве свою специфику. Ее как раз и подчеркивает А.Б. Гофман, утверждая, что в России «общенациональная идентичность выступает прежде всего не как гражданская, а как государственная. Индивиды ощущают себя не столько гражданами, ответственными за свою страну, сколько подданными государства...»¹³. В свою очередь, В.А. Тишков, будучи одним из последовательных государственныхников, утверждает, что гражданская идентичность выражается прежде всего в лояльности государству; однако иногда она ученым трактуется как солидарность и «общеразделяемое представление граждан о своей стране и как чувство принадлежности к ним»¹⁴. Иначе говоря, в данное им определение гражданской идентичности входит уже не только государство, но и социальная общность, т.е. народ.

К выводу о том, что «российская гражданская идентичность — это реально *государственно-гражданская идентичность*»¹⁵, приходит

11 Акимова М.К., Персиянцев С.В. Присвоение ценностей гражданского общества в зависимости от уровня интеллектуального развития // Инновации в образовании, 2015. № 4. С. 86.

12 См. Большаков А.Г. Формирование гражданской идентичности: проблемы, современное состояние, перспективы. https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2012_12-2_06.pdf (дата обращения: 13.01.2022).

13 Гофман А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории, 2010. Т. 4. С. 251.

14 Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. С. 66.

15 Дробижева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма http://www.perspektivy.info/rus/gos/grazhdanskaja_identichnost_kak_uslovije_oslablenija_etniceskogo_negativizma_2017-06-02.htm (дата обращения: 10.11.2021).

крупный специалист в области исследования проблем идентичности Л.М. Дробижева. Исходя из этого утверждения, она включает в определение гражданской идентичности отождествление себя индивидом с гражданами страны, а также с ее государственно-территориальным пространством, сопровождаемое чувством общности, солидарности и ответственности за все, происходящее в его границах. А.Г. Санина тоже трактует российскую идентичность «как концепт, объединяющий гражданскую и государственную составляющую»¹⁶. О важности учета государственной и гражданской составляющей в российской идентичности размышляет в своих работах Н.А. Галактионова. Свою позицию она обосновывает следующим образом: «Номинация “россиянин” определяет два аспекта государственный и гражданский. Государственный выражается исключительно административным закреплением статуса гражданина страны, который присваивается автоматически (по праву рождения или путем специальных процедур получения гражданства для мигрантов и характеризуется как формализованный, предписываемый извне). Гражданский аспект подразумевает ценностно-когнитивное наполнение, реализуемое в рамках патриотических чувств, приверженности ценностям страны»¹⁷.

Надо сказать, что само российское государство активно использует свои возможности для формирования гражданской идентичности посредством проводимой им социальной политики. Как отмечает академик В.А. Тишков, в числе приоритетов здесь находятся «образование, социальное обеспечение и здравоохранение, а также личная безопасность граждан. Их работе предлагается совершенствовать путем расширения участия самих граждан, стимулирования вовлеченности людей в решение своих социальных проблем и более широкого круга вопросов развития местного сообщества и социальной сферы. При этом государство не просто актив-

но использует возможности информационного общества для формирования нужного *дискурса идентичности*. Значительная часть усилий *по конструированию опор гражданской идентичности* переносится в сферу образования и в информационное пространство»¹⁸.

Проделанный анализ исследований, посвященных рассмотрению гражданской идентичности в современной отечественной научной литературе, позволяет сделать вывод о том, что необходимость формирования гражданской идентичности определяется тремя установками: 1) защита прав и свобод личности; 2) консолидация социальных связей и отношений; 3) упрочение государства как незыблемой основы существования и процветания российского общества. Разумеется, все эти три установки в той или иной мере принимаются всеми авторами. Даже либералы, озабоченные в первую очередь защитой прав и свобод личности, не отрицают роль государства в общественной жизни и критикуют его в основном за проведение властями авторитарной или тоталитарной политики. В свою очередь, так называемые «государственники», считающие своей главной задачей укрепление государственных институтов, не выступают ни в коем разе против соблюдения прав личности и защиты ее свобод. В конечном счете здесь все дело сводится к расстановке приоритетов и акцентов. И все же нельзя не отметить явно дающий о себе знать «этатистский» уклон. Специфика российского менталитета состоит в том, что общенациональная идентичность непременно содержит в себе, помимо гражданского аспекта, государственный, и это подчеркивается большинством авторов, занимающихся данной проблемой. Отсюда вполне закономерно вытекает то, что гражданская идентичность предстает в одних случаях как «лояльность государству», а в других — как «признание принадлежности к одному народу», что делает непременным наличие в определении данного понятия гражданского и государственного аспектов.

16 Санина А.Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/04/04/1251448439/Sanina.pdf> (дата обращения: 18.12.2021).

17 Галактионова Н.А. Гражданская идентичность как компонент личностной идентичности // Социология. Экономика. Политика. Известия высших учебных заведений, 2010. № 1. С. 12.

18 См. Стенограмму выступления Путина на заседании Совета по межнациональным отношениям <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-soveta-po-mezhnacionalnym-otnoshenijam-30-03-2021.html> (дата обращения: 21.12.2021).

Список использованной литературы

1. Абдулатипов Р. Идентичность россиян: этнонациональное и гражданское измерения // <https://history.wikireading.ru/24564> (дата обращения: 12.01.2022).
2. Акимова М.К., Персиянцева С.В. Присвоение ценностей гражданского общества в зависимости от уровня интеллектуального развития // *Инновации в образовании*, 2015. № 4. С. 85–91.
3. Большаков А.Г., Зазнаев О.И. Формирование гражданской идентичности: проблемы, современное состояние, перспективы https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2012_12-2_06.pdf (дата обращения: 25.12.2021).
4. Галактионова Н.А. Гражданская идентичность как компонент личностной идентичности // *Социология. Экономика. Политика. Известия высших учебных заведений*, 2010. № 1. С. 10–12.
5. Горлова И.И., Зорин А.Л. Тематизация понятия «гражданская идентичность» в современном социально-гуманитарном познании // *Культурологический журнал*. 2021. № 3 (45). URL: [www:http://cr-journal.ru/rus/journals/545.html&j_id=48](http://cr-journal.ru/rus/journals/545.html&j_id=48) (дата обращения: 18.01.22).
6. Гофман А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // *Вопросы социальной теории*, 2010. Т. 4. С. 241–254.
7. Дробижева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма http://www.perspektivy.info/rus/gos/grazhdanskaja_identichnost_kak_uslovije_oslablenija_etnicheskogo_negativizma_2017-06-02.htm (дата обращения: 10.11.2021).
8. Иванова, С. Ю., Аракелян, Э. А. Становление гражданской идентичности в полиэтническом социуме // *Вектор идентичности на постсоветском пространстве*. Ростов н/Д, 2007. С. 76–95.
9. Климова, С. Г. Социальная идентификация в условиях общественных перемен // *Человек*. 1995. № 3. С. 26–35.
10. Общероссийская гражданская идентичность на Юге России анализ мер и предложения по Южному федеральному округу и Северному Кавказу (аналитич. доклад) / И.И. Горлова, Т.В. Беспалова, А.А. Гуцалов, В.Е. Науменко. М.: Институт Наследия, 2020. 93 с.
11. Резник Ю.М. Человек гражданский: проблемы идентичности // *Вопросы социальной теории*. М., 2010. Т. 4. С. 305–325.
12. Санина А.Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/04/04/1251448439/Sanina.pdf> (дата обращения: 12.10.2021).
13. Семенов И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // *Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.)*. Редколлегия сборника: И.С. Семенов (отв. редактор), Л.А. Фадеева (отв. редактор), В.В. Лапкин, П.В. Панов. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 8–13.
14. Стенограмма выступления Путина на заседании Совета по международным отношениям <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-soveta-po-mezhncionalnym-otnoshenijam-30-03-2021.html> (дата обращения: 21.10.2021).
15. Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.
16. Шаповалова А.И. Структура внешнеполитической идентичности государства // *Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.)*. Редк. сб.: И.С. Семенов (отв. редактор), Л.А. Фадеева (отв. редактор), В.В. Лапкин, П.В. Панов. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 65–69.

RUSSIAN HUMANITIES ON THE SPECIFIC FEATURES OF CIVIC IDENTITY AND THE MAIN GOALS IN ITS FORMATION

Gorlova Irina Ivanovna,

DSc in Philosophy, Prof., Director, Southern Branch,
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnaya st., 28, Krasnodar, Russia, 350063, ii.gorlova@gmail.com

Zorin Aleksandr Lvovich,

DSc in Philosophy, Prof., Leading researcher of the department
for learning of the cultural heritage and expert activity, Southern Branch,
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnaya st., 28, Krasnodar, Russia, 350063, azor115@rambler.ru

Abstract

The article analyzes the experience of studying the features of civil identity (CI) in Russian humanities. The ambivalence and inconsistency of the definitions of CI, which is a complex and multi-layered phenomenon, is emphasized. It is argued that the different understanding of the goals and objectives of the formation of CI determines the existence of three approaches to its interpretation – liberal, sociocentric and statist. It is concluded that for the Russian mentality, due to many historical reasons and cultural and civilizational factors, the form of state-civil identity is the most optimal.

Keywords

Civil identity, civilizational identity, liberalism, sociocentrism, statism, state-civil identity.

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/NI.2022.38.3.002

ГОРОДСКИЕ МЕДИА КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Шилехина Марина Сергеевна,

кандидат культурологии, доцент Центра дизайна,
Тольяттинский государственный университет,
Ул. Белорусская, д.14, г. Тольятти, Россия, 445667,
marina_artdesign@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена феномену понятия «городские медиа» и анализу влияния городских медиа на процесс формирования культурного пространства современного города. На основе практического опыта запуска городского медиапроекта «Свернем в карман» выявлены возможности и специфика функционирования городских медиа в условиях проблемы формирования городской идентичности.

Ключевые слова

Культурное пространство города, городская идентичность, городские медиа, город, медиа-платформа, бренд города, городское сообщество, дизайн.

Город — это живой и конкретный организм, который наиболее полноценно воплощает культуру общества и дает выразительный срез культуры своего времени. Городские медиа в современном городе стали тем инструментом, который не только позволяет выявить этот характер культурного пространства, но и оказать влияние на формирование этого культурного пространства.

Городские медиа в России появились на подготовленной почве культурных процессов, которые происходили в 2010-х годах. Так в 2009 году в Москве открывается институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», издательство которого активно публикует классическую и новую литературу на тему урбанистики¹. В 2011 году

открывается Московский урбанистический форум, который становится основной площадкой, исследующей процессы, происходящие в современных городах. Таким образом «урбанистическая революция», которая началась в Москве и поменяла город к лучшему, стала примером и драйвером для подобных процессов в других городах России.

Данные процессы в России способствовали формированию нового слоя в культурных пространствах современных российских городов. В новом культурном контексте формируется осознание важности роли медиаресурсов, которые сосредоточены на городской тематике. Культура в контексте изучения роли городских медиа может рассматриваться как средство «распредмечивания объектов окружающего мира», а в резуль-

1 Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://strelka.com/ru/about> (дата обращения 05.04.2022)

тате — придания им смыслов и выражения этих смыслов на языках символов и условных знаков².

«Урбанистический бум» спровоцировал создание множества разнотипных медиапроектов, объединенных проблематикой современного города. Термин «новые медиа» появился для обозначения интерактивных электронных изданий и платформ целью разделения с понятием традиционных или масс-медиа. Формируется тенденция, в которой активная аудитория проходит по стадиям от роли читателя через комментатора контента до соавтора в формировании контента и затем к автору-колумнисту, после которого можно войти в состав команды медиаресурса.

В настоящее время для современной медиаплатформы свойственно присутствовать сразу на нескольких ресурсах и носителях: в печатном издании, в социальных сетях, а также иметь собственный сайт. Одним из ключевых форматов городских медиа изначально становится формат интернет-газеты. В 2010 году открывается городское медиа «The Village», которое начинает рассказывать о городской жизни в Москве в формате интернет-газеты, а также открывает филиалы в других городах России. Изначально городские медиа развивались в формате собственного сайта или как так называемой интернет-газеты, но уже ближе к 2020 году основной площадкой городских медиа становятся социальные сети, а сайт уже является дополнительной площадкой, куда переходит аудитория, когда хочет узнать больше информации по теме. Появление городских медиа в социальных сетях снизило входной барьер и позволило любому человеку, которому интересно этим заниматься, создать свое городское медиа. В результате появилось множество аккаунтов в социальных сетях, которые рассказывают про город с различных ракурсов. Данные тенденции позволяют сформировать множество городских сообществ и выявить деятельных агентов, которые влияют на процесс развития городов и формируют городскую идентичность. «Городская идентичность включает в себя множество факторов: осознание горожанами уникальности города, социальная сплоченность жителей, лояльность к городу, а в результате

2 Флиер, А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М.: Академический Проект, 2002. С.17.

— ощущение любви к тому месту, в котором ты живешь. Личностное восприятие делает образ города близким, любимым и формирует в обществе истинный патриотизм»³.

Объектом исследования новых городских медиа является город как целостный организм и место, в котором живут и коммуницирует люди и городские сообщества. Также важно обозначить, что при изучении городских медиа мы имеем дело с понятиями «пространство» и «время». Кант утверждал, что мы нуждаемся в пространстве, чтобы конструировать время, тем самым мы определяем время посредством пространства. Разницу между пространством и временем можно выявить относительно воспринимающего субъекта и получается таким субъектом относительно городского пространства становятся городские медиа. Важно понимать, что пространство является «вместилищем» культурных процессов, то есть городские медиа через исследование пространства города, исследуют культурные процессы, происходящие в данном пространстве.

В контексте исследования влияния городских медиа на культурные процессы, происходящие в городе можно применить комплексный подход к изучению города, который продвигал Н.П. Анциферов. Учёный считал, что для того, чтобы воспринимать город как целостный организм нужно исследовать его синтетически и учитывать его население как фактор, организующий городскую среду, живущим с нею одной жизнью. Он понимал город как некий «текст» культуры, обнаруживающий свою знаковую и символическую природу, который нужно изучать целиком, как единую взаимосвязанную систему. Анциферов писал, что «город как конкретный устойчивый организм дает нам наиболее выразительный образ культуры своего времени»⁴.

«Существование проблемы соотношения глобального и локального в урбанизированных ландшафтах современных городов решается достаточно радикально, так как локальное не ис-

3 Шилехина М.С. Культурное пространство современного города и его формирование средствами дизайна: дис... канд. культурологии: 24.00.01./ М.С. Шилехина; Саратов. гос. техн. ун-т им. Гагарина Ю.А. Саратов, 2019. С.97

4 Анциферов, Н.П. Пути изучения города, как социального организма. 2-е изд., испр. и доп.: Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1926. С.118.

чезает, а становится глобальным. Возникает глобальный мегаполис, в котором распространяется антикультурная парадигма, обезличивая людей, их жилища, уничтожая патриотические чувства к месту, где они родились, в котором они живут — в результате человек лишается Родины»⁵. Фокус новых городских медиа находится в контексте локальной повестки о том, что происходит в конкретном месте. Таким образом городские меди влияют на формирование городской идентичности у жителей города и работают с проблемой соотношения глобального и локального в современном городе.

Также важно обозначить позицию известного урбаниста В.Л. Глазычева, который подчеркивает способность городского сообщества развиваться «через осознание самого себя»⁶. По его мнению, ведущая роль в этом процессе принадлежит активному деятельному меньшинству населения. Потребность в локальных городских медиа формируется у жителей города от осознания желания увидеть и понять — чем мой город отличается от других, и почему я здесь живу? В результате понимания жителями города идентичности места, в котором они живут, повышает лояльность к городу и формирует потребность в диалоге с городом, желание участвовать в процессах развития города. Понять, насколько важно для городских медиа, идентичность места и позитивное отношение к этому месту можно по изучению слоганов популярных городских медиа. Например, слоган медиа г. Самары «Курмыши»: «медиа о том, как классно жить в Самаре». Слоган медиа г. Томска «Постер»: «расскажем о местах, людях и событиях Томска». Медиа г. Екатеринбурга «Itsmycity»: «Город в твоих руках. Медиа из Екб для тех, кто готов менять к лучшему мир вокруг себя».

Локальные городские медиа стали участвовать в формировании брендов городов. Брендинг городов как инструмент в формировании городской идентичности стал активно развиваться в России в 2000-х годах. В это время в России появилось огромное количество разработанных территориальных брендов от Москвы и Санкт-Петербурга до Мышкина и Великого

Устюга. «Понимание того, что современные города, которые не осознают своей уникальности, теряют своих жителей, свою инвестиционную привлекательность спровоцировало больше сотни российских населённых пунктов обзавестись собственным брендом, но большинство этих попыток оказались несостоятельными»⁷. В идеале брендинг российских городов должен был отражать лучшие стороны местной жизни и быть воплощением идеи, способной объединить вокруг себя горожан. Причина кроется в том, что разработчики чаще всего игнорировали глубинный смысл брендинга, преследуя утилитарные цели: создать бренд исключительно для привлечения инвесторов и туристов. Получается, что локальные городские медиа начали выполнять задачи, которые возлагались на процесс брендинга города, а именно формировать городскую идентичность, вовлекая активных жителей города.

В отечественных научных работах происходит активное осмысление и изучение новых городских медиа как важного инструмента в формировании культурных процессов современных городов. Например, учеными выделяются две характерные особенности городских медиа: урбанизация и гражданская активность. Получается, что в новых городских медиа важен контент, который не просто информирует, а влияет на городское сообщество, преобразовывая его. Исследователи выделяют «охват молодежной аудитории, ориентированность на креативный класс, высокая вовлеченность аудитории, развлекательный контент, аналитика и развитие бренда территории, и как следствие возврат и удержание человеческого капитала»⁸.

Представитель петербургской школы теории журналистики М. Зеленцов в своей научной статье выделяет «следующие функции городских медиа: формирование информационной повестки дня города; акцентирование внимания на определенных локальных проблемах; медиатизация политической и социальной сферы города; формирование единого информационного

5 Шилехина М.С. Указ. соч., С.84

6 Цит. по: Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984. С. 180.

7 Шилехина М.С. Указ соч., С. 91

8 Власова, Е. Г. Новая городская журналистика: на материале пермского интернет-журнала «Звезда» // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения. Т. 1. СПбГУ, 2018. С. 71.

пространства города с втягиванием аудитории в общий медийный процесс; создание аксиологических установок аудитории; формирование локальных городских сообществ»⁹. Также можно сказать, что городские медиа решают главную проблему городской жизни по Г. Зиммелю — «бесчувственное равнодушие» горожанина¹⁰. Данным термином автор объясняет «возникновение нового способа поведения горожанина, который занимается культурным приспособлением для того, чтобы защитить себя от толпы людей. Основная проблема современного города заключается в том, что городское окружение состоит из «стимулов», которые сливаются и превращаются в хаос. В результате город как бы разобщается с индивидом и формируется новый вид горожанина — изобретательный городской индивидуалист, который испытывает апатию к городу и его культуре»¹¹.

Можно предположить какие задачи решают новые городские медиа в контексте формирования городской идентичности: изучение повседневной жизни в городе и выстраивание фокуса на его уникальных особенностях; информирование об изменениях в городе; конструирование портрета города не для туриста, а для жителя города; выстраивание акцента на настоящую жизнь города и взгляд на прошлое через призму настоящего; создание медиа как путеводителя по городской жизни; изучение городских трендов; инициация городских проектов и модернизация городского пространства; обозначение символического контекста города; диалог с жителями города, формирование городских сообществ; освоение городского пространства; расширение поля интересов в изучении городской жизни. В результате городские медиа становятся площадкой по исследованию городского пространства и способны запустить процесс формирования нового слоя культурного пространства города.

Рассмотрим опыт запуска городского медиа-проекта на примере города Тольятти.

Культурное пространство города Тольятти в своей истории имело множество слоев и формировалось ступенчато от переноса Ставрополя на Волге и строительства ГЭС до процесса строительства градообразующего предприятия АвтоВАЗ и нового района Автограда, созданного на тот момент по последним градостроительным тенденциям. В последнее время в Тольятти только нарастает проблема формирования городской идентичности. Так, начиная с 2015 года уровень населения в Тольятти уменьшается, особенно отток населения касается молодого поколения. Моногород на данный момент находится в топе списка городов России с самым высоким миграционным показателем. Согласно статистике за январь 2021 года, в городе проживает 693 тыс. человек, что на 6 тыс. человек меньше, чем в предыдущем году¹². При том, что город Тольятти является уникальным городом, в силу своего территориальных особенностей, выражающихся в разделении города на три административных района, разделенных большим участком леса, а также истории создания и развития города. Также мешают городской идентичности образы, которые закрепились в сознании горожан: в начале 90-х годов образ «бандитского» города и в 2010-х годах как «самый бедный город России». Коренные жители города в свою очередь сохраняют свою принадлежность месту и формируют позитивные представления о Тольятти, иногда даже в случае смены места жительства. Но городские паблики только усиливают негативный образ города, публикуя информацию о дорожных происшествиях и преступлениях в городе, городских проблемах и недовольстве городской жизнью. Многие темы медиаресурсов берутся от общего информационного поля, не привязанного к локальным особенностям и культуре. Общий анализ контента городских тольяттинских медиа показывает, что опыт в формировании медиапроектов есть, но задачи по формированию идентичности города и выявлению культурного потенциала города не решаются. Поэтому в рамках дипломной работы

9 Зеленцов, М. В. Городские медиа: условия функционирования [Текст] / М. В. Зеленцов // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4. № 3. С. 266–267.

10 Трубина, Е. Г.: Город в теории: опыты осмысливания пространства. М.: НЛЮ, 2011. С.43.

11 Там же. С. 50-51.

12 Газета «Коммерсант». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4801620> (дата обращения 05.04.2022)

студентов Центра дизайна Тольяттинского государственного университета Серафимы Комлевой и Дарьи Усмановой, под руководством доцента Шилехиной М.С. была взята тема по разработке городского медиапроекта, направленного на выявления идентичности города Тольятти. В разработанном медиапроекте применены следующие решения: ответы на запросы потребителей и акцент на локальность информации; возможность стать соавтором проекта; совмещение туристической справки с историей места и лайф-стайл контентом; современный и простой в плане навигации дизайн, живой блог общения с потребителями, подвижность и актуальность контента; продуктивный формат сотрудничества с инфлюенсерами и организациями; создание нового уникального культурного сообщества города и обзор культурной и городской жизни Тольятти, интерактивность информации и инициирование собственных проектов, формирование позитивного образа города. Название медиапроекта «Свернем в карман» появилось из известного местного выражения, обозначающего съезд с основной дороги во внутриквартальную. Для проекта важно разговаривать на том же языке, что и тольяттинцы, что подчеркивается его неймингом.

В августе 2020 года проект «Свернем в карман» одержал победу в молодежном конкурсе медиапроектов Минстроя России в сфере урбанистики "Городские интонации", в номинации «Городские медиа». В конкурсе приняли участие 611 работ почти со всей страны: от Калининграда — до Хабаровска¹³.

Данная победа в конкурсе послужила стимулом для реализации проекта и в октябре 2020 года доцент ТГУ Шилехина М.С. набрала команду студентов в рамках Проектной деятельности ТГУ и запустила проект в реализацию. Медиапроект существует на площадках в социальных сетях и выпускает контент по рубрикам: туризм, архитектура, еда, события, арт и фотопроекты, люди¹⁴. Изначально редакция проек-

та была сфокусирована на разработке контента и выпуске постов в непрерывном режиме работы, но потом стало понятно, что нужно больше вводить интерактивности и живого взаимодействия с аудиторией. В феврале был проведен мастер-класс на площадке Отдела современного искусства по созданию коллажей на тему образа районов города. Также был создан формат клуба «Свернем в карман», в который может попасть любой житель города и поучаствовать в мероприятиях медиа. Целью клуба стало выстраивание коммуникации с активными жителями города на основе принципов вовлечения и соучастия. Так в рамках клуба планируется проводить городские экскурсии по интересным маршрутам Тольятти и дискуссионные встречи клуба. В данное время дизайнерами ТГУ создаются арт-объекты для выставки «Эксперимент: от арт-объекта до города» на городской площадке Центра современной культуры «Голосова 20» и члены клуба «Свернем в карман» могут поучаствовать в создании арт-объектов и в мероприятиях выставки.

Таким образом, можно сказать, что медиа «Свернем в карман» осваивает локальную повестку, находится в процессе формирования локального городского сообщества и выходит на сотрудничество с различными культурными лидерами мнений в городе. «Основной вопрос в концепции городских медиа заключается в результативности их работы — формируют ли городские медийные структуры городские сообщества (комьюнити)?»¹⁵. И можно ответить на данный вопрос ответом, что медиа «Свернем в карман» находится на пути к формированию городского сообщества жителей города, которые ощущают уникальность Тольятти, любят этот город и хотят проживать в нем интересную творческую жизнь. Городские медиа являются важным инструментом для формирования культурного пространства города и практический опыт показывает, как важно для города создать городское медиа, которое напрямую коммуницирует с горожанином.

13 Сайт «Российская газета». [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://rg.ru/2021/09/24/v-rossii-zavershilsia-molodezhnyj-konkurs-mediaproektov-v-sfere-urbanistiki.html> (дата обращения 05.04.2022).

14 Сообщество городского медиа «Свернем в карман». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/svernemvkarman> (дата обращения 05.04.2022).

15 Зеленцов М. В. Городские медиа: условия функционирования // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4. № 3. С. 270.

Список использованной литературы

1. Анциферов Н.П. Пути изучения города, как социального организма. 2-е изд., испр. и доп.: Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1926. 151 с.
2. Власова Е. Г. Новая городская журналистика: на материале пермского интернет-журнала «Звезда» // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения. Т. 1. СПбГУ, 2018. С. 346–347.
3. Зеленцов М. В. Городские медиа: условия функционирования // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4. № 3. С. 262–272.
4. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.
5. Шилехина М.С. Культурное пространство современного города и его формирование средствами дизайна: дис.... канд. культурологии: 24.00.01./ М.С. Шилехина; Саратов. гос. техн. ун-т им. Гагарина Ю.А. Саратов, 2019. 239 с.
6. Шилехина М.С. Современные тенденции формирования культурного пространства города: проблемы и возможности // Культурное наследие России. 2016. № 4 (15). С. 103–109.

URBAN MEDIA AS AN OPPORTUNITY TO FORM THE CULTURAL SPACE OF A MODERN CITY

Shilekhina Marina Sergeevna,

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Design Center,
Togliatti State University,
Belorusskaya str., 14, Togliatti, Russia, 445667,
marina_artdesign@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the phenomenon of the concept of "urban media" and the analysis of the influence of urban media on the process of forming the cultural space of a modern city. Based on the practical experience of launching the urban media project "Let's turn into a pocket", the possibilities and specifics of the functioning of urban media in the context of the problem of the formation of urban identity are revealed.

Keywords

Cultural space of the city, urban identity, urban media, city, media platform, city brand, urban community, design.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

RAR

УДК 7.06

ББК 85

DOI 10.34685/NI.2022.38.3.003

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО ЦЕРКВИ: ОТ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ АНТИМИССИИ ДО ЭКОЛОГИИ ОБРАЗА

Крижевский Максим Владимирович,

иерей, кандидат искусствоведения,

доцент кафедры Истории и теории христианского искусства

факультета Церковных художеств ПСТГУ,

Новокузнецкая ул., 23 Б, Москва,

maxim71-03@yandex.ru

Аннотация

Рассматриваются особенности бытования христианского искусства в контексте современной секулярной культуры. Обозначены главные направления искажения понятия образа и символа. Выявлены два плана рассмотрения данной проблемы: внутрицерковный и общекультурный. Предложено рассматривать общее направление для сохранения понятия образа как экологию иконы.

Ключевые слова

Церковное искусство, образ, символ, экология образа.

Отмечая тридцатилетие возрождения церковного искусства в России, не лишним будет вспомнить, что юбилеи учреждены Богом (Лев 25, 10). И это не просто мероприятия, а заповеди, вырастающие из заповеди Декалога о субботе, являющиеся ее логическим развитием, расширением. Это заповедь об отдыхе после совершенной работы, о необходимой ритмичности творческого процесса. Созидательный труд нуждается в остановках, смене угла зрения, восстановлении сил, обдумывании последующих шагов.

Обратная сторона юбилея

Мы сейчас используем понятие юбилея скорее лишь для торжества той или иной победы, совершения, преодоления, отчета в достижениях. Для нас юбилей приобрел отчетно-выборное измерение, — уже не ветхозаветное. Таким образом, наши круглые даты всегда условны и обладают способностью скрывать огрехи, ошибки мелкие и не только. Они не меняют оптику, а лишь приближают и увеличивают отдельные детали, положительные фрагменты. Это их недостаток. Они округляют положение дел, вынося за скоб-

ки все, что не вписывается в повод для юбилея, а по большому счету, — в повод для тщеславия. Но, учитывая, какими усилиями чествование этих памятных дат обычно сопровождается, жаль, что такой ресурс не используется для исправления или хотя бы анализа, просто обозначения ошибок, которые при совершении любой работы всегда есть.

То, что произошло в церковной истории за последние 30–40 лет *удивляет* в первую очередь не внутренним подвигом возрождения всех сфер жизни Церкви. Это — без преувеличения подвиг, но такое состояние хорошо известно Церкви, она в состоянии подвига находится уже третье тысячелетие. Подвиг — это Крест, это путь ко спасению. В постсоветском возрождении этот подвиг безусловно был. Обращает на себя внимание то, что произошло в этот период на границе между Церковью и тем миром, который не является Церковью. Миром, который должен был в очередной раз услышать Благоую Весть в масштабах поистине апостольских. Это явление скорее культурного, языкового характера, хотя имеющее вполне определенные духовные последствия. Это проповедь Благой Вести на самых разных языках. Здесь церковное искусство выполняло задачу проповеди не меньше, чем лекции, дискуссии, репортажи и прочие формы Благовестия того времени.

Об эстетических аспектах христианской проповеди известно и сказано много. Известно и нашей отечественной церковной истории также: от самого ее начала (обращение великого князя Владимира: во время диспута о вере перед иконой Страшного Суда, и впечатления послов великого князя от богослужения в Цареградском храме)¹ и до наших дней (случай с православным миссионером в одном из университетов, переполненных протестантскими методистами, когда он молча поставил перед собой икону Спасителя, и это привлекло гораздо больше внимания студентов, чем несмолкающие разговоры других проповедников). Что же особенного было в такой проповеди через церковное искусство в период постсоветского ренессанса?

Миссиологический аргумент

Пограничная сфера жизни Церкви, где главным образом осуществляется апостольская проповедь, подчиняется ряду закономерностей. Она,

являясь частью Церкви — Богочеловеческого организма, также включает в себя две составляющие: неизменяемое Божественное Откровение и человеческую жизнь, к которой проповедь Откровения обращена, историческую, культурную область. В самом общем смысле эту ситуацию можно представить в виде процесса перевода с одного языка на другой. Для каждого переводчика в любом переводе всегда из пары языков один является приоритетным. Иногда это язык, с которого осуществляется перевод, а иногда — это язык, на который переводят. Полной симметрии здесь быть не может поэтому специалисты считают невозможным полноценный перевод, скажем, поэтических текстов. В проповеди приоритетным является язык Откровения, исказить содержание которого недопустимо. Это первая задача, которая стоит перед каждым проповедником. Вторая задача проповедника — сделать, тем не менее, понятным неизменяемое вероучительное содержание по отношению к тому или иному историческому, человеческому языку, человеческому сознанию.

Вот, в такой ситуации перевода, оказалось и церковное искусство, как орудие проповеди в то непростое время возрождения церковной жизни конца двадцатого века. Но применительно к искусству упомянутая миссиологическая закономерность требует уточнений. Если в словесной проповеди ориентиром не искажаемого Божественного Откровения могут быть вероучительные формулировки, принятые Церковью, — догматы. То, что можно считать в иконе такой константой? Очевидно все то, что мы включаем в понятие канона церковного искусства. Икона должна быть замечена, увидена и пережита человеком, впервые слышащим Евангелие. В каком-то смысле она должна быть понятной, знакомой ему. Но при этом недопустимо, чтобы, достигая этой понятности и узнаваемости икона искажала канон. Церковь определяется словесно-догматически в вероучении, в гимнографии, и она же в церковном искусстве определяется как образ Божий. Этот образ Божий ни при каких конкретных обстоятельствах проповеди нельзя исказить.

Канонический аргумент

Для того, чтобы защитить канон церковного искусства от искажений нужно хорошо понимать, о чем идет речь. Канон — это память Церкви. Выполненные в каноне иконы различны, но они пронизаны общей памятью Божественного Открове-

1 Повесть временных лет. М., Просвещение. 2015.

ния. Эта память сохраняет ясность церковного догматического самосознания во все времена. Как утрата памяти означает повреждение ума, так искажение канона предупреждает об искажении догматов. Канон — это генетическая память Церкви, сохраняемая через цепь преемственности. Канон — это результат генетической верности такой преемственности каждого поколения христиан. Память Церкви хранится верностью Священному Преданию, творческой верностью канону.

В период, которому посвящена сегодняшняя встреча, такое представление об ориентирах для церковного искусства в условиях проповеди было подвергнуто ряду серьезных испытаний. Известно, что в корне многих проблем истории Русской Церкви лежат ее масштабы. Огромные территории, расстояния, аудитории для проповеди всегда создавали препятствия гармоничному развитию церковной жизни, и церковного искусства, в частности. Это вполне объективная проблема, с которой Русская Церковь столкнулась очередной раз в 90-х гг. двадцатого века. Огромное количество людей пришло в Церковь в это время. Их потребность, в частности, в предметах церковного искусства удовлетворить было невозможно. Икон не хватало в открывавшихся храмах, их не хватало тем более в домах новых христиан. Как сказал один из русских архиереев того времени об этой проблеме: «нас распинают на открывающихся приходах...» Тем более, что мастеров и мастерских тогда было крайне мало. И здесь появляется проблема технологическая. Иконы можно тиражировать с помощью различных современных технологий, но, что именно мы получаем в результате такого иконопроизводства (не путать с иконописью!), пока никто не осознал. Кроме того, встает вопрос отбора икон для их тиражирования, а далее — особенностей литургического сознания людей, которые учатся молитве перед такими иконами, вопросы символического сознания, эстетического сознания и проч.

Дисфункция образа

К тому же, оказывается, экономический фактор тоже работает не в пользу канона в такой ситуации. Икона становится дешевой во всех смыслах слова, доступной в самом ненужном смысле слова. Эта доступность искажает опыт молитвы на стадии его формирования, сильно влияет на деградацию символического и эстетического сознания нашего поколения христиан. В конечном итоге, такая деградация сказывается на при-

витии дурного вкуса, и на том, что иконы, при их огромном количестве, становятся в сознании даже глубоко верующих людей просто элементом интерьера. Технологии решают проблему дефицита, создавая проблему избытка. Икона теперь украшает помещения почти орнаментально, она не становится центром помещения, главным местом пространства, красным углом.

Мы живем в таком соседстве с образами Божиими, не отдавая себе отчета в том, что ходим мимо самых важных в нашей жизни изображений, даже лба не перекрестив. А упомянутый в начале нами эстетический аспект проповеди при таком изменении отношения к иконе переходит в противоположное состояние — дисфункции, то есть, эстетической антимиссии. Многих современных людей плохой эстетический вкус в пространстве храма, и почти безразличное или доведенное до автоматизма «благочестие» самих христиан, скорее отталкивает от Церкви, чем способствует проповеди и воцерковлению. Это серьезная проблема.

Со временем все-таки вырастает поколение и не одно уже поколение иконописцев, появляются школы. Но запущенный печатный станок оказывается уже не остановить. И тиражируются священные изображения уже не только в формате иконы, но и в формате эмблемы, иллюстрации, упаковки и т.д. А затем этот процесс уже выходит за пределы Церкви, и становится частью мирской жизни, частью бизнеса. И в подземных переходах висят календари с изображением икон рядом с календарями с совершенно неприличными картинками. Параллельно лавинообразно развивается интернет, и икона в таком незащищенном состоянии становится там достоянием уже откровенно антихристианских сил. И уже невозможно оценить, что представляет большую угрозу искусству Церкви сегодня: бесконтрольное и безнаказанное кощунство с использованием сакральных изображений или эстетика «нового благочестия» в переливающихся картинках-гифках, которые обрушиваются на нас в каждый праздник пересылаемые в мессенджерах бесконечным потоком, который уже укореняет безвкусию современных христиан в качестве нормы.

Экология образа

Примерно десятилетием ранее начала возрождения церковной жизни в России академик Дмитрий Сергеевич Лихачев поднял в своих работах проблему экологии культуры. Он преду-

прежде, что усилия по сохранению от загрязнения и разрушения окружающей человека среды должны быть направлены не только и столько на природную среду, но и на культуру. Была ли эта мысль интуитивным предчувствием церковного ренессанса или нет, мы теперь едва ли узнаем наверняка, но те, кому через десять примерно лет довелось в этом возрождении участвовать, мысль академика Лихачева поняли. Много с тех пор было рассуждений в церковной среде, главным образом, о культуре, ее сокровищах, их сохранении и освоении. Но парадоксальным образом получилось так, что, когда эта же проблема оказалась спроецированной непосредственно на возрождающуюся жизнь Церкви, она растворилась в других смыслах и задачах, стала неочевидной. Самое главное в сокровищнице Церкви никто не стал защищать и сохранять, все занялись второстепенными вопросами. Что можно назвать среди причин такой близорукости? Да, в то время подняли голову всевозможные обновления, которые конечно же отвлекали от главного. Век технологий, с которыми не то, что церковное сознание, но и породившая его светская культура еще не нашла общего языка, внес вклад в общую суматоху. Экономический фактор, который ничего нового не создал в этой ситуации, просто очередной раз проявился в формах далеко не новых для церковной истории. Общекультурная деградация эстетического и символического сознания — это также сюжет, начавшийся задолго до второй половины двадцатого века, и знакомый церковному искусству давно.

Едва ли получится составить достоверную историю болезни, но очевидно, что диагноз, озвученный академиком Лихачевым, очень подходит к ней. Мы стоим перед фактом искажения

и разрушения эстетического и символического сознания Церкви, и это состояние требует экологии, защиты, очищения сакрального образа от всех перечисленных угроз современной культуры. Мы сегодня нуждаемся в экологии образа.

Литургический аргумент

Что можно понимать под этим словосочетанием? Для понимания нужна большая работа. Нужно исследовать, думать, говорить, спорить. Эту работу необходимо начинать в Церкви уже сейчас. На уровне духовном, юридическом и экономическом, эстетическом и педагогическом. Одно можно допустить уже сегодня бесспорно: при всей многофакторности данной проблемы, решение ее имеет один очевидный ориентир. У образа есть иммунитет от многих симптомов данной болезни пока он находится в пределах литургической системы координат. Образ должен существовать на оси, соединяющей Первообраз и молитвенно обращенного к Нему человека. Если вернуться к упоминавшемуся уже в начале нашего разговора догмату о богочеловеческой дихотомии церковного организма, то очевидно, отклонения от этой оси возможны только со стороны человека. Иначе говоря, как только образ помещается в нелитургическую перспективу: будь то эстетическая, экономическая, квазидуховная и проч., символ распадается на составляющие, которые живут отдельной жизнью. Человеческая сторона распавшегося символического единства, утратив молитвенную обращенность к Богу, оказывается подверженной всем опасностям исторического человека, каким он стал после грехопадения Адама.

Экология образа это и есть очищение и защита образа от всех нелитургических инозначений, это усилие, возвращающее икону в ее каноническое состояние, требующее серьезной духовной и научной работы.

CONTEMPORARY ART OF THE CHURCH: FROM AESTHETIC ANTI-MISSION TO THE ECOLOGY OF THE IMAGE

Kryzhevsky Maksim Vladimirovich,
Priest, PhD, Associate professor,
Stories and theories of Christian art, PSTSU,
Novokuznetskaya Street, 23 B, Moscow,
maxim71-03@yandex.ru

Abstract

The features of the existence of Christian art in the context of modern secular culture are considered. The main directions of distortion of the concept of image and symbol are indicated. Two plans for the consideration of this problem have been identified: intra-church and general cultural. It is proposed to consider the general direction for preserving the concept of the image as the ecology of the icon.

Keywords

Church art, image, symbol, ecology of the image.

RAR

УДК 930.85

ББК 63.2

DOI 10.34685/NI.2022.38.3.004

АРАБОГРАФИЧНЫЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ПО МУСУЛЬМАНСКОМУ ПРАВУ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН. (НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ ФОНДОВ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ Г. УФЫ)

Салих Надир Рамилевич,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории Республики Башкортостан,
археологии и этнологии Института истории
и государственного управления Башкирского
государственного университета,
ул. Заки Валиди, д.32, г. Уфа, РБ, Россия, 450076,
nadir_ufa@mail.ru

Аннотация

Дается описание историко-культурных памятников в виде арабографичных рукописных произведений по мусульманскому праву, сконцентрированных в архивных фондах отдела редких книг и редких изданий Национальной библиотеки Республики Башкортостан им. Ахмет-Заки Валиди и отдела редких книг Научной библиотеки Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Отдельное значение придается выявлению места этих памятников в духовной культуре тюркоязычных народов Башкортостана.

Ключевые слова

Историко-культурное наследие, памятники истории и культуры, арабографичные рукописи, духовная культура, религия, мусульманское право, архивный фонд, тюркоязычные народы Башкортостана.

Глубокое, плодотворное изучение народа — его исторического прошлого и настоящего, социальных и культурных институтов в их историческом развитии — не может не опираться на тщательную разработку его письменного наследия. Изучение и издание письменных памятников, будучи важным самостоятельным событием, всегда становится стимулом и предпосылкой исследования историко-культурно-

го процесса. Изданный Президентом РФ Указ о проведении в 2022 году в Российской Федерации Года культурного наследия народов России подтверждает актуальность изучения историко-культурных памятников, являющихся истоками духовной и материальной культуры различных этносов и конфессий нашей страны. В этой связи изучение и введение в научный оборот историко-культурных памятников в виде арабогра-

фичных рукописей Башкортостана, являющихся олицетворением духовных и мировоззренческих основ для тюркоязычных народов региона, приобретает все большую актуальность.

На сегодняшний день в различных научных учреждениях Республики Башкортостан хранится около 3,5 тыс. рукописей на арабском, персидском и турецком языках, тематически относящихся к таким разделам как мусульманское право, корановедение, хадисоведение, история, медицина и т.д. Нами уже был опубликован ряд научных статей по данной проблематике в отечественных изданиях¹, однако в рамках этой статьи был привлечен корпус неопубликованных источников, которые послужили объектом данного исследования. К ним мы отнесли рукописные историко-культурные памятники по мусульманскому праву (фикх) двух фондов: отдел редких рукописей и изданий Национальной библиотеки Республики Башкортостан им. Ахмет-Заки Валиди (далее ОРРИ НБ РБ) и отдел редких книг Научной библиотеки Уфимского федерального исследовательского центра РАН (далее ОРК НБ УФИЦ РАН).

Термином фикх обозначается мусульманское право². В период жизни пророка Мухаммада слово «фикх» употреблялось в значении углубленного понимания и знания различных аспектов религии. Именно в этом значении понятие «фикх» употреблялось в первые десятилетия после пророка (в период жизни его сподвижников и табиунов). Развитие системы мусульманского права (фикха) происходило на протяжении нескольких исторических периодов. В период жизни пророка Мухаммада появились основные источники мусульманского права — Коран и Сунна. Именно в это время произошло становление фикха в качестве фундаментальной правовой системы.

К X в. окончательно сформировались различные правовые школы, которые впоследствии

получили название «мазхаб» («путь»). Первоначально в исламе не было методологических различий. В случае каких-либо разногласий ранние мусульмане обращались к пророку Мухаммаду и беспрекословно подчинялись его решениям. После смерти пророка стали появляться различные доктринальные школы. Однако в правовых вопросах (фикх) различные мнения, методы и заключения в целом допускались, если являлись обоснованными. Мазхабы ислама можно подразделить на три категории:

1. Политические (партии насибитов, шиитов и хариджитов);

2. Доктринальные (три суннитских доктринальных мазхаба — матуридитская, ашаритская и салафитская школы; школы мутазилитов, имамитов, иснаашаритов, зейдитов, хариджитов, кадаритов, джабритов);

3. Правовые (ханафиты, маликиты, шафииты, ханбалиты, джафариты, зейдиты и захириты; считают своими источниками положения Корана и Сунны).

После появления ислама в Башкортостане местное население придерживалось ханафитской правовой школы. Упрочению ислама ханафитского толка способствовала поступавшая сюда ханафитская правовая литература, переписываемая во многих селениях.

В XVI–XIX вв. в Башкортостане шариат становится основным законом, регулирующим правовые отношения. Литература по данной тематике пользовалась большим спросом, чем остальные книги, так как применялась не только в образовательном процессе, но и для регулирования правовых отношений.

С укреплением ханафитского мазхаба в регионе теряли актуальность произведения, связанные с политическим и доктринальными направлениями фикха. Так, в фондах ОРРИ НБ РБ и ОРК НБ УФИЦ РАН количество рукописных книг по праву того периода значительно превышает количество книг другой тематики. Например, в рукописных фондах представлено такое крупное сочинение по мусульманскому праву, как «الفقه الأكبر» «Аль-Фикх аль-Акбар» автора Ан-Нугмана ибн Сабита аль-Куфи (699–767 гг.), более известного как Абу Ханифа. С имени этого автора начинается письменная традиция в исламском богословии. Ему приписывается первое записанное сочинение по исламской догматике, в котором сформулированы ее основные положения:

1 Салих Н.Р. Арабографические рукописи в Башкортостане: исторический очерк. Уфа, 2019. 188с.; Он же. Переписчики арабографических рукописей на Южном Урале в XIX в. Научный журнал «Былые годы». 2019. Вып. 52, № 2. С. 576-584; Он же. Роль арабографических рукописей в развитии системы мусульманского образования на Южном Урале в XVIII-XIX вв. Научный журнал «Вопросы истории». 2021. Вып. 52, № 10 (2). С. 235-244.

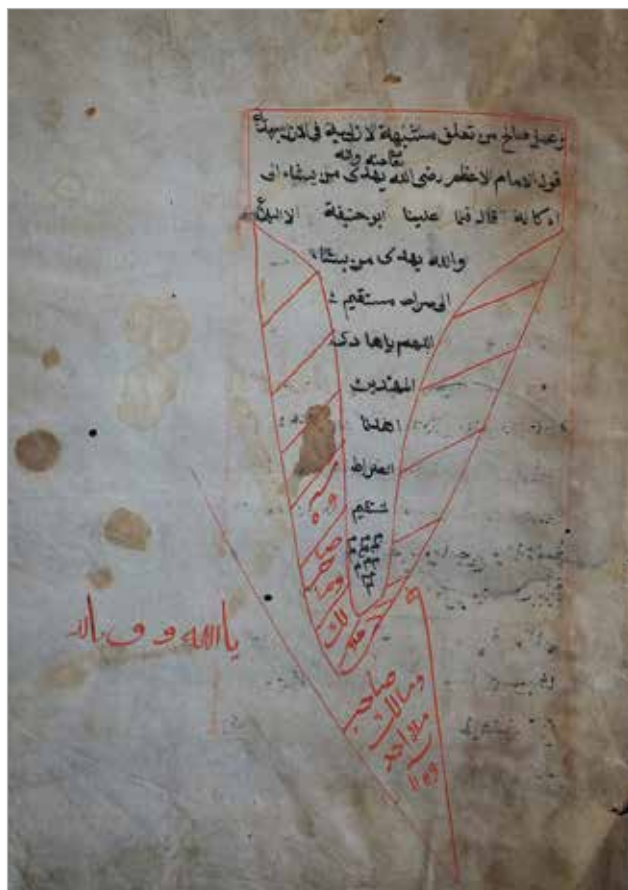
2 Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М, 2007. С. 423.

о единобожии, об атрибутах Бога в Коране как в слове Божьем, о всемогуществе Бога, о свободе воли, о пророческом достоинстве, о греховности людей, о добрых делах и воздаянии за них, о вере (иман), о предопределении, о праведности, о достоинствах тех, кто упомянут в Коране³.

В произведении «Аль-Фикх аль-Акбар» автор подробно описывает многие положения ислама, касающиеся практики религиозной жизни (намаз, пост, закят и т. д.). Данный труд является энциклопедией ханафитского мазхаба. В фондах представлены только комментарии на данное произведение, количество которых составляет 12 экземпляров.

В фонде ОРРИ НБ РБ имеется 4 экземпляра комментариев: комментарий Мухаммада Мусы ибн Исхак аль-Булгари ат-Татархани, переписанный в 1898 г. на старотюркском языке⁴; комментарий Али ибн султан Мухаммад аль-Кари (2 экземпляра, в одном из них переписчик и дата переписки не установлены⁵, переписчиком второго экземпляра является мулла Абд-аль Кадир, д.Балыклыкуль, медресе Хусн ад-Дин⁶). В фонде ОРК УНЦ РАН имеется 8 комментариев, самый ранний из которых переписан в 1706 г.⁷. Остальные источники переписаны в XIX в.⁸. Все указанные экземпляры написаны на арабском языке.

Другим известным произведением в области мусульманского права следует считать «مختصر القدوري» «Мухтасар аль-Кудури» («Сокращенное изложение Кудури»). Его автор Абу аль-Хасан Ахмад ибн Мухаммад ибн Ахмад ибн Джафар ибн Хамдан аль-Кудури аль-Ханафи (973–1039 гг.) родился в Ираке. Имам аль-Кудури был одним из величайших и известнейших иракских ученых ханафитского мазхаба. Произведение «Мухтасар аль-Кудури» представляет собой описание всех сфер фикха: муамалыята (торговые отношения), ибадата (поклонение), укубата (наказания) и мунакяхата (вопросы, связанные с никахом). В фондах имеется только два эк-

Фрагмент комментария на произведение «Фикх аль-акбар». Автор Джафар ибн Умар. Список 1820 г

земпляра этого произведения, переписанные в 1595г.⁹ и в 1789г.¹⁰. Кроме того, имеются комментарии на данное произведение. Самое многочисленное из них — произведение под названием «تحفة الملوك» «Тухфат аль-Мулюк» («Подарок царя») неизвестного автора. В фонде ОРРИ НБ РБ данный комментарий представлен пятью экземплярами. Самый ранний из них переписан в 1696 г. Касимом ибн Мухаммадом¹¹, все остальные экземпляры переписаны в XIX в.¹². В фонде ОРК НБ УФИЦ РАН представлено три экземпляра комментариев на это произведение¹³.

3 Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С.11–12.
 4 ФАР ОРРИ НБ РБ. Р-№19
 5 Там же. Р-№11
 6 Там же. Р-№44
 7 ФАР ОРК НБ УФИЦ РАН. РНБ3643
 8 Там же. РНБ 1484 (1 часть), РНБ 1485, РНБ 1502, РНБ 3671, РНБ 3990, РНБ 6719, 3678

9 ФАР ОРРИ НБ РБ. Р-№32
 10 ФАР ОРК НБ УФИЦ РАН. РНБ2012
 11 ФАР ОРРИ НБ РБ. Р-№58
 12 Там же. Р-№73, Р-№74, Р-№75, Р-№162
 13 ФАР ОРК НБ УФИЦ РАН. РНБ1488, РНБ 1468, РНБ 6718

Следующим примечательным произведением является «*الهداية*» «Аль-хидаят» («Истинный путь») — своего рода комментарий к основным правовым принципам, отраженным в произведении «Мухтасар». Составитель — Бурхануддин Али Маргинани (ум. в 1197 г.). «Аль-хидаят» составлен на основе сочинений Мухаммада аш-Шайбани («Малый сборник») и Абу аль-Хусайна аль-Кудури («Мухтасар аль-Кудури»). Труд больше всего известен как отдельное произведение, а не комментарий. Это объясняется тем, что по сравнению с другими произведениями в «Аль-хидаят» более подробно раскрываются темы, связанные с разделением наследства, земельным правом и т. д.

Фрагмент произведения «Мухтасар аль-Кудури». Список 1834 г.

Бурхануддин Маргинани внес значительный вклад в развитие исламской правовой культуры, так как вплоть до XX в. «Аль-хидаят» использовали судьи при вынесении приговоров шариатских судов во всем мусульманском мире. В фонде ОРРИ НБ РБ хранится 2 экземпляра комментариев на данное произведение. Один из них называется «Хидайа Шариф», переписан в 1645 г., переписчик Абд ар-Рахман ибн Мустафа. Другой переписан в 1561 г. и имеет название «Аш-шарх «Аль-хидаят», переписчик Хусейн хан ибн Абд аль-Таши¹⁴. В фонде ОРК НБ УФИЦ РАН ком-

ментарии на данное произведение представлены в трех экземплярах, переписанных в 1789 г.¹⁵, в 1784 г.¹⁶ и в 1821 г.¹⁷.

Самым известным комментарием на труд Маргинани «Аль-хидаят» считается произведение «*الوقاية*» «Аль-викаят» («Охрана»). В фондах ОРРИ НБ РБ и ОРК НБ УФИЦ РАН имеются лишь комментарии на данное произведение, которые соответственно являются субкомментариями к «Аль-хидаят». Это труды под названием «Шарх аль-викаят» («Комментарий на «Аль-викаят») и «Мухтасар аль-викаят фи масаил аль-хидаят» («Сокращенное изложение произведения «Аль-викаят»).

Составителем труда «Шарх аль-викаят» является Абу Мухаммед Убейдуллах (ум. в 1346 г.), который завершил данную работу в 1338 г. Основные вопросы, которые автор рассматривал в данном произведении касались регулирования семейных отношений, наследства, а также земельного права. В фондах имеется два списка данного произведения¹⁸.

Автор произведения «*مختصر الوقاية في مسائل الهداية*» «Мухтасар аль-викаят фи масаил аль-хидаят» («Комментарий на «Аль-викаят») — Убейдулла ибн Масгуд Садру аш-Шарига (ум. в 1344 г.), крупный среднеазиатский правовед-факих, уроженец Бухары, потомственный мусульманский ученый. Уже при жизни был известен среди мусульман Средней Азии и Урало-Поволжья, посещал г. Булгар, где встречался с Шейхом Хасаном Булгари. Книга содержит разъяснение правил религиозной обрядности, имущественных и финансовых отношений, пользовалась большой популярностью среди тюркоязычных народов Башкортостана. Долгое время имела хождение в рукописном виде, пока в 1845 г. казанский профессор А. Казем-Бек не опубликовал ее. Впоследствии книга выдержала еще несколько изданий¹⁹.

В фонде ОРРИ НБ РБ данный комментарий Убейдуллы ибн Масгуд Садру аш-Шарига пред-

14 Там же. Р-№203

15 ФАР ОРК НБ УФИЦ РАН. РНБ 3655

16 Там же. РНБ 3591

17 Там же. РНБ 3593

18 ФАР ОРК НБ РБ. Р-№171, Р-№11 (2часть).

19 А. Гатин. Традиции мусульманского права в Среднем Поволжье: от прошлого к настоящему // «Минбар». 2011 г., № 3. С. 65–67.

ставлен в десяти экземплярах. Самый ранний из них переписан в 1626 г. переписчиком Мурадом ибн Даудом ибн Хабилом²⁰. Остальные переписаны в 1706 г.²¹, в 1797 г.²², в 1843 г.²³, в 1854 г.²⁴, в 1869 г.²⁵ и в 1826 г.²⁶. В фонде ОРК НБ УФИЦ РАН «Мухтасар «Аль-викаят» представлен в двух экземплярах. Один из них переписан в 1826 г.²⁷, другой — в 1856 г.²⁸.

Фрагмент произведения «Мухтасар аль-викаят фи масаил аль-хидаят». Список 1793 г.

В фондах также имеется комментарий на «Мухтасар «Аль-викаят» под названием «جامع الرموز» «Джами ар-Румуз» («Собрание символов») Шамсетдина Мухаммеда аль-Хорасани аль-Кухистани (ум. в 1556 г.), муфтия Бухары. Комментарий был написан в 1535 г. Основные разделы этого произведения посвящены торговым отношениям, обрядам и культам в исламе, взаимоотношениям между супругами и т. д. Комментарий «Джами ар-Румуз» длительное время был одним из основных

пособий мусульманского права во многих областях Османской империи, Средней Азии, а также Урало-Поволжья. В исследованных фондах хранения находится по 4 экземпляра данного произведения, переписанных в 1817 г.²⁹, в 1823 г.³⁰, в 1864 г.³¹ и в 1838 г.³².

Труд Сирадж ад-Дина ас-Саджауанди (ум. в сер. XIII в.) «الفراند» «Аль-фараид» («Обязанности»), составленный в 1203 г., является одним из основных произведений в области исламского наследственного права. В фонде ОРРИ НБ РБ хранится 1 экземпляр переписки данного произведения³³. Также имеется 3 экземпляра комментариев. Они переписаны в 1795 г.³⁴ в 1878 г.³⁵ и в 1761 г.³⁶. В фонде ОРК НБ УФИЦ РАН переписки данного произведения представлены в 6 экземплярах, переписанных в 1811 г.³⁷, в 1817 г. Ахмади Сулейманом³⁸, в 1884 г. Давлетгали³⁹, в 1853–1859 гг.⁴⁰ и в 1824 г.⁴¹.

Наряду с вышеуказанными произведениями по мусульманскому праву, известен труд «فقه الكيداني» «Фикх аль-Кайдани» («Фикх Кайдани») автора Лутфуллаха Насафи аль-Фазил аль-Кайдани (ум. ок. 750 г. х./1349 г. н. э.), составленный в начале XIV в. В фондах имеются лишь комментарии на данное произведение. В фонде ОРРИ НБ РБ в качестве комментариев на данное произведение представлено три сборника рукописей, в которых есть по два или по одному комментарию. Первый сборник переписан в 1853 г., комментариями труда «Фикх аль-Кайдани» являются пятая и шестая части

20 ФАР ОРРИ НБ РБ. Р-№146

21 ФАР ОРРИ НБ РБ. Р-№48

22 Там же. Р-№185

23 Там же. Р-№136

24 Там же. Р-№130

25 Там же. Р-№145

26 Там же. Р-№148

27 ФАР ОРК НБ УФИЦ РАН. РНБ 3620

28 Там же. РНБ 1495

29 ФАР ОРРИ НБ РБ. Р-№134

30 Там же. Р-№135

31 ФАР ОРК НБ УФИЦ РАН. РНБ 3679

32 Там же. РНБ 3654

33 ФАР ОРРИ НБ РБ. Р-№78

34 Там же. Р-№18

35 Там же. Р-№54

36 Там же. Р-№200

37 ФАР ОРК НБ УФИЦ РАН. РНБ 1496

38 Там же. РНБ 1499

39 Там же. РНБ 1477

40 Там же. РНБ 3993

41 Там же. РНБ 1496

данного сборника⁴², переписчик Ахмад ибн Ахтам, медресе муллы Ирфана ад-Дина ибн Абд ас-Салыма. Второй сборник переписан в 1883 г., первая часть сборника является комментарием на данное произведение⁴³. Третий сборник переписан в 1846–1847 гг., комментарием на данное произведение стала вторая часть сборника, переписчик мулла Абд аль-Кадир⁴⁴. В ОРК НБ УФИЦ РАН хранятся два экземпляра комментариев на данное произведение, переписанных в 1834 г.⁴⁵ и в 1857 г.⁴⁶.

Фрагмент произведения «Фихр аль-Кайдани». Список 1857 г.

Фрагмент произведения «Аль-фараид». Список 1817 г. Переписчик Ахмади Сулейман.

В книге «Танких аль-усуль» «Танких аль-усуль» («Конкретизация основ»), составителем которой является Убейд Алла ибн Масуд ибн Тадж аш-Шариа (ум.в 1335 г.), резюмированы труды по мусульманскому праву XI–XIII вв. К числу таких трудов относятся «Аль-Махсул», «Усуль аль-Баздави» и «Мухтасар ибн аль-Хаджиб». Позже автором написаны комментарии к указанной

книге под названием «Тавдих ат-Танких» («Прояснение конкретизации»), который ат-Тафтазани (ум. в 1380 г.) дополнил критическими комментариями под названием «Аль-Талвих». Книга описывает основные положения мусульманского права⁴⁷.

В фонде ОРРИ НБ РБ представлены комментарии на данное произведение под названием «Шарх танких аль-усуль» «Шарх танких аль-усуль» в двух экземплярах, переписанных в 1789 г.⁴⁸ и в 1854 г.⁴⁹. Из переписчиков можно выделить Биктимера ибн Йанбакра аль-Булгари (медресе муллы Сайфа аль-Мумона ибн Муслима). Авторы данных комментариев нам установить не удалось. В фонде ОРК НБ УФИЦ РАН «Шарх танких аль-усуль» представлен в одном экземпляре, переписанном в 1844–1848 гг.⁵⁰. Все перечисленные источники обоих фондов написаны на арабском языке.

Произведение «Зубдат аль-асрар шарх мухтасар аль-манар» «Зубдат аль-асрар шарх мухтасар аль-манар» («Раскрытие тайн произведения «Минареты») является комментарием на сокращенный вариант сочинения «Манар аль-анвар фи усуль аль-фикх» («Лучезарные минареты в основах фикха») Абу аль-Бараката Абдаллаха ан-Насафи (ум.в 1310 г. или в 1320 г.), посвященного принципам мусульманского права. Автор произведе-

42 ФАР ОРРИ НБ РБ. Р-№31 (5, 6 ч.)

43 Там же. Р-№30 (1 ч.)

44 Там же. Р-№44 (2ч.)

45 ФАР ОРК НБ УФИЦ РАН. РНБ 3590

46 Там же. РНБ 3659

47 Таха Джабир аль-Алвани. Принципы методологии в исламском праве. Баку, 2008. С.68.

48 ФАР ОРРИ НБ РБ. Р-№12

49 Там же. Р-№71

50 ФАР ОРК НБ УФИЦ РАН. РНБ 3742

ния — ас-Сиваси, Абу ас-Сана'и Ахмед б. Мухаммед Абу Баракат аз-Зили (ум. в 1562 г.). В фонде ОРРИ НБ РБ переписки данного произведения представлены в пяти экземплярах: 1) переписан в 1874 г.⁵¹ Халилуллой Зайнетдином в д. Куганак-баш, медресе Тимур-бека; 2) переписан в XIX в.⁵²; 3) переписан в XIX в. Мухаммадом Хасаном ибн Салимгареем⁵³; 4) переписан в XIX в. Мустакимом ибн Садр ад-Дином⁵⁴; 5) переписан в 1887 г.⁵⁵.

Фрагмент произведения «Зубдат аль-асрар шарх мухтасар аль-манар». Список нач. XIX в. Переписчик Мустаким ибн Садр ад-Дином.

Среди произведений по мусульманскому праву авторов Урало-Поволжья следует выделить труд под названием «*نظرة الحق في فرضية العشاء*» «*У ан-на-ль-Ибн-Шафак*» («Обозрение истины относительно обязательности ночной молитвы до наступления сумерек»). Автором данного произведения является известный татарский просветитель Шихаб ад-Дин аль-Марджани (1818–1889 гг.). Сочинение представлено в одном экземпляре в ОРРИ НБ РБ. Рукопись — оригинал самого автора, написана им в 1872 г.⁵⁶.

Резюмируя вышеприведенный анализ арабграфических рукописей по мусульманскому праву фондов ОРРИ НБ РБ и ОРК НБ УФИЦ РАН, следует отметить, что списки из 11 экзем-

пляров по содержанию можно разделить на следующие направления мусульманского права: религиозные обязанности, семейное право, наследственное право, юридические постановления, положения о войне и мире, биография ученых ханафитского мазхаба, правила раздельного проведения мусульманских обрядов мужчин и женщин.

Комментарии из 27 экземпляров представляют собой краткое содержание с разъяснениями произведений средневековых авторов, хорошо известных в мусульманском мире. К числу данных авторов можно отнести Ан-Нугмана ибн Сабита аль-Куфи Абу Ханифу (699–767), Бурхануддина Али Маргинани (ум. в 1197 г.), Лутфуллаха Насафи аль-Фазил аль-Кайдани (ум. ок. 1349 г.) и др. Наибольшее число комментариев имеют произведения «Мухтасар аль-Кудури» («Толкование Кудури») (5 экз.) и «Аль-фикх аль-акбар» («Великий фикх») (4 экз.).

Субкомментарии из 13 экземпляров можно разделить, как и комментарии, на 2 вида. Первый вид — комментарии на комментарии списков, имеющих в коллекции («Мухтасар аль-викаят фи масаил аль-хидаят») («Толкование на произведение «Защита» в вопросах истины»). Второй вид — комментарии на комментарии списков, не имеющих в коллекции («Захири аль-унба фи шарх садр аш-шари'а аль-узма») («Ясный комментарий на труд «В центре великого шариата»»).

В фондах ОРК НБ УФИЦ РАН выявлено 38 рукописей по фикху. В отличие от фонда ОРРИ НБ РБ в данном фонде подлинников не обнаружено. Списки из восьми экземпляров раскрывают подробности о достоинствах фикха и веры, затрагивают вопросы купли-продажи, денежных проблем, лжесвидетельств, отказа от свидетельства и др. Из 25 комментариев наибольшее число имеют так же, как и в ОРРИ НБ РБ, произведения «Аль-фикх аль-акбар» («Великий фикх») (8 экз.) и «Мухтасар аль-Кудури» («Толкование Кудури») (3 экз.).

Переписка источников осуществлялась в основном на арабском языке, один экземпляр «Аль-фараида» («Обязанности») был переписан на персидском языке. Комментарии также в основном были написаны на арабском языке, далее предпочтение отдавалось персидскому и старотюркскому.

Самой ранней перепиской (сделана в XVI веке) можно считать рукопись «Мухтасар аль-Кудури»,

51 ФАР ОРРИ НБ РБ. Р-№32

52 Там же. Р-№209

53 Там же. Р-№25 (3ч.)

54 Там же. Р-№42

55 Там же. Р-№26 (1ч.)

56 ФАР ОРРИ НБ РБ. Р-№108

наиболее поздней (XIX век) — «Аль-фараид», «Зубдат аль-асрар шарх мухтасар «Аль-манар»». Из комментариев наиболее ранними стали комментарии к «Аль-викаят» («Защита») под названием «Шарх аль-викаят» («Комментарий к произведению «Защита»») (XVI в.), к «Аль-хидаят» (XVI в.), к «Мухтасар аль-Кудури» (XVII в.), Большинство комментариев к источникам относится к XIX в. Следует обратить внимание на то, что к ряду источников регулярно составлялись комментарии: к «Аль-хидаят» (XVI, XVII, XVIII, XIX века), «Аль-викаят» (XV, XVIII, XIX века).

Таким образом, большое количество историко-культурных памятников на территории Башкортостана в виде арабографических рукописей по мусульманскому праву говорит о их высокой потребности среди населения региона в определенный исторический период. В первую

очередь они играли большую роль в развитии институтов семейного и гражданского права, а также в формировании основ судебной системы. Кроме этого, источники по фикху влияли на формирование религиозного сознания и духовно-нравственных ценностей среди тюркоязычного населения Башкирского края в дореволюционный период.

Список использованной литературы

1. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М, 2007.
2. Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
3. А. Гатин. Традиции мусульманского права в Среднем Поволжье: от прошлого к настоящему // «Минбар». 2011 г. № 3. С. 65–67.
4. Таха Джабир аль-Алвани. Принципы методологии в исламском праве. Баку, 2008.

ARABOGRAPHIC HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS ON MUSLIM LAW IN THE SPIRITUAL CULTURE OF THE TURKIC-SPEAKING PEOPLES OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN. (BASED ON ARCHIVAL MATERIALS OF THE FUNDS OF SCIENTIFIC INSTITUTIONS OF UFA)

Salih Nadir Ramilevich,

PhD in History, Associate Professor of the Department of History of the Republic of Bashkortostan, Archeology and Ethnology of the Institute of History and Public Administration of Bashkir State University, 32 Zaki Validi str., Ufa, RB, Russia, 450076, nadir_ufa@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the description of historical and cultural monuments in the form of Arabic handwritten works on Muslim law, concentrated in the archival collections of the Department of Rare Books and Rare Editions of the National Library of the Republic of Bashkortostan named after. Akhmet-Zaki Walidi and the Department of Rare Books of the Scientific Library of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Keywords

Historical and cultural heritage, historical and cultural monuments, Arabic manuscripts, Muslim law, archival fund, Turkic-speaking peoples of Bashkortostan.

КУЛЬТУРА РЕГИОНОВ

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/НЛ.2022.38.3.005

ЧУДОТВОРНЫЕ ИКОНЫ И РОДНИКИ: ТРАДИЦИИ ПОЧИТАНИЯ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ САМАРСКОГО КРАЯ

Якунин Вадим Николаевич,
доктор исторических наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Московский художественно-промышленный институт,
2-я Бауманская улица, 9/23с3, г. Москва, Россия, 105005,
vadyak@mail.ru

Аннотация

В статье проанализированы истоки почитания чудотворных икон и родников народами Самарского края. В статье утверждается, что советская власть боролась не только с монастырями и храмами, но и почитаемыми в народе источниками, так как в отсутствие храмов в народном сознании произошло замещение образов. Доказывается, что истоки почитания водных источников обнаруживаются как в языческой Руси, так и у многих народов мира.

Ключевые слова

Иконы, родники, источники, храмы, часовни, монастыри, старцы, святые, монахи, святыни, паломники, традиции, предание.

Православные люди придавали и придают иконам, а также родникам на месте обнаружения (явления) этих икон особый мистический смысл и значение, что нашло отражение в устном народном творчестве народов России, в том числе и Самарского края: фольклоре, преданиях и легендах. Всего в Самарской области более 1500 родников, из них 55 почитаются верующими как святые. Практически в каждом монастыре и храме Самарской гу-

бернии до революции 1917 г. были свои чтимые монастырские или храмовые иконы, но только некоторые из них стали почитаемы в епархиальном масштабе. В Самарской губернии в до-революционный период имелось несколько особо почитаемых икон Божией Матери, святителя Николая Мирликийского, других святых, с ними же было связано почитание родников и источников, в которых, по народным преданиям, эти иконы и были найдены мест-

ными жителями. Воду из них люди стали наделять особыми свойствами.

На территории Самарского края до революции 1917 г. особо почитались иконы Божией Матери: Взыскание погибших, Иерусалимская, Смоленская, Феодоровская, святителя Алексия, митрополита Московского и другие. Чтимые иконы, найденные при загадочных, мистических обстоятельствах в народе именуются чудотворными, потому что верующие люди верят, что благодаря им, получают исцеление от тех или иных болезней и помощь в трудных жизненных ситуациях. Родники и источники, в которых эти иконы нашли, воду из них люди стали наделять особыми целебными свойствами.

Главной святыней Иверского женского монастыря до его закрытия был образ Божией Матери «Иерусалимская», которой симбирский епископ Феодотий благословил обитель при открытии¹. В 2000 г. в монастыре в специальной раке поместили обретенные мощи протоиерея Александра Стефановича Юнгера (1821–1900), местночтимого святого Самарской епархии.

Другой местночтимый святой Самарской земли праведный Пётр Иванович Колпаков (1856–1925). С 1911 г. он возглавлял общину беседников в Чаграх и взял на себя подвиг старчества. С 2000 г. мощи святого Петра Чагринского находятся в раке в Михаило-Архангельской церкви с. Красные Ключи Похвистневского района. Недалеко от этого храма находится источник в честь Архангела Михаила.

В 1713 г. образ иконы Божией Матери "Феодоровская" был обретен у села Кашпир на источнике под Сызранью местными пастухами. Икону перенесли в Вознесенский мужской монастырь, где она находилась до его закрытия. Ежегодно 12 июня с иконой совершался крестный ход к источнику. После революции 1917 г. была спрятана верующими. В 1944 г., когда вновь открылся Сызранский Казанский собор, в него перенесли спасенный образ². Он хранится там и поныне. Летом 1947 г. в Сызрани состоялся крестный ход, в котором участвовало свыше

5000 человек³. Св. источник, в послереволюционные годы пытались уничтожить, его неоднократно засыпали, пытались сравнять с землёй. В 90-е гг. XX в. родник был расчищен. На нем был поставлен сруб, рядом построили часовню и храм⁴.

По преданию, икона "Взыскание погибших" приплыла по Волге к Саратову в 1666 году и была явлена местному воеводе Кадышеву⁵. Сейчас находится в Покровском кафедральном соборе.

Икона Божией Матери Смоленской находилась в Спасо-Преображенском храме. По преданию, была принесена из Персии в XVII в. Уцелела от огня во время пожара 1850 г. Верующие верили, что во время эпидемий холеры и тифа она помогала исцеляться больным. В 20-е гг. XX в. община Спасо-Преображенской церкви не отдала икону обновленцам, после закрытия церкви икону перенесли в Петропавловский храм, но позже она была утрачена.

Икона святителя Алексия, митрополита Московского, считалась одной из древних святынь Самары и находилась в приделе свт. Алексия Успенской церкви. После революции 1917 г. была утрачена. Святой Алексий, по легенде, предрек возникновение Самары и ее славную будущность, а потому почитается как «Небесный покровитель града Самары»⁶.

Степень почитания икон в Самаре в XIX в. удивляла даже жителей других поволжских городов. Г.Н. Потанин, преподававший в 1840–1850-е гг. в Самарском уездном училище, отмечал самарское обыкновение носить из дома в дом иконы всех церквей во время Пасхи.

Существует легенда о том, что при встрече в июне 1894 г. в Самаре святого праведного Иоанна Кронштадтского епископ Самарский и Ставропольский Гурий (Буртасовский) посетовал ему на то, что в Самаре нет местной святыни, святые же места далеки от Самары и малодоступны большинству самарских жителей. В 1917 году,

1 Монастыри Самарского края (XVI—XX вв.): Справочник / Сост. В. С. Блок, К. А. Катренко. Самара : Самарский Дом печати, 2002. 216 с. 73-79.

2 Монастыри Самарского края (XVI—XX вв.). С. 36-39.

3 Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 4187. Оп. 2. Д. 12. Л. 30, 54, 72.

4 Святые источники Самарского края. Живые родники. Составитель О. И. Бедула. Самара, 2010. 112 с. С. 62-64.

5 Монастыри Самарского края (XVI—XX вв.). С. 65-66.

6 Смирнов Ю.Н. Предания самарских жителей о святителе Алексии в записях XVIII - середины XIX в. и их интерпретация // Центр и периферия. 2018. № 3. С. 12.

в небольшой деревушке Ташла Самарской области явилась чудотворная икона Божией Матери «Избавительница от бед», а на месте явления забил источник. Это место стало одним из самых почитаемых в Поволжье, а сейчас и в России.

В послевоенные годы в епархии у 7 источников верующими совершались молебствия. Власти пытались с этим бороться, но безуспешно⁷. Все без исключения источники в 20–70-е гг. XX в. засыпались, занимались под колхозные нужды, использовались для водонапорных башен.

Многие источники благодаря усилиям местных жителей, начиная с 90-х гг. XX в. были расчищены, освящены, были восстановлены срубы, поставлены колодезные домики, а кое-где построены часовни. На источники возобновились крестные ходы, возле них совершаются молебны.

Казанско-Богородицкий родник на горе Варга у села Токмалы посвящен иконе Казанской Богородицы, которую в начале 1870-х годов нашли местные жители на дне ручья. Местная помещица Мезенцева построила у ручья часовню, в которую поместила икону⁸.

Никольский родник в урочище Каменная Чаша, недалеко от села Ширияево, известен с 30-х годов XX в., его посещают десятки тысяч паломников.

Богородицкие родники на горе Шихан недалеко от эрзянского села Большая Ега. На вершине горы били несколько ключей. Местные жители чтили их как особые, обладающие чудесной силой. В 10–20-е годы XX в. несколько раз в год на Шихан устраивались крестные ходы. В 1937 г. местные власти уничтожили 2 озера — остались Духовское и Богородичное. В начале 70-х годов озера чистить перестали, они заросли травой⁹.

Есть предание о том, что в январе 1958 года местные жители видели над озером у села Съезжее в Богатовском районе в воздухе образ Казанской Божьей Матери¹⁰. С того времени, 21 июля, в день Казанской иконы Богородицы на озере собираются паломники.

Расскажем о других источниках Самарской земли.

Никольский родник у с. Знаменка Богатовского района. Легенда гласит, что в начале 70-х гг. XIX в. в этом роднике под водой явилась чудотворная икона св. Николая Мирликийского¹¹. Источник в честь Владимирской иконы Божией Матери с. Русская Селитьба Красноярского района известен с начала XIX в. По преданию, местная крестьянка откопала икону, а из выкопанной ямки забил родник. Источник «Слёзы Богородицы» с. Переволоки забил в 1936 г. после разрушения Покровской церкви, в 1999 г. он был освящён. Источник в с. Старая Рачейка Сызранского района. Появился в начале XX в. а известен стал после того как рядом с ним местный старец Андрей Логинов устроил пустыньку. К старцу приходили священники, служили у родника молебны, освящали воду. После Великой Отечественной войны паломничество верующих к роднику возобновилось и продолжается по сей день. Источник в с. Зуевка Нефтегорского района появился в конце XVIII в. после завершения строительства Никольской церкви. Над ним поставили сруб-колодец, в котором местные крестьянки однажды увидели плавающую икону святителя Николая Чудотворца. В честь этой иконы был назван и источник. Источники в честь иконы Божией Матери «Всецарица» и св. прп. Антония и Феодосия Киево-Печерских в селе Большая Рязань Ставропольского района. До революции были известны как «Большой» и «Малый», на них служились водосвятные молебны, они почитались местными жителями. Источник в честь Казанской иконы Божией Матери с. Новая Бинарадка Ставропольского района известен с середины XIX в., в начале XX в. сельчане построили часовню с купелью, которую в 30-е гг. XX в. разобрали. Но люди вплоть до 80-х гг. XX в. ходили к источнику за водой. Источник в честь вмч. Параскевы Пятницы в 3 км. от г. Октябрьска известен с начала XIX в. Своё название получил от обретенной на нём иконы. Источники в честь св. Космы и Дамиана и в честь иконы Божией Матери «Иверская» с. Кузькино Шигонского района. Известны с середины XIX в. и получили своё название от явившихся на месте источников одноименных икон. Источник в честь святой Троицы

7 ЦГАСО. Ф. 4187. Оп. 2. Д. 50. Л. 3-84.

8 Святые источники Самарского края. Живые родники. С. 22-24.

9 Там же. С. 82-84.

10 ЦГАСО. Ф. 4187. Оп. 2. Д. 50. Л. 3-84.

11 Святые источники Самарского края. Живые родники. С. 53-55.

с. Шигоны известен с XVIII в., так как с тех времён и до сего дня снабжает водой всё село. Сейчас его вода по трубам идёт во все дома сельчан. В 1830 г. на источнике была возведена одноимённая часовня. Источник в честь иконы Божией Матери «Казанская» с. Сиделькино Челно-Вершинского района стали почитать с XVIII в. По преданию, возник он на месте явления одноимённой иконы на горе Маяк, там же построили часовню. Источник в честь иконы Божией Матери «Владимирская» («Явленский») с. Алакаевка Красноярского района появился на месте разрушенного после революции сельского храма. По преданию, местный крестьянин нашёл в нём плавающую икону. Верующие приходили молиться к роднику. «Прохоровы родники» с. Красная Самарка Кинельского района по преданию (2 родника) появились рядом с пещерой, где скрывался в 20-е гг. XX в. монах Прохор, замученный красноармейцами. Источник в честь святого Ильи пророка у с. Подьячевка Шигонского района известен с дореволюционных времён, когда рядом с ним была воздвигнута одноимённая часовня, которую разрушили в 30-е гг. XX в. В 1974 г. во время засухи люди устроили к источнику крестный ход, на источнике был отслужен молебен, после которого пошёл дождь. Источник в честь иконы Божией Матери «Владимирская» у с. Старый Тукшум Шигонского района существовал к началу XIX в., в конце того же века при нём была устроена одноимённая часовня, которую разрушили в 1934 г. Источник в честь Казанской иконы Божией Матери с. Аскулы Ставропольского района известен со времени основания села, то есть с 40-х гг. XVIII в. По преданию, местному жителю на источнике явилась икона. Колодец в честь св. прав. Александра Чагринского у пос. Кировский Красноармейского района находится на месте разрушенного в 30-е гг. XX в. Покровского Чагринского женского монастыря и домика духовника этого монастыря св. прав. Александра Чагринского. Воду из колодца брали на нужды монастыря и для водосвятных молебнов, паломники развозили её во все концы России. После революции колодец забросали мусором.

В подавляющем своём большинстве источники, почитаемые святыми, были известны ещё с дореволюционных времён, рядом с ними сооружались часовни. И дореволюционные, и современные исследователи отмечают тот факт, что Волгу или любой другой водоем (озеро,

пруд, источник) народы Поволжья нередко отождествляли с источником потусторонних сил, эти объекты природы ассоциировались у жителей региона с чем-то сверхъестественным.

На большинство источников ходили с крестными ходами жители окрестных сёл, но были и такие, которые почитались во всей Самарской губернии и даже имели всероссийскую известность (Феодоровский у с. Кашпир, в послереволюционные годы — в с. Ташла).

Почти все источники были названы в честь икон Божией Матери и святых, появлению многих источников предшествовали мистические события. Легенды гласят, что иконы являлись верующим либо в самих родниках или колодцах (с. Токмакла), либо на месте, где была обретена икона, забил родник (с. Ташла), либо верующие видели икону над родником (с. Калиновка), несколько явлений икон произошло в реках (икона «приплыла» по реке, с. Владимировка), в одном случае на камне (с. Кашпир), в другом на горе Маяк (с. Сиделькино). В ряде случаев нашедшим икону людям икона не давалась в руки, взять её было возможно только священником после отслуженного молебна (св. источник Параскевы Пятницы с. Владимировка и Никольский с. Зуевка). Такие обретенные иконы относились местными жителями в близлежащие церкви, но по легендам, они возвращались на прежнее место, «уходили» из церкви Никольский источник с. Зуевка). Требовалась либо усиленная молитва, либо построенная на месте обретения часовня, чтобы икона осталась. Эти легенды можно объяснить осознанием верующим народом своего недостойнства перед появлением святыни, благоговением перед ней. Требовались духовные усилия, прежде всего молитвы, крестные ходы, чтобы икона осталась. В ряде случаев необходимость исполнения Божественной воли в отношении родников и икон происходило людям во снах. Богородицкие родники по преданию возникли после того, как после драки двух крестьян из Малого Толкая и Большой Йоги (Еги) икона буквально «выскользнула» у них из рук и опустилась в одно из озёр на горе Шихан.

Прохоров родник у с. Красная Самарка, согласно легенде, возник рядом с пещерой, где прятался монах Прохор, позже замученный большевиками. Легенда гласит о пытках, которым подвергся монах, отказавшийся отречься от Бога. Документальных свидетельств этому нет, но в дан-

ном случае легенда описывает не действительный случай или конкретного монаха, но в его лице всех служителей церкви, подвергшихся гонениям от советской власти, так что мы рассматриваем личность монаха Прохора как собирательный образ новомучеников земли Самарской, созданный устным народным творчеством.

По народным преданиям, разрушающие святые источники, часовни у них, оскверняющие иконы, либо очень грешные люди впоследствии получали воздаяние за свои грехи: перед смертью просили стакан воды с источника, но не получали («Владимирский» источник с. Русская Селитьба), когда зачерпывали из источника воду, а в ёмкости обнаруживалась змея (святое озеро в с. Съезжем). В этих преданиях грех наказуем, что созвучно устному народному творчеству.

Родники, оставшиеся без часовен и святых образов, по народным поверьям, переставали давать воду, но когда иконы оказывалась опять в роднике, восстанавливались, обретая вторую жизнь. Таким образом, в сознании народа для восстановления поруганной святыни необходим мистический акт. В других случаях родники появлялись после разрушения храмов, часовен (с. Алакаевка), они также возрождались после смерти их осквернителей. Для многих верующих людей после закрытия церквей последней отрадой и утешением стало посещение источников.

Во времена хрущёвских гонений на церковь и связанным с этим компаниями по закрытию храмов и осквернению источников, потребность народа в сверхъестественных явлениях стала только возрастать, так как склонные к мистике люди лишились возможности легального их выражения в церкви или на роднике. Самым известным случаем подобного рода стало знаменитое «стояние Зои» в Куйбышеве. Менее известны легенды о видениях в 1958 г. церкви, Божией Матери, Николая Угодника, ангелов и архангелов над святым озером в с. Съезжем, о схождении огненного столба с небес в то же озеро, о воздвижении и погружении обратно в озеро креста.

В почитании святых источников и родников, как полагают некоторые исследователи, обнаруживаются отголоски языческих верований, когда силы и явления природы обожествлялись, им придавались особый сверхъестественный смысл и значение. Они считают, что в ту пору земледельцы пытались воздействовать на природу, обращаясь в том числе и к водным источникам —

родникам, кладезям, студеницам. Б. А. Рыбаков отмечал, что места культа воды отразились в восточнославянской топонимике, где встречаются сотни «святых озёр»¹². Он же заметил, что через все источники XI—XIII вв. проходит описание основных славянских молений, как молений, обращённых к природной воде (реки, озёра, родники-студеницы и т.п.) ради своевременного дарования воды небесной — дождя. В приводимых Б. А. Рыбаковым исторических источниках говорится о принесении древними славянами жертв родникам и рекам¹³. Это вступало в противоречие с христианством, отказавшимся от обожествления природы. В ситуации двоеверия неким «компромиссом» между христианством и язычеством выглядит почитание принявшими православие российскими народами водных источников, но уже на ином уровне: источнику давалось уже не языческое, а христианское начало, он был посвящён какому-либо святому или иконе. Таким образом, архаичные культы наших предков дожили в том или ином виде до наших дней. Языческое начало при этом оставалось на бытовом уровне. Так, вплоть до середины XX в. неженатые мужчины не допускались на Богородицкие родники на горе Шихан (чисто эрзянское поверье). Также живущие в этой местности эрзя собирали траву близ родников как целебную. В данном случае христианские верования причудливо переплетаются с языческими представлениями. В засуху люди с близлежащих сёл шли к озеру с иконами и хоругвями, затем во главе со священником обходили поля, потом клали на блюдо хлеб, на хлеб — соль и крестным ходом поднимались на Шихан. Там служили молебен, в ходе которого хлеб и соль ставились на особый моленный камень. Как видим, в этом случае мистическое значение придается не только христианским символам и действиям: иконам, хоругвям и молебну, но даже и камню, и хлебу с солью, которые в данном случае выступают как особое подношение, своеобразная жертва.

Почитание родников в Поволжье мы наблюдаем не только в христианской, но и мусульманской культуре. Волжские татары бережно отно-

12 Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 134, 137, 209-210.

13 Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., М.: Издательство «Наука», 1981. С. 11-14; 285-303.

сятся к родникам, очищая их после весеннего половодья и обустривая. Во время засухи они проводят особый обряд Янгыр Телеу, в ходе которого собираются около источника воды, обращаются с молитвой к Аллаху, прося его о дожде и хорошем урожае¹⁴.

Уже в наше время создаются легенды, касающиеся названия источников, в своей основе они восходят к устной народной прозе. Так, бывшему церковному старосте храма Олегу Покашлеву (с. Богдановка) во сне явился в образе старичка в домотканых одеждах Серафим Саровский и попросил освятить источник его именем, что и было исполнено. При этом обратил внимание на факт, что в народных сказаниях образы святых, особенно часто святителя Николая Чудотворца, Ильи-пророка перевоплощаются и являются людям в образах вполне земных людей, как правило, обычных старичков.

К сожалению, многие святыни Самарского края: храмы, иконы, богослужебные книги, почитаемые народом источники были утрачены или уничтожены после революции 1917 г. Сейчас времена изменились, и большинство таких источников очищены и восстановлены, близлежащие к ним территории благоустроены, проложены дороги. Многие источники стали объектами паломнического и религиозного туризма. Почитаемые народом святые источники стали

значимым элементом не только религиозного, но и культурного ландшафта Самарской области и в настоящее время играют важную роль в духовной жизни общества.

Список использованной литературы

1. Лепешкина Л.Ю., Овсянников В.П. Природный фактор в развитии празднично-обрядовых форм в культуре народов Поволжья // Человек и природа. Сборник научных статей под ред. Л.П. Куракова; БОУ ВО "ЧГИКИ" Минкультуры Чувашии. Чебоксары, 2018. С. 34–38.
2. Монастыри Самарского края (XVI—XX вв.): Справочник / Сост. В.С. Блок, К.А. Катренко. Самара : Самарский Дом печати, 2002. 216 с.
3. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М.: Издательство «Наука», 1988.
4. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., М.: Издательство «Наука», 1981.
5. Святые источники Самарского края. Живые родники. Составитель О. И. Бедула. Самара, 2010. 112 с.
6. Смирнов Ю.Н. Предания самарских жителей о святителе Алексии в записях XVIII — середины XIX в. и их интерпретация // Центр и периферия. 2018. № 3. С. 4–13.
7. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 4187. Оп. 2. Д. 12.
8. ЦГАСО. Ф. 4187. Оп. 2. Д. 50.

14 Лепешкина Л.Ю., Овсянников В.П. Природный фактор в развитии празднично-обрядовых форм в культуре народов Поволжья // Человек и природа. Сборник научных статей под ред. Л.П. Куракова; БОУ ВО "ЧГИКИ" Минкультуры Чувашии. Чебоксары, 2018. С. 35-36.

WONDERFUL ICONS AND SPRINGS: TRADITIONS OF WORSHIP IN THE HISTORY AND CULTURE OF THE PEOPLES OF SAMARA

Yakunin Vadim Nikolaevich,

DcS (History),

Professor Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Moscow

Institute of Art and Industry,

2nd Baumanskaya Street, 9 / 23s3, Moscow, Russian Federation, 105005,

vadyak@mail.ru

Abstract

The article argues that the origins of the veneration of water sources are found both in pagan Russia and among many peoples of the world. In total, there are more than 1,500 springs in the Samara region, of which 55 are revered by believers as saints. Most are consecrated in honor of the miraculous icons of the Most Holy Theotokos and saints revealed. The article argues that the Soviet government fought not only with monasteries and churches, but also with sources revered by the people, since in the absence of churches in the popular mind there was a substitution of images, and instead of closed churches, believers began to pray to the sources.

Keywords

Icons, springs, springs, temples, chapels, monasteries, elders, saints, monks, shrines, pilgrims, traditions, tradition.

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/NI.2022.38.3.006

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАСПРОСТРАНЕНИИ ПЕЛИКЕНОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУКОТКИ

Шульгина Ольга Михайловна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная, д. 7–9, Санкт-Петербург, Россия, 199034,
ORCID ID: 0000-0002-5449-0258,
Researcher ID: AAE-3259-2022,
st079243@student.spbu.ru

Аннотация

Приводятся аргументы, которые ставят под сомнение современную гипотезу об авторском происхождении пеликенов. Автор показывает, что возможной причиной быстрого распространения пеликенов на территории Чукотки в начале XX века было существование местной древней традиции.

Ключевые слова

Пеликен, чукотско-эскимосское косторезное искусство, А.Л. Горбунков..

На сегодняшний день опубликован ряд трудов отечественных и зарубежных исследователей¹, которые касаются проблемы происхождения пеликенов. Наука располагает конкретными фактами и документами, подтверждающими место и время создания первого пеликена. Но вме-

сте с тем, феномен распространения пеликенов среди эскимосских и чукотских косторезов в начале XX века по-прежнему не нашёл должного объяснения и не утратил своей актуальности, заставляя возвращаться к этой проблеме снова и снова.

Пеликены представляют собой антропоморфные скульптурки, вырезанные из моржового клыка (Илл.1).

В Америке пеликены известны как билликены (billiken), билликен-копилки (billiken-bank) или милликены (milliken). Глава чукотско-эскимосского косторезного искусства, связанная с пеликенами, очень дискуссионная. Сложность проблемы обусловлена давностью лет, прошедшей со дня появления billiken'a, его успехом в США и Канаде, переходом через Берингов пролив и быстрым распространением в Сибири.

1 Антропова В.В. Современная чукотская и эскимосская резная кость // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1953; Орлова Е.П. Чукотская, корякская, эскимосская, алеутская резная кость / Акад. наук СССР. Сиб. отд-ние. - Новосибирск : Б. и., 1964; Чукотское и эскимосское искусство = Chukchi and eskimo art : Из собрания Загор. гос. ист.-худож. музея-заповедника : [Альбом] / [Авт. вступ. статьи и сост. А.К. Ефимова, Е.Н. Клигина]. - Л. : Художник РСФСР, 1981; Митлянская Т.Б. Художники Чукотки. Москва: Изобразит. искусство, 1976; Широков, Ю.А. Пеликен – любимый чукотский сувенир. // Искусство № 35, 1999; Ray, D.J. Artists of the tundra and the sea. Seattle, University of Washington Press Publ., 1961.

На территории Чукотки пеликена иногда называют по-эскимосски тупчак, что означает «чёрт», «нечистый дух», «шаман», «посредник», по-чукотски его название звучит как келекай, что в переводе значит «божок»². Как отмечал в своих дневниковых записях Александр Леонидович Горбунков, профессиональный художник, работавший руководителем косторезных мастерских на Чукотке в 1930-е гг., к моменту его приезда на Чукотке не было такого мастера, который бы не резал пеликенов³.

Илл. 1. Пеликен. Чукотка (?), 1924. Клык моржа, резьба, гравировка. Российский этнографический музей.

В течение вековой истории пеликена присваивались не менее разнообразные функции: он считался амулетом, фетишем, сувениром, богом богатства и удачи, копилкой и т.д. Сегодня не существует чёткого и убедительного объяснения первоначальных функций этой антропоморфной скульптуры. Можно только предположить, что разнообразные функции пеликена появились постепенно. Например, А.Л. Горбунков, художественный руководитель чукотско-эскимосских народных мастерских в 1933–1935 гг., в своих дневниковых записях писал, что никаких «вероятий» о том, что это божок или чёртик, он никогда не слышал⁴.

Принято считать, что родиной пеликена является Канзас-Сити, штат Миссури. Эту гипотезу первой озвучила американский антрополог Дороти Рэй в своей работе, посвящённой искусству эскимосов Аляски побережья Берингова пролива «Artists of the tundra and the sea»: «На протяжении долгого времени пеликены являлись частью ассортимента косторезов, включая нынешнее поколение, так что большинство людей совершенно не имеет представления о том, что это, в сущности, такое, и откуда он появился. Некоторые считают, что это фигурка эскимосских аборигенов; другие полагают, что эта фигурка была сделана в Номе, а придумала её учительница рисования из Канзас-Сити, штат Миссури, Флоренс Претц в 1908 г.»⁵.

Нет необходимости пересказывать работу Д. Дж. Рэй, которая в целом очень убедительна. Однако в теории Рэй имеются некоторые противоречия и неясности, на которые уместно указать.

Если предположить, что сведения Дороти Рэй абсолютно верны, тогда первого пеликена из моржового клыка по просьбе владельца местного магазина Коптурока вырезал молодой эскимосский резчик Ангоквасхук или Счастливый Джек в 1909 г. В качестве примера Ангоквасхук использовал фигурку Претц, которую предприимчивый заказчик привёз на Аляску⁶. Фактически же, информация, которую приводит американский антрополог, ничем не подтверждается: сегодня не существует ни «модели» Коптурока, ни «эталонного» пеликена Ангоквасхука.

Также при рассмотрении проблемы происхождения фигурки пеликена, следует учитывать, что «творческая история» пеликена так же неизвестна. Сама Флоренс Претц, запатентовавшая billiken-bank, не дала пояснений относительно того, кто или что эта фигурка из себя представляет, и какова ее функция. Кроме того, неясным остаётся и собственно предмет патента: было ли запатентовано какое-то особое устройство, которое имелось в фигурке пеликена, или же Флоренс Претц запатентовала композицию своего произведения.

2 Антропова В.В. Современная чукотская и эскимосская резная кость. Сборник музея антропологии и этнографии, т. XV (1953). С. 64.

3 Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/60. С. 23.

4 Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/60. С. 23.

5 Ray, D.J. Artists of the tundra and the sea / By Dorothy Jean Ray. - Seattle : Univ. of Washington press, 1961. С. 122.

6 Ray, D.J. Artists of the tundra and the sea / By Dorothy Jean Ray. - Seattle : Univ. of Washington press, 1961. С. 122.

Тем не менее, наличие белых пятен не помешало распространению гипотезы Д. Рэй. Немало этому поспособствовал Борис Александрович Василевский, посвятивший ряд рассказов, очерков и повестей истории, культуре и природе Чукотки. В одном из своих рассказов⁷, Василевский в художественной форме достаточно последовательно повторяет, буквально пересказывает версию «родословной» пеликена американского исследователя.

Предположим, что версия Д. Рэй верна, и Флоренс Претц действительно является «автором» первого пеликена. Но даже в таком случае, изложенная Рэй гипотеза истории пеликенов, не объясняет причины их принятия эскимосскими мастерами. Поэтому для всестороннего освещения этой проблемы, необходимо обозначить и другие версии, которые позволят по-новому осмыслить ряд вопросов, возникающий при рассмотрении появления и распространения этих антропоморфных скульптур.

В первую очередь, изучая вопросы происхождения и распространения пеликенов, необходимо обратиться к многочисленным предметам, собранным антропологами, этнографами и археологами в местах проживания береговых чукчей и эскимосов. Здесь одной из крупнейших является коллекция Национального музея естественной истории Смитсоновского института, собранная Эдвардом Нельсоном в последней четверти XIX века во время его научной экспедиции вдоль Берингова пролива. Это собрание материальных предметов эскимосской культуры насчитывает свыше 5 тысяч единиц, среди которых наиболее репрезентативными и близкими к пеликенам являются антропоморфные фигурки, вырезанные из моржового клыка или вылепленные из глины (Илл. 2).

Вероятно, часть из них служила как ритуальные предметы, другие использовались в качестве детских игрушек. Кроме этого, в коллекции присутствуют замечательные маски и утилитарные вещи: пряжки, поясные пуговицы и ручки, украшенные личинами и антропоморфными существами, подобными пеликенам (Илл. 3).

Большую культурно-историческую ценность представляют археологические материалы, вы-

Илл. 2. Игрушка. Из коллекции Э. Нельсона, 1880. Клык моржа, резьба. Национальный музей естественной истории Смитсоновского института.

Илл. 3. Пряжка для шнура. Из коллекции Э. Нельсона, 1879. Клык моржа, резьба, гравировка. Национальный музей естественной истории Смитсоновского института.

явленные советскими исследователями при раскопках могильников на территории Чукотки в XX веке. Так, в могильниках Уэлена (погребение 1–3, 7, 9–10, 14–15, 17, 19, 22)⁸, Чини (погребение 38, 40, 54, 70)⁹ и Эквена (погребение 7–8,

7 Василевский, Б.А. Улыбка северного бога // Вокруг света : журнал. М., 1971. № 6. С. 56-57.

8 Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов : (Уэленский могильник) / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Москва : Наука, 1969. С. 147-182.

9 Диков Н.Н. Чинийский могильник : (К истории морских зверобоев Берингова пролива) / Отв. ред. акад. А.П. Окладников. - Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1974. С. 119-166.

10–11, 15, 37–38, 45, 49, 98, 100, 132, 146, 154)¹⁰, встречаются различные антропоморфные фигурки, а так же предметы быта, охотничьего снаряжения и домашнего обихода, украшенные личинами. Н.Н. Диков, принимавший участие в раскопках, одним из первых отметил, что пеликены имеют определённое сходство с костяными статуэтками из чукотских могильников¹¹.

Предпринимая попытку разобраться в происхождении пеликенов и причинах их невероятной популярности среди мастеров косторезного дела, большой исследовательский интерес вызывает рассказ чукотского писателя Юрия Сергеевича Рытхэу «Отлек». Из повествования дедушки главной героини рассказа Эмуль, Гальматэгина, становится очевидно, что пеликен — это вовсе не божок, а «символ невежества и алчности»¹². Далее из объяснения деда следует, что пеликен был своего рода охотничьим амулетом, который вешался на снаряжение. Кроме того, пеликен выполнял функцию мусорного ведра, «которое человек носил всегда с собой»¹³. Другими словами, антропоморфная скульптурка накапливала в себе всё дурное, что могло бы навредить его обладателю. Гальматэгин сообщил внучке, что никто из чукчей никогда не хранил пеликенов — их выбрасывали, избавляясь таким образом от дурных страстей и помыслов. Устами Гальматэгина Ю.С. Рытхэу акцентирует внимание на охранительной функции, которую выполняли антропоморфные фигурки ещё на рубеже XIX–XX веков.

Отдельно отмечу, что в этом конкретном случае художественный жанр рассказа не должен ставить под сомнение его правдивость. Подчеркну, что Юрий Рытхэу коренной чукча, он родился и вырос в посёлке Уэлен. Следовательно, его версия о сущности и функциях пеликена имеет право на существование.

Таким образом, есть две относительно правдоподобных варианта трактовки антропоморфных фигурок начала XX века. Пеликен Флоренс Претц — это «The God of Things as They Ought to Be»¹⁴, бог удачи. Юрий Рытхэу, напротив, рассматривает пеликен в качестве «накопителя» дурных помыслов. Это очевидное несоответствие интерпретаций художественного образа побуждает обратиться к трудам Владимира Германовича Тан-Богораза.

Нужно начать с того, что религиозные верования чукчей и эскимосов находились на ранней стадии шаманизма¹⁵, а потому говорить о том, что пеликен — это божок или идолчик в принципе не вполне корректно. Идолы и божки — это категории, которые относятся к иной религиозной парадигме, к язычеству.

Как в рассказе Ю. Рытхэу, так и работе Д. Рэй, посвященной эскимосам, речь идёт скорее о духах-помощниках, которые выступали в виде личных амулетов и могли иметь весьма разнообразные формы и характер¹⁶. У чукчей амулет и шаманский дух-помощник обозначается одним и тем же термином «еҕеҕ»¹⁷. Это могли быть кусочки кожи животных, части их тела (череп, коготь, зуб), клочок шерсти, перышки, или же человеческие фигурки из дерева и кости¹⁸. Такие амулеты служили охранителями и носились на шее или поясе, охраняя своих владельцев от вредных влияний, в особенности в путешествиях (Илл. 4).

Кроме того, амулеты использовались в качестве лечебного средства в случаях болезни. Особенно сильными считались сложные детские амулеты, совмещавшие человеческую фигурку со звериной (Илл. 5а, 5б).

10 Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья : Эквен. могильник / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. - Москва : Наука, 1975. С. 118-157.

11 Диков, Н.Н. Древние костры Камчатки и Чукотки: 15 тысяч лет истории. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1969. С. 204-206.

12 Рытхэу Ю.С. Когда киты уходят: Повести и рассказы. Лг. : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 264.

13 Там же.

14 Ray, D.J. Artists of the tundra and the sea / By Dorothy Jean Ray. - Seattle : Univ. of Washington press, 1961. С. 122.

15 Из архива. Избранные труды В. Г. Богораза по шаманству (1934-1936 гг.) / Санкт-Петербургский государственный университет ; [подготовка к публикации: М. М. Шахнович, Е. А. Терюкова ; примеч. М. М. Шахнович]. - 2-е изд.. - Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2019. С. 171.

16 Там же. С. 305.

17 Там же. С. 267.

18 Там же. С. 306.

Илл. 4. Поясная пуговица. Из коллекции Э. Нельсона, 1880. Клык моржа, резьба, гравировка. Национальный музей естественной истории Смитсоновского института.

Илл. 5а, 5б. Костяной предмет. Из коллекции Э. Нельсона, 1897. Клык моржа, резьба, гравировка. Национальный музей естественной истории Смитсоновского института.

Такие духи-хранители давали ребёнку двойное охранение¹⁹.

Привлекает внимание один из фольклорных сюжетов, приведённый В.Г. Богоразом²⁰. Этот эпизод достаточно ясно показывает назначение антропоморфной фигурки, точнее замещавшего её подобия человеческой головы, которое шаман крепил на свою кожаную головную повязку. Так, молодой шаман сталкивается со старухой-людоедкой, и между ними завязывается поединок. Старуха бросает шаману в голову нож, но тот попадает в одну из маленьких деревянных голо-

вок — редуцированную антропоморфную фигурку (Илл.6).

Илл. 6. Маска. Из коллекции Э. Нельсона, 1878. Дерево (?), резьба. Национальный музей естественной истории Смитсоновского института.

Шаман избегает смерти и побеждает старуху. Очевидно, что этот сюжет прекрасно иллюстрирует шаманские представления о духах-помощниках. Хранитель-амулет является здесь материальным, а покровительство, которое он оказывает хозяину, тоже имеет вполне материальный характер.

Рассуждая о генезисе пеликенов, нельзя игнорировать тот факт, что уже с начала первого тысячелетия нашей эры, племена, населявшие территорию Чукотки, контактировали с восточными культурами Азии. Соответствующие связи убедительно показывает в труде «Ivory in China» американский антрополог и этнограф Бертольд Лауфер.

Согласно сведениям, которые приводит учёный, уже с третьего века нашей эры моржовые клыки попадали в Китай от племён, проживавших на северо-востоке от него²¹. Об этом косвенно свидетельствуют пластинки из моржового клыка, которые археологи находят на территориях, занимаемых не только чукчами, эскимосами и коряками, а так же, в низовье Амура на границе с Китаем²².

19 Там же. С. 307.

20 Там же. С. 309.

21 Laufer, B. Ivory in China. Fieldiana, Popular Series, Anthropology, no. 21 (Chicago: Field Museum of Natural History 1925). С. 52.

22 Там же. С. 53.

Лауфер подкрепляет свою позицию многочисленными примерами. Из японских и китайских анналов известно, что на севере от Китая с древних времен обитали племена Сушень. В документе сказано, что в 262 г. Сушень посылала в Китай дань, куда входило 20 наборов панцирей, сделанных из кожи, моржовой кости и железа²³. Примечательно, что на территории, населенной этими племенами, до сих пор находят пластинки костяных панцирей, сделанные из моржового клыка. Таким образом, Сушень уже в начале первого тысячелетия обрабатывали моржовый клык, пришедший к ним с северо-востока Сибири.

Моржовая кость как сырой материал стала известна в Китае в царствование династии Тан под названием «куту» и доставлялась туземными племенами с северо-восточной Азии²⁴. Об этом свидетельствуют упоминания моржовой кости в летописях периода династии Тан. В этом письменном источнике «куту» упоминается как слово, заимствованное из языка тунгусского племени мохэ, населявшего северную часть Кореи и распространившегося на восток по реке Сунгари до Охотского моря. Мохэ, в свою очередь, имели выгодную торговлю с камчадалами и ительменами, которые, по описаниям Г.В. Стеллера и С.П. Крашенинникова, занимались зверобойным промыслом и добывали моржовые клыки²⁵.

Во второй половине XVII столетия, между Россией и Китаем установились непосредственные торговые отношения, и моржовый клык стал одним из важнейших предметов торговли. Согласно работе Лауфера, в китайском письменном источнике 1683 г., содержится упоминание, что русские купцы привезли императору подарки, среди которых наряду с соболями имелся и дорогой рыбий зуб, то есть моржовый клык²⁶.

Кроме русских, населявшие устье Амура и Сахалинские острова гиляки так же торговали с китайцами моржовыми клыками, которые в свою очередь покупали у народов крайнего севера Российской империи²⁷.

Эти несколько примеров, приведённые из труда Бертольда Лауфера позволяют уверенно говорить о наличии контактов и торговых связей племён Крайнего Севера и востока Азии с представителями Китая. Было бы крайне удивительно, если бы мощная китайская культура не оказала никакого влияния на менее развитую культуру своих северо-восточных соседей.

Следовательно, в контексте проблемы происхождения пеликенов, мы обязаны учитывать и возможные влияния из Китая. Подтверждение такого влияния впервые появляется в «Описании земли Камчатки» С.П. Крашенинникова, где мы находим следующее: «Из всей работы сих диких народов, которую они каменными ножами и топорами весьма чисто делают, ничто мне так не было удивительно, как цепь из моржовой кости, которая привезена на боту Гавриил из Чукотского носа. Она состояла из колец, гладкостью подобных точеным, и из одного зуба была сделана; верхние кольца были у неё больше, нижние меньше, а длиною она была немного меньше полу аршина. Я могу смело сказать, что по чистоте работы и по искусству никто бы не счёл её за труды дикого Чукчи и за сделанную каменным инструментом, но за точеную подлинно»²⁸. Подчеркну, что коренные жители Чукотки не знали железа, а потому прототипом для костяных цепей могли послужить железные цепи, привезённые от ближайших соседей с юга и юго-востока Азии (Илл. 7).

А.Л. Горбунков, первый художественный руководитель косторезных мастерских Чукотки, предпринял попытку классифицировать все предметы, собранной им в 1933–1935 гг. коллекции Интегралцентра. В группе так называемых «накомодников» числятся различные декоративные скульптуры людей, животных и пеликенов. Примечательно, что в эту группу вошла фигурка индийского слона мастера Аромке и фигурка Будды мастера Айе²⁹. Сохранились архивные документы А.Л. Горбункова, в которых содержится краткая запись о том, что чукотские косторезы резали слонов и Будд ещё в досоветское время. Согласно сведениям художника, сибирский ку-

23 Там же. С. 53.

24 Там же. С. 53.

25 Там же. С. 54.

26 Там же. С. 57.

27 Там же. С. 58.

28 Описание Земли Камчатки / Сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором. Т.2, 1755. С. 35.

29 Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/67. С. 3.

Илл. 7. Цепь. Из коллекции Э. Нельсона, 1882. Клык моржа, резьба. Национальный музей естественной истории Смитсоновского института.

пец Моисей Караев утверждал, что это именно он «привнес их в промысел» чукчей и эскимосов из Шанхая³⁰. К примеру, в Сергиево-Посадском историко-художественном музее-заповеднике хранится скульптура пеликена из моржового клыка, вырезанная на Чукотке в 1930-е гг. Очевидно, что неизвестный мастер, создавший эту фигурку, был знаком с иконографией китайских и индийских божеств (Илл. 8).

Илл. 8. Пеликен. Чукотка, 1930-е. Клык моржа, резьба. Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник.

30 Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/60. С. 23.

Илл. 9. Пеликен. Чукотка, конец XX в. Клык моржа, резьба. Поронайский краеведческий музей.

В дневниковых записях А.Л. Горбунков указывал, что пеликены имеют тесную связь с танцевально-ритуальной культурой чукчей и эскимосов³¹. Художник не даёт развернутого пояснения своей гипотезы, однако вполне понятно, что речь шла об исполнении ритуального танца на Празднике кита, который устраивали всякий раз, когда группе охотников на морского зверя удавалось добыть кита³². Горбунков полагал, что пеликен — это стилизованный образ отдыхающего танцора или певца-ярариста. Предположение Горбункова, что это танцор или музыкант — вполне допустимо. Тем более что в Празднике кита принимали участие все жители селения, включая женщин. Вместе с тем, с художественным руководителем нельзя согласиться в том, что это именно отдыхающий танцор. Праздник кита — это в принципе сидячий танец, потому

31 Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/61-64. С. 3.

32 Богораз В. Г. Чукчи. Ч. 2 : Религия / под ред. Ю.П. Францова, 1939. С. 3.

нет никаких оснований полагать, что фигурка изображалась в сидячем положении ввиду усталости героя. А.Л. Горбунков так же высказывает своё мнение относительно того, что «отдыхающий танцор» раздет до пояса. Причина объясняется весьма логично — в пологе яранги обычно достаточно жарко, потому одежда здесь совершенно не нужна. Отмечу, что Праздник кита в принципе один из самых излюбленных источников для сюжетов чукотско-эскимосских косторезов. В мастерских Горбункова мастера охотно рисовали и выполняли цветные гравировки на тему этого праздника.

В архивных документах А.Л. Горбункова содержится ещё одна интересная запись, которая касается пеликенов. Художник пишет о том, что его научный руководитель, выдающийся российский маньчжуровед А.В. Гребенщиков, в качестве возможных иконографических источников пеликенов рассматривал маски японского театра Но³³. Позволю себе не согласиться с отечественным учёным. Ведь возможные иконографические источники можно найти гораздо ближе как с географической, так и с культурной точки зрения. Как указывает Горбунков, чукотские мастера Вуквол и Камыргын сами рисовали ритуальные маски³⁴, которые позднее вошли в коллекцию Интегралцентра³⁵. Интересно, что в собрании Национального музея естественной истории Смитсоновского института хранятся и экспонируются маски, сходные с выражением лица пеликенов (Илл. 10).

В заключение ещё раз подчеркну, что в этом исследовании не преследуется цель доказать несостоятельность теории Д. Рэй. Поставленная задача заключается в комплексном рассмотрении проблемы возникновения и распространения пеликенов на территории Чукотки. Принимая во внимание приведенные аргументы, можно утверждать, что Флоренс Претц и запатентованный ею пеликен — это вершина айсберга, а потому гипотеза, что учитель рисования из Канзаса «подарила» образ пеликена амери-

Илл. 10. Ритуальная маска. Из коллекции Э. Нельсона, 1882. Дерево, резьба. Национальный музей естественной истории Смитсоновского института.

канским эскимосам, а вслед за ними и азиатским чукотско-эскимосским мастерам — не выглядит убедительной и более того кажется наивной.

Если кратко резюмировать и критически осмыслить пласт письменных источников и предметов материальной культуры, становится очевидным, что феноменальному распространению пеликенов на Чукотке в начале XX века предшествовала длинная история, а сами антропоморфные скульптуры пеликенов представляют собой сплав культурных напластований, имевших место на Чукотке в течение многих столетий.

Прежде всего, археологические и этнографические материалы позволяют уверенно говорить, о том, что религиозные воззрения коренных народов Крайнего Севера представляли подготовленную плодородную почву для лёгкого восприятия и адаптации художественного образа, родившегося в Америке в начале XX века. Далее, чукотские и эскимосские племена, благодаря регулярным торгово-экономическим отношениям с соседями, могли на протяжении веков подвергаться культурным влияниям более развитых культур Китая и Индии.

Архивные документы, а так же косторезные изделия, выходящие из кустарных мастерских чукотских косторезов начала XX века, свидетельствуют о том, что мастера были знакомы с китайско-индийской иконографией. Впрочем, и Флоренс Претц могла вдохновиться изображением божества Хотэя при создании пеликена, ведь она бывала в Японии, где Хотэй считается

33 Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/60. С. 23.

34 Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/61-64. С. 2.

35 Чукотское и эскимосское искусство XIX-XX вв.: (Из собр. музея): Кат / Сергиево-Пасад. гос. ист.-худож. музей-заповедник; Авт. вступ. ст. и сост. кат. А.К. Фисинина. М.: ИК "Родник", 1995. С. 105-106.

одним из семи богов счастья, является символом удачи и процветания. Невероятный всплеск популярности пеликенов по обе стороны Берингова пролива можно объяснить и активизацией экономических отношений европейских и американских торговцев с эскимосами и чукчами. Но нужно понимать, что торговля явилась не причиной, а катализатором развития традиционного чукотско-эскимосского косторезного промысла.

Это ни в коей мере не умаляет достоинств и художественной ценности косторезного искусства чукчей и эскимосов. Ведь даже если в начале XX века некий прототип современного пеликена действительно пришёл на Чукотку через Берингов пролив, здесь уже на протяжении веков бытовали подобные антропоморфные фигурки, а значит, существовала собственная художественная традиция, которая позволила чукотским мастерам достаточно легко принять и адаптировать художественный образ, созданный Флоренс Претц.

Список использованной литературы и источников:

1. Антропова В.В. Современная чукотская и эскимосская резная кость. Сборник музея антропологии и этнографии, т. XV (1953): 5–122.
2. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов : (Уэленский могильник) / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — Москва : Наука, 1969. 206 с.
3. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья : Эквен. могильник / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — Москва : Наука, 1975. 240 с.
4. Богораз В. Г. Чукчи. Ч. 2 : Религия / под ред. Ю.П. Францова, 1939. 196 с.
5. Василевский, Б.А. Улыбка северного бога // Вокруг света. М., 1971. № 6. С. 54–57.
6. Диков Н.Н. Чинийский могильник : (К истории морских зверобоев Берингова пролива) / Отв. ред. акад. А.П. Окладников. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1974. 167 с.
7. Диков Н.Н. Древние костры Камчатки и Чукотки: 15 тысяч лет истории. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1969. 256 с.
8. Из архива. Избранные труды В.Г. Богораз по шаманству (1934–1936 гг.) / Санкт-Петербургский государственный университет ; [подготовка к публикации: М. М. Шахнович, Е.А. Терюкова ; примеч. М. М. Шахнович]. 2-е изд. С.-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2019. 461 с.
9. Митлянская Т.Б. Художники Чукотки. Москва: Изобр. искусство, 1976. 208 с.
10. Описание Земли Камчатки / Сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором. Т.2, 1755. 319 с.
11. Рытхэу Ю.С. Когда киты уходят : Повести и рассказы. Ленинград : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1977. 336 с.
12. Чукотское и эскимосское искусство XIX–XX вв : (Из собр. музея) : Кат / Сергеево-Пасад. гос. ист.-худож. музей-заповедник ; Авт. вступ. ст. и сост. кат. А.К. Фисинина. М. : ИК "Родник", 1995. 120, [6] с.
13. Laufer, B. Ivory in China. Fieldiana, Popular Series, Anthropology, no. 21 (Chicago: Field Museum of Natural History 1925).
14. Ray, D.J. Artists of the tundra and the sea / By Dorothy Jean Ray. — Seattle : Univ. of Washington press, 1961. 170 с.
15. Архив Всероссийского музея декоративного искусства (ВМДИ). Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/57.
16. Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/60.
17. Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/61–64.
18. Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/67.

ON THE QUESTION OF ORIGIN AND SPREADING OF PELIKENS IN CHUKOTKA

Shulgina Olga Mikhailovna,

Saint-Petersburg State University, post-graduate student,
Institute of History, History of Russian Art department,
7/9 Universitetskaya Emb., St Petersburg 199034, Russia

ORCID ID: 0000-0002-5449-0258

ResearcherID: AAE-3259-2022

st079243@student.spbu.ru

Abstract

The article attempts to analyse the origin and possible ways of spreading of anthropomorphic sculptures carved from walrus fang, called "pelikens" among Chukchi and Asian Eskimos. The phenomenon of peliken is considered in a broad cultural and historical context: archaeological, ethnographic, folklore, art history, as well as unpublished earlier archival materials of domestic and foreign scientists are involved in the course of the investigation. There are presented arguments that cast doubt on the modern hypothesis about the origin of pelikens. The research shows that a possible reason for the rapid spreading of pelikens on the territory of Chukotka in the early 20th century is the existence of local ancient tradition.

Keywords

Peliken, walrus ivory carving of Chukchi and Asian Eskimo, A.L. Gorbunkov.

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/NI.2022.38.3.007

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ КАНТАТЫ В МАРИЙ ЭЛ

Протасова Виктория Вадимовна,

аспирант, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,
пл.Ленина, д.1, г.Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Россия, 424000,
методист, преподаватель, ГБПОУ РМЭ «Колледж культуры
и искусств имени И.С. Палантая», ул.Красноармейская, д.78,
г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Россия, 424000,
vv-protasova@yandex.ru

Аннотация

Прослеживается история становления жанров хоровой миниатюры в марийской профессиональной музыке как фундамента для возникновения крупных вокально-хоровых жанров – кантаты и оратории. Рассматривается развитие и тематическое разнообразие кантат, появление первой марийской духовной кантаты «Күсото» («Священная роща») С. Н. Макова.

Ключевые слова

Марийская профессиональная музыка, кантата в Марий Эл, марийское композиторское творчество, хоровая музыка, духовная музыка.

Говоря о жанре кантаты, стоит отметить, что она имеет много общего с ораторией. Оба жанра являются вокально-симфоническими видами произведений и включают в себя одни и те же формы изложения: хоры (в большинстве случаев с сопровождением, реже а cappella), арии или песни, речитативы, различные ансамбли, симфонические вступления и (или) внутренние симфонические эпизоды. Небезосновательно их зачастую определяют в одну кантатно-ораториальную группу, которую, к тому же, объединяет и общая историческая или гражданская тематика, эпос и героика.

Несмотря на общие черты, имеются и явные различия между кантатой и ораторией, которые объясняются происхождением этих жанров.

Кантата изначально была тесно связана с оперой и хоровыми жанрами эпохи Возрождения, и только в эпоху Барокко утвердилась как крупное сочинение, где обычно раскрывалось какое-то одно событие или одна тема. Соответственно, кантата была скромной по масштабу,

и даже не всегда включала в свой состав исполнителей хор.

Оратория же сохранила крепкую связь с эпосом, несмотря на то, что стала своеобразным смежным жанром словесной музыки. Данная прочная связь объясняет важнейшие характеристики оратории — масштабность, монументальность и нарративность, сюжетность.

Г. Гроув в своем музыкальном словаре находит отличие оратории от кантаты в объеме произведений: «Кантата отличается от оратории меньшими размерами»¹. С данным утверждением можно согласиться лишь отчасти, так как композиторы-романтики и композиторы XX столетия внесли много нововведений в кантатно-ораториальный жанр.

1 Fallsows, D. Cantata //Grove G. A Dictionary of Music and Musicians. – Oxford, 1889. – URL: <https://cloud.mail.ru/public/3z5t/pbpfVRxTh> (Date of the application: 15.03.2022), p. 378.

Говоря о развитии жанра кантаты в Марий Эл, нельзя обойти стороной ее возникновение и процесс становления в русской музыкальной культуре. Крылова В.Д. в своей диссертации «Русская кантата "на случай" конца XIX–начала XX века: поэтика жанра» отмечает, что «как любой инокультурный жанр на новой национальной почве, кантата в процессе своей ассимиляции проходит несколько этапов»².

В первый этап своего развития (1730–1770-е гг.) кантаты в России создавали только придворные итальянские композиторы. Наряду с кантатами, серенады и другие жанры «на заказ» играли большую роль в жизни двора. Кантаты писали Ф. Арайи, В. Манфредини, Б. Галуппи, Д. Чимароза, Дж. Паизиелло.

В 1770–1880-е годы (второй этап), с появлением первых кантат русских композиторов, она становится полноправным жанром русской музыки. Авторами первых русских кантат были Д.С. Бортнянский и П.А. Скоков, однако их произведения не сохранились. Несколько позднее были написаны кантаты А.Н. Верстовского, М.И. Глинки, А.С. Даргомыжского. Данные два периода представлены в диссертации Огарковой Н.А «Музыка как феномен церемониальной и повседневной жизни русского двора: XVIII–начало XIX века».

Третий этап — рубеж XIX–XX веков (1880–1910-е годы) — расцвет русской кантаты. Этот период связан с углублением образной сферы жанра и включением в нее новых выразительных средств, что позволяет говорить о трансформации жанровой традиции. Жанр кантаты данного периода изучен более подробно: данной теме посвящены диссертации Крыловой В.Д. «Русская кантата "на случай" конца XIX–начала XX века: поэтика жанра», Панкратовой О.В. «Жанровый стиль кантаты эпохи романтизма», Борисовой Л.Н. «О взаимовлиянии оперы и лирической кантаты в русской музыке рубежа XIX–XX веков» и др.

Четвертый этап развития жанра — советское музыкальное наследие. Этот этап примечателен тем, что многие жанровые границы стираются, и происходит соединение черт разных жанров. Появляются «оратории-поэмы», «оперы-оратории», «кантаты-симфонии». Данный период из-

учен в диссертации Масловской Т.Ю. «О национальной сущности произведений Г. Свиридова (на примере кантатно-ораториальных сочинений)». Яркий пример подобного синтеза жанров — «Поэтория» Р. Щедрина, где в музыкальном претворении стихотворения А. Вознесенского важнейшее место занимает голос самого поэта.

Несмотря на особенности каждого из этапов развития, их всех объединяет использование трех основных тематических сфер: прославления, эпического повествования и молитвы.

История жанра кантаты в Марий Эл в той или иной степени представлена в трудах Казанской Л.В. «Очерки истории марийской советской музыки», Цыкиной Ю.Ю. «Развитие жанров музыкального искусства Марийской АССР: историко-музыковедческий очерк середины 40-х — середины 80-х годов XX столетия», Турченковой Р.Н. «Музыкальная культура мари: учебно-методическое пособие».

Интенсивное становление жанров хоровой музыки в Марий Эл, как и в других республиках Поволжья, началось вскоре после революции 1917 года. Благодаря своей массовости и демократичности хоровое искусство занимало ведущие позиции. Основными жанрами были революционная и народная песня.

Первые классические образцы произведений для хора созданы основоположником марийской музыки Иваном Степановичем Палантаем (1886–1926), который после окончания Казанского музыкального училища и курсов при Придворной певческой капелле начал свой творческий путь как хормейстер. Основной жанр его творчества — хоры без сопровождения, которые условно можно разделить на две группы: первая — обработки марийских народных песен, вторая — оригинальные сочинения на стихи марийских поэтов. Образование композитора во многом определило его стиль его произведений: он делал обработки народных мелодий и сочинял свои песни в свойственной церковному пению четырехголосной фактуре, поэтому влияние православной музыки прослеживается в разной степени в творчестве и его последователей.

На протяжении многих десятилетий прошлого столетия хоровое творчество И.С. Палантая являлось образцом для последующих поколений композиторов. Ведущая роль полифонии в развитии национального музыкального материала, столь характерная для И.С. Палантая, впослед-

2 Крылова В.Д. Русская кантата "на случай" конца XIX–начала XX века: поэтика жанра : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.02 /Крылова Вера Дмитриевна. Москва, 2010. с.39.

ствии станет одной из стилевых особенностей марийской музыки.

В Марий Эл И.С. Палантай долгие годы был единственным композитором, писавшим в жанре хоровой музыки. Лишь на рубеже 1920–30-х годов создаются первые обработки Я.А. Эшпая для хора а capella, а также первые обработки А.И. Искандарова. Особенно значимым для хоровой музыки оказалось творчество А.И. Искандарова (1906–1999), ученика и единомышленника И.С. Палантая. Большинство его обработок народных песен изложено в подголосочном стиле с применением имитационных приемов или вариационности. Л.В. Казанская отмечает, что «песенное творчество Искандарова развито в двух направлениях: 1) песни по образцу традиционных крестьянских напевов; 2) советская массовая песня»³. В них композитор тонко и точно воспроизводит мелодико-ритмические особенности марийского фольклора и органично соединяет их с особенностями песен советских композиторов того времени.

В 1930-е годы хоровая музыка и хоровое исполнительство вступает в новый, профессиональный этап своего развития. Связано это было с открытием Марийского музыкально-театрального техникума (1931) и открытием первого профессионального коллектива — марийской хоровой капеллы, которая активно пропагандировала народную и советскую песни, лучшие образцы русской и зарубежной классики⁴. Важное место в репертуаре капеллы занимали марийские народные песни в обработках И.С. Палантая и А.И. Искандарова.

Начало Великой Отечественной войны ознаменовало новый этап в развитии культуры в целом и хоровой музыки частности. Чисто художественные проблемы отошли на второй план. Хоровая музыка активно включилась в борьбу с врагом. Главным жанром в эти годы являлась массовая песня. Появились новые жанровые разновидности: песня-плакат, песня-лозунг, в которых ошутимы традиции революционных песен. Возросший интерес к хоровой музыке в военные годы послужил толчком к созданию Хора коми-

тета радиоинформации МАССР (1944). Все годы существования этого коллектива связаны с именем его руководителя, Н.А. Сидушкина (1898–1975) — талантливого композитора, дирижера и педагога, большая часть произведений которого написана для хора.

В послевоенные годы марийские композиторы внесли весомый вклад в развитие хоровой музыки, обогатившейся сочинениями кантатно-ораториального плана. Первая среди них — кантата Я.А. Эшпая «25 лет МАССР» (сл. Ю.Б. Данцигера, 1946), написанная в содружестве с Б.С. Шехтером.

Вслед за первым опытом последовали кантаты К.Р. Гейста «Я полноправный избиратель» (сл. В. Чалая, 1947) и «Марий Эл» (сл. Г. Матюковского, 1951), Я.А. Эшпая — «Лес» (сл. А. Бика, 1950), К.А. Смирнова — «Слава партии» (сл. марийских поэтов, 1956), «Шочмо Эл» («Родимый край») А.И. Искандарова, написанная в соавторстве с Л.Н. Сахаровым (сл. М. Казакова, И. Осмина, 1960).

В 60–70-е годы XX века были написаны «Кантата о Ленине» К.Р. Гейста (сл. А. Трубина, 1969), «Кантата о Ленине» А.Б. Луппова (сл. Сем. Николаева, 1970), кантата И.Н. Молотова «Слава партии» (сл. Сем. Николаева, 1970), «Реквием памяти павших» В.М. Алексеева (сл. В. Кудашова, 1975). Одним из наиболее ярких произведений этого периода является трехчастная «Кантата о Ленине» А.Б. Луппова. Не нарушая традиционного для кантаты светло-торжественного характера, автор динамизирует хоровую партитуру применением имитационных приемов, мелодики речитативно-декламационного склада, стремясь при этом симфонизировать жанр.

В 1980-е годы знаменательным событием стало создание и исполнение на VIII пленуме Союза композиторов республики первой марийской оратории «Муралтем мый йывыртен» («Я от радости пою») С.Н. Макова (сл. Й. Кырли) — крупного семичастного произведения, написанного для смешанного хора, солистов и симфонического оркестра. История создания данного произведения представлена в труде Цыкиной Ю.Ю. «Быть близким своему народу. Очерки жизни и творчества композитора С. Макова»: «<...> вскоре после окончания консерватории, я зашел в один из книжных магазинов г. Йошкар-Олы и увидел там сборник стихов Йывана Кырли на марийском языке. <...> Из магазина я вышел с оформившейся мелодией в голове... Появилась мысль

3 Казанская Л.В. Очерки истории марийской советской музыки. М.: Сов. Композитор, 1983. с. 52.

4 Исполнялись произведения Ф. Шуберта, О. Лассо, В. Моцарта, М.И. Глинки, А.П. Бородина, М.П. Мусоргского и П.И. Чайковского.

написать произведение. В течение нескольких недель я пытался выстроить сюжет. Постепенно пришло понимание того, что биография Й. Кырли, описанная в его стихах, есть биография всего марийского народа. Стало понятно, где должны быть расставлены акценты и какие. Необходимость включения хора, оркестра, нескольких солистов натолкнули на мысль об оратории. Начала выстраиваться драматургическая линия»⁵. Композиция оратории отличается стройностью, продуманностью, устремленностью к финалу. Первые три части — воспоминания о горестном прошлом, следующие четыре части рисуют картины жизни после Великого октября. Одна из ярких особенностей оратории — наличие достаточно развернутых оркестровых эпизодов, которые не только выполняют роль связок, но и несут определенную образно-смысловую нагрузку. Также в этот период особое место занимают кантаты для детей А.Б. Луппова «Какого цвета солнце?» (сл. Ш. Галиева, 1984), «Песнь о храбром джигите» (сл. М. Джалиля, 1985); «Сходка» (сл. Е. Евтушенко, 1985); кантата В.А. Захарова «Чавайнлан семаршаш» («Венок Чавайну», сл. С. Чавайна, 1990) и другие.

Таким образом, развитие хоровой миниатюры и кантатно-ораториального жанра в Марийском крае происходило неравномерно, друг за другом: на протяжении первых десятилетий развивается жанр миниатюры, в создании которого принимают участие основоположники марийской профессиональной музыки И.С. Палантай и Я.А. Эшпай. По своему содержанию кантаты достаточно разнообразны. Самая распространенная тематика — политическая: «Марийскому съезду Советов» И.С. Палантая, «25 лет МАССР» Я.А. Эшпая, «Слава партии» К.А. Смирнова, «Слава партии родной» И.Н. Молотова, кантаты о В.И. Ленине К.Р. Гейста, А.Я. Эшпая, А.Б. Луппова, В.М. Алексеева). Появление большинства кантат, посвященных Октябрю, В.И. Ленину или партии было так или иначе приурочено к юбилейным датам или открытию партийных съездов и праздников. В наше время по понятным причинам они не имеют актуальности и не исполняются. С предыдущей темой переключается

тема малой родины: К.Р. Гейст «Марий Эл», А.Б. Луппов «Земля марийская», А.И. Искандаров и Л.Н. Сахаров «Край родной».

Событием огромной важности для марийской музыки стало появление первой духовной кантаты «Күсото» («Священная роща») для трех солистов и смешанного хора а capela С.Н. Макова на слова З. Дудиной. Впервые это произведение прозвучало 11 сентября 2008 г. на открытии X Международного конгресса финно-угорских писателей. О важности этого сочинения отзывался и сам композитор: «В некотором роде я вернулся в высокую музыку, ту, ради которой пришел в профессию, стал композитором. <...> Возможно, с кантаты начнется новый этап, она меня как-то "развернула"...»⁶.

Кантата состоит из пяти частей. Это — обращение к пяти божествам: «Ош Кугу Юмо!» («Великий Светлый Бог»), «Пүрышем, Кугу Юмо!» («Предопределитель, Великий Бог»), «Пиямбар Кугу Юмо!» («Великий Бог Покровитель»), «О, Юмо-Суксо!» («О, Божий ангел!»), «Сандалык Кугу Юмо!» («О, Великий Бог Вселенной!»). По марийским обычаям в священных рощах пение не культивировалось. Но то «о чем думали наши предки мари во время молений, за что болела их душа, что и сейчас нас волнует — обо всем этом пытался поведать нам композитор»⁷. Безусловно, эта кантата открыла новую страницу в истории современного музыкального искусства, и, возможно, даст толчок к созданию новых сочинений марийских композиторов в жанре духовной музыки.

Список использованной литературы

1. Герасимов О.М. Традиционная марийская вера и ее музыкальное воплощение (послесловие к премьере первой национальной духовной кантаты) // Этническая культура народов Волго-Камья: традиции, трансформации и современные

5 Цыкина Ю.Ю. Быть близким своему народу. Очерки жизни и творчества композитора С. Макова. Йошкар-Ола: Гос. Унитарн. казенное предпр. Республики Марий Эл «Марий журнал», 2015. с. 28.

6 Цыкина Ю.Ю. Быть близким своему народу. Очерки жизни и творчества композитора С. Макова. Йошкар-Ола: Государственное унитарное казенное предприятие Республики Марий Эл «Марий журнал», 2015. с. 56.

7 Герасимов О.М. Традиционная марийская вера и ее музыкальное воплощение (послесловие к премьере первой национальной духовной кантаты) // Этническая культура народов Волго-камья: традиции, трансформации и современные процессы: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Йошкар-Ола, 2009. с. 462.

процессы: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Йошкар-Ола, 2009. С. 460–464.

2. Герасимов О.М. Марийская хоровая литература: учебно-методическое пособие. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2016. 88 с.

3. Казанская Л.В. Очерки истории марийской советской музыки. М.: Сов. Композитор, 1983. 78 с.

4. Касаткина З.А. Развитие хорового искусства в художественной культуре России: дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 /Касаткина Зоя Александровна. СПб, 2013. 175 с.

5. Крылова В.Д. Русская кантата "на случай" конца XIX - начала XX века: поэтика жанра : дис. ... канд. искусств. : 17.00.02 . М., 2010. 182 с.

6. Москвина Ю. В. Кантата «Күсото» С.Н. Макова как символ сохранения культурных традиций прошлого //Этническая культура народов Волго-камья: традиции, трансформации и со-

временные процессы: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Йошкар-Ола, 2009. С. 464–478.

7. Музыкальная культура мари: учебно-методическое пособие / Мар.гос. ун-т; авт.-сост. Р.Н. Турченкова. Йошкар-Ола, 2013. 324 с.

8. Цыкина Ю.Ю. Развитие жанров музыкального искусства Марийской АССР: историко-музыкальный очерк середины 40-х – середины 80-х годов XX столетия. Чебоксары : Клио, 2004. 80 с.

9. Цыкина Ю.Ю. Быть близким своему народу. Очерки жизни и творчества композитора С. Макова. Йошкар-Ола: Государственное унитарное казенное предприятие Республики Марий Эл «Марий журнал», 2015. 66 с.

10. Fallows, D. Cantata //Grove G. A Dictionary of Music and Musicians. – Oxford, 1889. – URL: <https://cloud.mail.ru/public/3z5t/pbpfVRxTh> (Date of the application: 15.03.2022)

THE FORMATION HISTORY OF THE CANTATA GENRE IN MARI EL

Protasova Viktoriya Vadimovna,

post-graduate student of the fourth year of the Mari State University

Lenin sq, 1, Yoshkar-Ola, Republic of Mari El, Russia, 424000,

methodist, teacher of Palantay College of Culture and Arts

Krasnoarmeyskaya st, 78, Yoshkar-Ola, Republic of Mari El, Russia, 424000,

vv-protasova@yandex.ru

Abstract

The article considers the formation history of the choral miniature genres in Mari professional music as the foundation for the emergence of major vocal and choral genres – cantata and oratorio. It describes the development and thematic diversity of cantatas, the appearance of the first Mari church cantata “Küsoto” (“Sacred Grove”) by S. N. Makov.

Keywords

Mari professional music, cantata in Mari El, Mari composer work, choral music, sacred music.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

RAR

УДК 008

ББК 63

DOI 10.34685/NI.2022.38.3.008

ЭКСКУРСИИ В МУЗЕЯХ ВЯТКИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Касанов Антон Сергеевич,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры туризма и управления персоналом,
Вятский Государственный Университет,
Ул. Ленина, д. 111, г. Киров, Россия,
kasanv@rambler.ru

Аннотация

Рассматривается на основе сведений периодической печати, документов ЦГАКО и литературы региональная специфика экскурсионного дела в вятских музеях, кто и каким образом проводил экскурсии, подсчитано количество экскурсантов.

Ключевые слова

Эксперсии, музеи, туризм, культура, общественные организации.

В настоящий момент экскурсионные услуги имеются в арсенале большинства музеев Кирова. Однако в дореволюционный период времени ситуация была кардинально иной: в зачаточной стадии находился как сам музейный кластер города, так и процесс создания института экскурсионного обслуживания в подобных учреждениях.

Музейные экскурсии в Вятке начала XX в. еще не становились объектом исследования историков, хотя в целом музейная система города изучена довольно тщательно. Вятка в рассматриваемый хронологический период времени не отставала от общероссийских культурных тен-

денций. К 1917 г. уже почти во всех губернских городах существовали музеи¹. Решающую роль в их создании играли общественные организации и инициатива отдельных исследователей. Все музеи были частными, финансирование осуществлялось за счет помощи от земских органов, благотворителей и местного населения. Отношение государства в основном проявлялось в регистрации музея и наблюдении за ним. Единого руко-

1 Вечтомова, Ю. Е. Развитие краеведения в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. и деятельность Вятской ученой архивной комиссии: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2006. с. 180.

водящего органа музеями тогда не существовало. Отдельные вопросы жизни музеев (финансирование, утверждение устава) решались в министерстве народного просвещения, министерстве внутренних дел, министерстве государственных имуществ.

В Вятке начала XX в. существовало сразу три разных по своему характеру частных музеев. В историографии обычно рассматривают вопросы, связанные с их формированием и комплектованием. В данной статье мы изучим деятельность первых вятских музеев с точки зрения развития экскурсионного дела. В круг задач исследования входит поиск информации о том, кто и в каком количестве проводил экскурсии в музеях, каков был численный и социальный состав экскурсантов, что из себя по форме и содержанию представляли данные экскурсии.

Одна из тенденции в музейном деле на рубеже веков — это возникновение музеев в результате деятельности учреждений, изучающих край. Такие музеи формировались при статистических комитетах, губернских земствах, губернских ученых архивных комиссиях (ГУАК), отделениях Русского географического общества. В 1912 г. в Вятке был создан Трифоновский церковно-археологический музей при Вятской ученой архивной комиссии (ВУАК). За все время работы в музее было собрано более пятисот номеров различных старинных предметов, отражающих быт православной церкви, под многими номерами значились целые коллекции. Среди экспонатов музея числились весьма ценные вещи: резные изображения Спасителя, Божьей Матери, святых апостолов, Николая Чудотворца; виды с кратким историческим описанием почти всех соборов и церквей Вятской Епархии; несколько древних икон новгородского типа; редкие церковные вещи (слюдяные фонари, медная паникадиль); редкие рукописи — «Роман об Александре Македонском», старинная рукопись «Житие и служба преподобного Трифона» и многое другое.

По своему размеру музей был невелик, он размещался в двух комнатах на втором этаже епархиального дома на улице Стефановской (ныне — Молодой Гвардии). Помимо экскурсий в музее также проводились лекции. Учреждение открывалось для публики по воскресным дням и праздникам с 12 до 15 часов, но «в не-

которых экстренных случаях» (например, для приезжих) экскурсию могли провести и в другие дни².

Основной аудиторией музея являлись воспитанники духовных и светских учебных заведений Вятки. Отмечены и известные люди, побывавшие с экскурсией в музее. Среди них: епископ Вятский и Слободской Никандр, губернатор А.Г. Чернявский, Обер-секретарь Святейшего Синода П.В. Мудролюбов, художник В.М. Васнецов. Также в «Отчете» о работе музея за 1913/1914 г. указано, что музей посетил некий французский путешественник из Парижа³.

Экскурсии проводил, как правило, один из членов Комитета, который руководил музеем. Чаще всего этим занимался протоиерей Иоанн Сырцов. Работы у него было немного: за 1913 г. музей посетило триста человек, в 1914 г. — более пятисот. Для сравнения можно привести следующие цифры: Красноярский музей в 1899 г. посетило 3 тысячи человек, в 1906 г. — 7,5 тысяч, а в 1913 г. — почти 14 тысяч человек⁴.

Экскурсанты в музее должны были расписываться в книге посетителей, там же оставляли и отзывы о прослушанной экскурсии. Например, Петр Мудролюбов написал 3 июня 1913 г. в этой книге: «С искренним удовольствием рассматривал молодое археологическое учреждение и желаю ему дальнейшего развития и успеха»⁵.

Уже в 1915 г. Трифоновский музей фактически перестал работать. Первая мировая война, а затем и Гражданская война приостановили деятельность ВУАК, а, следовательно, и работу церковно-археологического музея. Хотя поступления новых экспонатов для музея продолжались вплоть до 1918 г., но реально он перестал функционировать еще в 1915 г.

2 Вечтомова, Ю. Е. Развитие краеведения в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. и деятельность Вятской ученой архивной комиссии: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2006. С. 177.

3 Отчет вятского Трифоновского церковно-археолог. музея за 1913 – 1914 гг. Вятка, 1914. С. 8.

4 Вечтомова, Ю. Е. Провинциальные музеи в конце XIX – начале XX вв. и деятельность Трифоновского церковно-археологического музея в Вятке. / Вестник Вятского государственного университета. Киров, 2006. С. 209.

5 Отчет вятского Трифоновского церковно-археолог. музея за 1913 – 1914 гг. Вятка, 1914. С. 9.

Одним из самых посещаемых экскурсантами музеев Вятки стал художественно-исторический музей. К началу XX в. в городе возникло небольшое объединение местных художников, которые совместно устраивали художественные выставки, начиная с 1904 г. В конце 1908 г. художники организовали несколько товарищеских собраний, на которых выработали проект устава художественного кружка, утвержденный губернатором 31 января 1909 г. Важнейшей целью стала грамотная организация в Вятке художественных выставок с участием местных и столичных художников.

Другой задачей кружка явилась организация в Вятке художественного музея. Идея его создания принадлежала художникам В.М. и А.М. Васнецовым, которые высказали пожелание, чтобы художественный кружок занялся разработкой вопроса об открытии в Вятке художественно-исторического музея и со своей стороны обещали дать для музея как свои, так и имевшиеся в их распоряжении произведения других художников⁶. В конце февраля 1910 г. С.А. Лобовиков предпринял специальную поездку в Москву для сбора картин, как для открывавшегося музея, так и для весенней выставки кружка. На обращение председателя правления художественного кружка С.А. Лобовикова помочь созданию художественного музея в Вятке пожертвованием картин откликнулись многие известные художники, среди них были братья Васнецовы, Виноградов, Бакшеев, Иванов, Рылов. Дудин, Хохряков и т. д.

Открытие художественно-исторического музея состоялось 5 декабря 1910 г. Посетители могли прийти в него в праздничные и воскресные дни с 12 до 15 часов дня, вход был бесплатным⁷. Основная аудитория музея — учащиеся, как из Вятки, так и из других городов. О том, как проходили экскурсии в музее, рассказала в 1911 г. газета «Вятская речь»: «Гостившая в Вятке на прошлой неделе экскурсия Орловской женской гимназии в составе 30 человек

во главе с начальницей гимназии О.Н. Лашкевич 11 июня посетила вятский художественный музей. Обзорением музея руководил С.А. Лобовиков, давая краткие характеристики художников, представленных в музее. Небольшой состав музея позволил экскурсии очень пристально и подробно останавливаться на отдельных произведениях, прочно закрепив благодаря этому свои впечатления...»⁸.

Из заметки «Вятской речи» становится известно, что экскурсии по музею проводил сам Сергей Лобовиков — один из лидеров художественного кружка, именитый фотохудожник, общественный деятель, обладавший большим набором талантов. Однако из «Отчета» художественного кружка за 1910/1911 гг. следует, что помимо Лобовикова экскурсоводами становились и другие члены организации, изъявившие желание в часы открытия музея дежурить в нем⁹.

Посещаемость музея экскурсантами была очень высока. В период с 5 декабря по 1 января 1911 г. в музее побывали 1764 человека, а в целом со времени открытия и до 1 января 1913 г. — свыше 13000 человек¹⁰. В 1913 г. в «Вятской речи» даже появилась заметка с анализом аудитории музея за период с сентября 1912 по сентябрь 1913 гг. Анонимный автор обращает внимание на гендерный состав посетивших музей: «...Соединяя данные о посещаемости музея в оба периода времени, получается, что в течение года музей посетило: мужчин — 832, женщин — 400, и учащихся мужского пола 530, а женского — 294. Таким образом, оказывается, что взрослыми женщинами музей посещается в два раза меньше, чем мужчинами, а учащимися женского пола почти в четыре раза слабее, чем учащимися мужского пола». Журналист пытается проанализировать, почему же женщины ходят на экскурсии в музей так редко? В итоге статья заканчивается следующим выводом: «...цифры красноречиво говорят нам о том, что вятская женщина слишком мало до настоящего времени уделяет внимания культурным интересам и потребностям, а должно быть наоборот: кому, казалось бы, как не женщине, оттеснен-

6 Касанов, А. С. Влияние общественных организаций на социально-экономическую и культурную жизнь Вятско-Камского региона во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ...канд. ист. наук. Киров, 2014. С. 179.

7 Центральный государственный архив Кировской области. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

8 Вятская речь. 1911. №130. 19 июня. С. 3.

9 Центральный государственный архив Кировской области. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

10 Там же. Д. 14. Л. 10, 11.

ной пока от политической жизни, отдаться слушению интересам и вопросам духовной культуры и, в частности, искусства?»¹¹.

К сожалению, ближе к Первой мировой войне и во время нее дела у художественного кружка пошли значительно хуже. Не хватало денег, земство лишило музей помещения, экспозиция вынуждена была скитаться по частным квартирам. За годы войны произошла лишь одна выставка, в ней участвовали только 29 художников, экскурсии почти прекратились.

Старейший вятский музей — публичный, основанный еще в 1863 году П. В. Алабиным, переживал в начале XX века кризис. Его корни берут свое начало в 1870-е гг., когда музей был передан земскому училищу для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и приготовления учителей. В 1880 г. это училище было преобразовано в реальное, а музей превратился фактически в кабинет наглядных пособий. Рамки «музея при училище» мешали развитию музея, которому не доставало рачительного и заботливого хозяина. Учреждением заведовали часто менявшиеся друг друга совместители из числа учителей, для которых работа в музее была дополнительной нагрузкой помимо педагогической деятельности.

В начале XX в. музей попадает под огонь критики в прессе. В 1905 г. анонимный посетитель (скрывался под инициалом «О») написал в газету «Вятский вестник» разгромную статью о неудовлетворительной работе музея¹². Критик отмечал пыль, грязь и беспорядок, царившие в музее. «Музей наш производит неприятное впечатление своей неряшливостью и беспорядком, царящим в различных его отделах...» — отмечал аноним. Второй раз «публичную порку» музею устроил еще один пожелавший остаться неизвестным его посетитель в 1912 г.¹³ Заведующие музеем были вынуждены на страницах прессы отвечать на выпады в адрес учреждения, и указывали на то, что его финансовое положение не позволяет пополнять коллекции, закупать необходимое экспозиционное оборудование, расширять музей, земство недостаточно его поддерживает и т.д.

В начале XX в. в музее было всего три отдела: естественно-исторический, промышленный

и археологический. В первом находились образцы минералов, горных пород, окаменелостей, гербарий, чучела птиц, скелеты животных, раковины, коллекции насекомых, гнезд и яиц; в промышленном отделе — модели сельскохозяйственных орудий и машин, образцы почв, семена, предметы скотоводства, рыболовства и пчеловодства, изделия из дерева, руды, стеклянная и фаянсовая посуда и т.д. Наибольшую ценность представлял археолого-этнографический отдел.

Посетить учреждение можно было по выходным с 12 до 3 часов, вход оставался бесплатным. Заведовали музеем молодые начинающие учителя естественной истории: окончивший Петровскую лесную и земледельческую академию С. Н. Косарев (1889–1902), выпускники Казанского университета Н. В. Осткевич-Рудницкий (1903–1908) и Н. А. Ефимов (1908–1915). Эти тогда молодые педагоги и должны были проводить экскурсии в музей, но благодаря критическим замечкам в «Вятской речи» и «Вятском вестнике» сохранились сведения о крайне слабой работе по данному правлению. Так, в 1908 г. анонимный автор не просто снова раскритиковал музей за плохую организацию экспозиции, но и указал, что неплохо бы открывать учреждение для посетителей не только в выходные, но и в будние дни. Плюс ко всему в статье обращено внимание на фактическое отсутствие экскурсионного обслуживания посетителей: «...Хотя в воскресные дни было бы полезно давать объяснения посетителям, как это делается во всех других музеях»¹⁴. Многие предметы музея никак не были названы, каталог в зале отсутствовал, экспонаты не сгруппированы по отделам — в итоге без комментариев заведующего обычному гостю ничего не возможно было понять.

При всем хаосе в организации работы музея в рассматриваемый хронологический период он все-таки активно посещался вятчанами. Собранная статистика позволила кировскому краеведу Т.А. Дворецкой подсчитать, что ежегодно музей посещали от 2 до 5 тысяч человек. В основном это были горожане (свыше 40%), затем шли учащиеся и крестьяне, и совсем небольшой процент (от 2 до 7%) составляла интеллигенция¹⁵. Современни-

11 Вятская речь. 1913. №258. 3 декабря. С. 3.

12 Вятский вестник. 1905. №238. 12 ноября. С. 3.

13 Вятская речь. 1912. №109. 19 мая. С. 3.

14 Вятский вестник. 1905. №238. 12 ноября. С. 3.

15 Дворецкая, Т. А. По следам музея: очерки Кировского областного краеведческого музея. Киров, 2011 С. 30.

ки имели несколько иное мнение. Так, анонимный автор критической заметки в «Вятском вестнике» в 1905 г. на основе попавшей к нему статистики посещений музея за 1904 г. сделал свои выводы. С его точки зрения, музей посещается горожанами «сравнительно мало», интеллигенции он почти не интересен, а в летние месяцы и вовсе простаивает без экскурсантов. В то же время в газете указано, что в октябре 1905 г. музей посетили 361 человек, из них 200 — это горожане, 87 учащихся и 74 крестьянина¹⁶. В ответном слове заведующий музеем Осткевич-Рудницкий не стал рефлексировать по поводу количества и социального состава экскурсантов, а лишь указал, что критик поступил непорядочно, взяв у сторожа учреждения книгу посещений и опубликовав публично данные внутреннего документа музея.

Таким образом, во всех музеях дореволюционной Вятки в рассматриваемых хронологический период проводились экскурсии. Чаще всего делали это заведующие музеем или кто-то из самых инициативных активистов общественных организаций (ВУАК, художественный кружок), поддерживавших учреждение. Все музеи работали только по выходным и по праздникам, время посещения было ограничено периодом с 12 до 3 часов, что, безусловно, мешало большому количеству публики посетить экскурсию в музее.

Однако важно отметить, что никакой методики проведения музейных экскурсий еще не существовало, равно как и системной работы в этом направлении. Основное внимание руководители музейных организаций уделяли комплектованию экспозиции, а вопросы касательно того, как о ней рассказать воспринимались как периферийные и малозначимые. Экскурсии по музею при таком положении дел представляли собой набор комментариев и пояснений, которые, вероятно, чаще всего носили не заранее сформулированный и подготовленный, а импровизационный характер. При этом нельзя не отметить, что такие высоко эрудированные и образованные личности как С.А. Лобовиков или протоиерей Иоанн Сырцов обладали достаточным уровнем компетенций в разных отраслях знаний, чтобы помочь экскурсантам разобраться в экспозиции своих музеев.

Достаточно высокие цифры посещаемости вятских музеев при ограниченном времени работы учреждений и учете того фактора, что о них не было широко известно, говорят о стремлении вятчан к просвещению. Каждый гость был на вес золота, музеи вели учет посещений и внимательно читали оставленные в специальных книгах комментарии экскурсантов, заведующие отвечали на критику в прессе.

Анализируя социальный состав экскурсантов, мы отмечаем его разнородность, среди посетителей не только люди разных сословий и уровня достатка, но и гости города и даже страны. Больше всего на экскурсии ходили воспитанники учебных заведений губернского центра и уездных городов, их посещения отмечены во всех музеях. Среди музейных экскурсоводов того времени тоже люди авторитетные и известные: прославленный фотограф и общественный деятель С. А. Лобовиков, селекционер и академик ВАСХНИЛ Н. В. Осткевич-Рудницкий, статистик и агроном С. Н. Косарев.

Список использованной литературы и источников:

1. Вечтомова, Ю. Е. Развитие краеведения в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. и деятельность Вятской ученой архивной комиссии: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2006. — 266 с.
2. Вечтомова, Ю. Е. Провинциальные музеи в конце XIX — начале XX вв. и деятельность Трифоновского церковно-археологического музея в Вятке. / Вестник Вятского государственного университета. Киров, 2006.
3. Вятский вестник. 1905. №238. 12 ноября.
4. Вятская речь. 1908. №168. 25 сентября.
5. Там же. 1911. №130. 19 июня.
6. Там же. 1912. №109. 19 мая.
7. Там же. 1913. №258. 3 декабря.
8. Дворецкая, Т. А. По следам музея: очерки Кировского областного краеведческого музея. Киров, 2011. — 168 с.
9. Касанов, А. С. Влияние общественных организаций на социально-экономическую и культурную жизнь Вятско-Камского региона во второй половине XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2014–225 с.
10. Отчет вятского Трифоновского церковно-археологического музея за 1913–1914 гг. Вятка, 1914. — 9 с.
11. Центральный государственный архив Кировской области. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 11.
12. Там же. Д. 14. Л. 10, 11.

16 Вятский вестник. 1905. №238. 12 ноября. С. 3.

EXCURSIONS IN VYATKA MUSEUMS AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Kasanov Anton Sergeevich,

PhD, Associate Professor, Department of Tourism and Human Resources Management,
Vyatka State University, st. Lenina, 111, Kirov, Russia,
kasanv@rambler.ru

Abstract

The purpose of this article was to study the excursion business in the Vyatka museums of the early 20th century on the basis of information from the periodical press, documents of the archive and literature. As a result of the study, the regional specifics of the excursion business in the Vyatka museums were studied, it was established who and how conducted the excursions, and the number of sightseers was calculated.

Keywords

Excursions, museums, tourism, culture, public organizations.

RAR

УДК 79

ББК 85

DOI 10.34685/NI.2022.38.3.009

ОБРАЗ АЛТАЯ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ РОССИИ (XIX—ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX В.)

Бакулина Наталья Анатольевна,

кандидат культурологии,

доцент кафедры теории и методики начального и дошкольного обучения,

Тюменский государственный университет

ул. Володарского, д. 6, г. Тюмень, Россия, 625003,

n.a.bakulina@utmn.ru

Аннотация

В статье выявлены и систематизированы исторические и искусствоведческие сведения о персоналиях, их художественном творчестве на алтайскую тематику в указанный период; произведена классификация видов творческих работ, что позволит наиболее полно представить степень раскрытия алтайской темы в изобразительном искусстве.

Ключевые слова

Алтай, художественное творчество, алтайская тема, пейзажи Алтая, этнографические зарисовки.

В XIX в. культурно-исторический аспект развития Западной Сибири стал объектом пристального внимания со стороны передовой российской общественности. Отсюда весьма симптоматичен интерес к Алтаю, куда неоднократно снаряжались научные экспедиции. Пейзажные этюды и этнографические зарисовки были своеобразным отчетом о результатах исследования. Мощный пласт алтайской культуры делает эту тему поистине неисчерпаемой и актуальной для разнообразных исследований. Локальные исследования обозначили общий вектор развития искусства региона. Так, коллективом искусствоведов под руководством Т.М. Степанской были выявлены и систематизированы сведения о жизни и творческом пути художников-сибиряков, а также проведен искусствоведческий анализ разнообразных явлений в изобразительном искусстве Алтая. Однако сама алтайская территория (здесь и далее имеется в виду Горный Алтай — Н.Б.) в XIX в. представлялась настолько малоизучен-

ной и почти мистической, что в свое время привлекала внимание не только сибирских художников. Позже художник М. Черемных сказал об этом: «Если Сибирь на 90% не исследована, то она не зарисована на 99,99%... Путь художника в Сибири такой же, как путь ученого и писателя. Это путь исследователя...»¹.

В связи с этим выявление и систематизация сведений в историко-культурном аспекте позволит представить наиболее полно алтайскую тему в изобразительном искусстве России.

Проведенное исследование позволяет классифицировать произведения искусства, посвященные Алтаю, следующим образом:

Этюды, зарисовки, этнографические рисунки, выполненные профессиональными рисовальщиками, прикрепленными к научно-исследовательским экспедициям;

1 Эдоков В. Художник Н.И. Чевалков. Горно-Алтайск, 1970

Работы профессиональных художников, прибывших из других регионов России;

Картины, написанные местными и национальными художниками.

Одними из первых творчески осваивали территорию Алтая ученые рисовальщики из числа профессиональных художников, которые прикреплялись к научным экспедициям для максимально точного, почти документального отображения увиденного, будь то пейзажные виды или этнографические зарисовки «местных инородческих типов» и образцов их материальной культуры. Западносибирский отдел русского географического общества в немалой степени содействовало этому, организовывая подобные экспедиции и публикуя печатные отчеты о них, иллюстрированные литографическими рисунками. В числе первых профессиональных художников, работавших на Алтае, можно назвать Е. Мейера и П. Кошарова.

Сведений об алтайском периоде творчества Евгения Мейера немного, однако известно, что еще в годы ученичества в Академии художеств (сер. XIX в.) он был прикреплен в качестве рисовальщика к экспедиции известного русского путешественника П. Чихачева. Природа Алтая так потрясла художника, что невольно в своих работах он романтизировал ее образ. В своих воспоминаниях он писал: «...мне казалось, я вижу живого Бога, со всею его силою, красотой, и мне стало стыдно, что я, бедный смертный, мечтал передать его образ!...»². За высокий профессиональный уровень исполненных зарисовок и картин Императором Николаем I мастеру было пожаловано 600 рублей серебром, а по результатам экспедиции был издан двухтомник «Путешествие в Восточный Алтай», снабженный его иллюстрациями (Илл.1.).

В значительно большей степени известен творческий путь художника Павла Кошарова. Обучался он в Академии художеств у К. Брюллова и М. Воробьева. Во время творческой поездки в Крым испытал влияние живописи И. Айвазовского. Спустя десять лет он по назначению прибыл в Томск, где в полной мере раскрылся его художественный талант. Основ-

Илл. 1 Мейер Е. Река Катунь. Литография. 1843–45.

ной темой его творчества стали пейзажи Горного Алтая, Восточной Сибири, Томска.

Несколько лет подряд в летний период художник ездил на Алтай, откуда привозил этюды, альбомы с пейзажами, этнографические зарисовки и картины. Две из них были выставлены впоследствии в Академии художеств, а их автор «удостоен похвалы»³. В 1882 г. в зале Томской городской думы состоялась тематическая персональная выставка Кошарова «Виды Алтая». Неоднократно в качестве ученого рисовальщика он был командирован и в научные экспедиции по Алтаю⁴. Его рисунки и живописные работы передают эпичность этой местности, этнографические зарисовки выполнены с предельной детализацией (Илл.2.).

Илл. 2. Кошаров П. Группа алтайцев-телеутов. 1889.

Профессиональный художник Александр Мако, уроженец г. Барнаула, после окончания Томской мужской гимназии успешно завершил курс Мюнхенской Академии художеств. Получив

2 Художник Е. Е. Мейер и Алтай //Электронные ресурсы Алтай

3 Снитко, Л. И. Первые художники Алтая. Л., 1983. С.9

4 Ожередов Ю.И. П.М. Кошаров. Томск, 2001. С.132.

по решению Совета российской Академии художеств звание неклассного художника, А. Мако преподавал рисование в Томской женской гимназии и руководил собственной художественной студией.

На летние пленэрные зарисовки он выезжал на Алтай, где у него имелась собственная зимка⁵. Результаты своего творческого труда он представил на персональной выставке, которая была открыта в Томске в 1887 г. На ней экспонировались работы, выполненные в различных художественных техниках — акварель, масляная живопись, графические листы, рисованные карандашом и углем (Илл.3.).

Если говорить о стилевой направленности, то кроме пейзажей Алтайского и Нарымского края на выставке были представлены жанровые и исторические картины, выполненные в реалистической манере, а также этюды этнографического характера⁶.

Неоднократно к теме Алтая в своем творчестве обращались томские художники, члены Томского общества любителей художеств (далее — ТОЛХ). В большинстве своем выпускники художественных учебных заведений Центральной России, они, вдохновленные красотой края, знакомили публику с результатами пленэрных поездок во время Периодических выставок, организуемых Томским обществом любителей художеств в период рождественских каникул. Их работы отличались новым творческим видением, так как в годы учебы они имели прекрасную возможность знакомства с передовыми тенденциями в изобразительном искусстве.

Так, например, на очередной периодической выставке Лидия Базанова, окончившая Московское училище живописи, ваяния и зодчества, и будучи преподавателем масляной живописи в Рисовальных классах, неоднократно экспонировала живописные виды Алтая и «типы алтайцев», выполненные в экспрессивной, размашистой манере (Илл.4.).

Илл. 3. Мако А. На Алтае (этюд). 1917.

Илл. 4. Базанова Л.П.
Портрет алтайского шамана Мамтыя. 1909.

В 1911 г. она получила приглашение принять участие в международной выставке в Риме с работами алтайского цикла⁷.

Незаурядной личностью был Владимир Вучичевич-Сибирский. Музыкант-любитель, в мотивы своих произведений он привнес поэтику русского романса и народной песни, обогащая палитру приемами пленэрной живописи. Будучи

5 Манилов В.В. Сибирский анималист А.Э. Мако. Томск, 2005. С. 7.

6 Тюрина И.П. Художественные выставки (1860-1919). Томск, 2001. С. 139

7 Казачков А. Главная идея – просветительство // Томский вестник. С.7

страстным путешественником, в своих поездках он писал Урал и Сибирь — от Алтая до Байкала. К сожалению, большая часть творческого наследия В. Вучичевича-Сибирского погибла или пропала во время его трагической гибели. В настоящее время в художественном музее Алтайского края хранятся две работы — «Пейзаж с мельницей» и «Сосны на берегу реки», последняя относится к завершающему периоду творчества художника (Илл.5.)⁸.

Илл.5. Вучичевич-Сибирский В. Сосны на берегу. 1910-е гг.

Творческие поездки на Алтай совершал Семен Прохоров (ученик И.Репина). В первую поездку он выполнил с натуры 38 этюдов; годом позже, работая в с.Уймон (старообрядческое поселение) — 16 живописных этюдов и зарисовки объектов материальной культуры (домовые постройки, национальные костюмы и т.п.)

Художественное наследие Николая Шульпинова (Шульпинова), ученика знаменитого рисовальщика Н. Фешина, активного деятеля Барнаульской секции охраны памятников и старины,

8 Государственный художественный музей Алтайского края. М., 2002. С.19

к сожалению, во многом утрачено⁹. В коллекции художественного музея Алтайского края имеется картина «Горный пейзаж». В этой работе прослеживаются черты постимпрессионизма, которые органично передают архаичное восприятие алтайской природы¹⁰ (Илл.6.).

Илл. 6. Шульпинов Н. Весна в горах. 1910-1920-е гг.

В 1920-е гг. активным участником создания художественно-образовательной сферы в Алтайском крае был Алексей Борисов. Уроженец Нижнего Новгорода, он учился Харьковской школе рисования и живописи, затем в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, занимался в Обществе поощрения художеств. После революции приехал на Алтай, где и остался до конца дней. Занимался преподавательской и творческой деятельностью, руководил художественной студией, выполнял декорационные работы. Его картины, основанные на реалистическом восприятии, впитали в себя элементы живописного новаторства: светлый, яркий колорит, техника письма картин сочетается с монументальностью образов (Илл.7.)¹¹.

В каталогах первых Периодических выставок ТОЛХ значились алтайские этюды художников Михаила Щеглова, Е. Тюменцевой, зарисовки национальных орнаментов А. Ворониной¹².

9 ГТюрина И.П. Николай Семенович Шульпинов. Томск, 2001. С. 36

10 Государственный художественный музей Алтайского края. М., 2002. С.28

11 Дариус Е.И. Художник Алексей Борисов. Барнаул, 2015. С.13-23

12 Хроника художественной жизни Томска. 1909-1919гг Томск, 2000. С. 17,19, 31, 47, 69

Илл. 7. Борисов А. Вид с горы Элекмонар. 1918.

Этюды с видами Алтая и портретные изображения местного населения, графические и живописные зарисовки, сделанные во время путешествий, экспонировали супруги Е. Коровай и М. Курзин¹³. Их работы также выделялись новаторским взглядом на живопись: этюды Коровай соответствовали импрессионистическим принципам, зарисовки и этюды Курзина отличались авангардным подходом (Илл.8.).

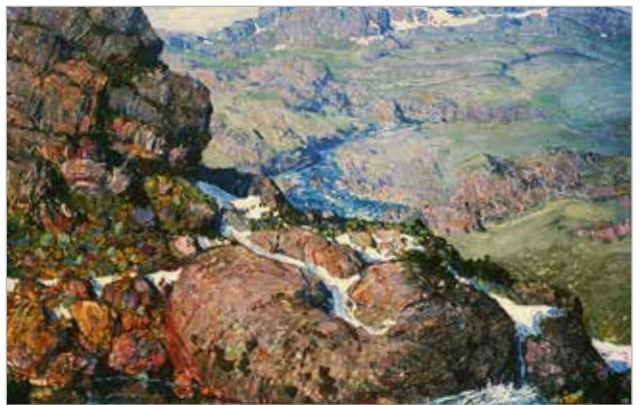
В творческом наследии барнаульского художника А. Никулина значительная часть работ посвящена родным местам. В 1920-е гг. художник переехал из Сибири в Центральную Россию, но связь с родным городом не потерял. Вдохновившись импрессионистическими взглядами на живопись во время учебы в Центральном училище технического рисования барона Штиглица, он одним из первых привнес эту живописную тенденцию на алтайскую землю. Его работы отличает богатство цвета, яркость, даже некоторая декоративность. Пленэрные живописные этюды

Илл. 8. Коровай Е. Мостик в лесу. 1916.

стали основой для создания собирательного образа Алтая. Пример тому — ставшее хрестоматийным полотно «Голубой Алтай» (Илл.9.).

В работах более позднего периода (например, «Алтай. Гроза на озере», «Панорама Алтая») наблюдается некая театральность. Вполне возможно, что это связано с дальнейшей професси-

Илл. 9. Никулин А. Голубой Дунай. 1910.

ональной деятельностью мастера на студии «Советкино» (ныне — «Мосфильм»).

Первым национальным профессиональным художником стал алтаец из рода Чорос — Г. Гур-

13 Снитко Л.И. Первые художники Алтая. Л., 1983. С.27

кин (Чорос-Гуркэ). Его современники отмечали высокий исполнительский уровень работ художника. Ученик, а впоследствии друг И. Шишкина, художник увлеченно разрабатывал два направления: пейзажная живопись и этнография. В этнографических зарисовках Гуркин предстает не как фотограф, но как исследователь культуры алтайцев. Живописно-пластическая система Гуркина никогда не искажала главную особенность природы Алтая — это предельная ясность и четкость планов (Илл.10.).

Собственное мировоззрение, основанное на древних сказаниях, мифах и легендах алтайского народа, художник иллюстрировал пейзажными картинами. Они стали способом передачи

Илл.10. Гуркин Г. Озеро горных духов. 1910.

архетипичности родной природы. Подобно импрессионистам, Г. Гуркин обращался к одному и тому же мотиву, исполняя его в разных погодных состояниях. Так известно около десяти вариантов картины «Озеро горных духов». Однако, в отличие от технических живописных задач передачи особенностей световоздушной среды, он ставил перед собой цель — создать мощный по энергетике, разносторонний, реалистичный образ Алтая¹⁴.

Совершенно иные образы Алтая предстают в творчестве другого национального художника

Н. Чевалкова. Рисованием он увлекся еще в подростковом возрасте, однако свой путь в профессиональном искусстве начал довольно поздно (будущий художник поступил в Барнаульскую художественную школу, когда ему было более 20 лет). Естественно, ощутил влияние известных художников. «Я начал рисование с реализма. В 1915 г. подражал Гуркину, а /в/ 1918 г. Шупинову, но то и другое подражание не удовлетворяли. В 1919 г. я снова попал под влияние Гуркина, а потом Макарова; в 1920 г. все подражания отбросил в сторону и круто повернул к примитивизму — к своему»¹⁵. В то время, как Гуркин стремился максимально реалистично запечатлеть виды родного края, Чевалков создавал яркие футуристические образы. Творческие разногласия проиллюстрированы словами самого Гуркина: «Формалистическое искусство отводит от реальной действительности, превращая объективный мир человека в мотив для фактурных и прочих живописных упражнений»¹⁶ (Илл.11.).

Илл. 11. Чевалков Н.
Ожидание переправы на Телецком озере. 1926.

Николай Рерих рассматривал Алтай как средоточие культурно-энергетических потоков, место зарождения современных азиатских и европейских наций. Во время своего знаменитого путешествия «Алтай — Гималаи» сделал

14 Государственный художественный музей Алтайского края. М., 2002. С.21,22

15 Цит. по: Муратов П.Д. Диалог с Николаем Ивановичем Чевалковым

16 Национальный музей республики Алтай

множество этюдов с натуры, дошли до настоящего времени только триерих для подтверждения своей гипотезы об истоках евроазиатской культуры организовал Трансгималайскую экспедицию (Алтай-Гималаи). Содержательно экспедиция была очень разносторонней: археология, геология, флора, фауна, духовная и материальная культура народов, населяющих территорию. Помимо этого, алтайский период экспедиции оказался плодотворным не только в научном, но и в художественном плане. В настоящее время атрибутировано 48 работ алтайского цикла¹⁷. Это — «Белуха. Алтай» (1926), «Белуха» (1926). Вместе с тем наиболее известные картины были написаны по впечатлениям от пребывания на Алтае. Некоторые, как, например, «Ойрот — вестник белого Бурхана», были задуманы до путешествия, некоторые имеют несколько вариантов («Чудь подземная», 1913; «Чудь подземная (Чудь под землю ушла), 1928–30 е гг.), большое число работ написано уже после путешествия (Илл.12.)¹⁸.

Илл. 12. Рерих Н. Чудь подземная (Чудь под землю ушла). 1928-30.

Объединяет эти произведения монументальность живописи, архаичность и вневременность образов.

Помимо произведений, выполненных профессиональными художниками. К теме Алтая обращались и художники-любители. Так, на первой Западно-Сибирской выставке 1911 г. «особый интерес у публики вызвал тюремный отдел

выставки и его экспонаты. От Алтая в нем были представлены художественные работы (без подписи) "Вид Алтая" и "Виды Алтая"»¹⁹.

В 20-е гг. XX в. активно обсуждался вопрос о возможности формирования в изобразительном искусстве Сибири особого «сибирского стиля». Однако применить этот термин сочли не совсем корректным, так как произведения объединяются только по принципу общности сюжета. Вместе с тем, необходимо отметить, что столь разнообразные в техническом, композиционном и стилевом плане произведения позволяют зрителю сформировать цельный и мощный образ Алтая.

Список использованной литературы

1. Государственный художественный музей Алтайского края. М., 2002.
2. Дариус Е.И. Художник Алексей Борисов. Жизнь во имя искусства: монография / Науч. ред. М.Ю. Шишкин, Н.С. Царева. Барнаул, 2015.
3. Жерносенко И.А. Алтайский цикл в наследии Н.К. Рериха: Художественная культура Сибири и Алтая. История и современность : Сб. мат-лов науч. конф. и сем. 1998-2000. Барнаул, 2001.
4. Казачков А. Главная идея – просветительство // Томский вестник. 23 марта 1996.
5. Курныкина Г.И. Г.Е. Катанаев и участие Алтайского округа в первой западно-сибирской выставке (1911 г.) // Актуальные вопросы истории Сибири: Третьи научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Материалы Всероссийской конференции, 5-6 октября 2001 г. Барнаул, 2002.
6. Муратов П.Д. Изобразительное искусство Томска. Новосибирск, 1974.
7. Муратов П.Д. Диалог с Николаем Ивановичем Чевалковым // Режим доступа: http://www.pdmurатов.org/nautschnye_raboty.html
8. Ожередов Ю.И. П.М. Кошаров. К хронологии жизни и творчества // Поиски и находки томских искусствоведов: Мат-лы науч.-практ. конф. Томск, 2001.
9. Редкий совместный кадр двух художников-антагонистов – Гуркина и Чевалкова / Национальный музей республики Алтай // Режим доступа: <http://www.musey-anohina.ru>

17 Жерносенко И.А. Алтайский цикл в наследии Н.К. Рериха. Барнаул, 2001. С.51

18 Сибирское рериховское общество

19 Курныкина Г.И. Г.Е. Катанаев и участие Алтайского округа в первой западно-сибирской выставке (1911 г.) . С.218

10. Сибирское рериховское общество // Режим доступа: <https://sibro.ru/news/52837>
11. Снитко Л.И. Первые художники Алтай. Л., 1983.
12. Тюрина И.П. Николай Семенович Шулпинов. Незаконченная биография: Поиски и находки томских искусствоведов: Мат-лы науч.-практ. конф. Томск, 2001.
13. Тюрина И.П. Художественные выставки (1860-1919). Материалы к энциклопедии Томской области. // Мат-лы науч.-практ. конф. Томск, 2001.
14. Хроника художественной жизни Томска. 1909-1919гг.: К 90-летию Томского общества любителей художеств (По материалам газеты «Сибирская жизнь»). Томск, 2000.
15. Художник Е. Е. Мейер и Алтай // Электронные ресурсы Алтай/ <http://era.altlib.ru/1021>
16. Эдоков В. Художник Н.И. Чевалков // Ученые записки. Вып.9. Горно-Алтайск, 1970.

THE IMAGE OF ALTAI IN THE VISUAL ARTS OF RUSSIA (XIX— FIRST THIRD OF XX CENTURY)

Bakulina Natalya Anatol'evna,

Ph.D, Department of theory and methods of primary and preschool education
University of Tyumen 6, Volodarskogo Str., 625003, Tyumen, Russia,
n.a.bakulina@utmn.ru

Abstract

The article reveals and systematizes historical and art critical information about personalities, their artistic creativity on the Altai theme in the certain period; the author created the classification of the types of creative works, which allows to represent the most complete degree of the disclosure of the Altai theme in the visual arts.

Keywords

Altai, artistic creativity, Altai theme, landscapes of Altai, ethnographic sketches.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МИРА

RAR

Удк 7

ББК 85

DOI 10.34685/HL.2022.38.3.010

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ КИАЙСКОЙ ОПЕРЫ НА МАТЕРИАЛЕ ОПЕРЫ «КРАСНЫЕ МАКИ»*

Гонг Юнхонг

доцент музыкального института,
руководитель магистров,
Чунцинский педагогический университет,
Чунцин, Китай, 401331,
1550121913@qq.com

Аннотация

Рассматриваются различные приемы в создании традиционной народной музыки, сочетая восточный шарм и западные технологии создания музыкальных композиций. Мелодии и ритмы с ярко выраженными национальными особенностями проходят через всю оперу «Красные маки», делая её музыку уникальной и полной жизненной силы, ярким представителем китайской национальной оперы новой эры.

Ключевые слова

Национальная опера, «Красные Маки», «Красная охрана озера Хунху», «Сестра Цзян», «Красный коралл», дополнительные слова, подпевки.

В последнее время опера «Красные маки» является фаворитом проекта по наследию и развитию китайской национальной оперы Министерства культуры и туризма Китая. В 2021 году опера «Красные маки» была удостоена награды Цао Юй за лучший сценарий, высшей награды

в области китайской драмы и литературы, получила шестую национальную премию за лучший спектакль среди национальных меньшинств и приз за лучший сценарий.

«Китайская национальная опера зародилась благодаря заимствованию западной музыкаль-

* Данная статья является одним из результатов проекта гуманитарных и социальных исследований Чунцинской комиссии по образованию «Исследование охраны и наследия традиционной музыкальной культуры в Чунцине» (номер проекта: 18 SKGH 030)

ной традиции»¹. В 1920-х и 1930-х годах, с проникновением европейской оперы в китайскую культуру, возникновение китайской национальной оперы стало неизбежным. Однако с первых дней своего существования китайская национальная опера включала в себя различные элементы китайской национальной музыкальной, драматической традиции.

Например, в опере «Сумерки в Монголии», показанной на севере Шаньси в 1941 году (композитор Лю Чи, сценарист Ван Яфань), успешно использовались мелодии монгольских народных песен, отражающих жизнь монгольского народа. Она была горячо встречена публикой. Появление в 1945 году оперы «Беловолосая девушка» стало важной вехой в истории китайской оперы, продемонстрировав тот факт, что китайская опера нашла свой собственный уникальный путь развития и сформировала свой особый эстетический характер.

В 1950-х и 1960-х годах появился ряд выдающихся национальных опер, таких как «Красная охрана озера Хунху», «Сестра Цзян» и «Красный коралл», которые достигли большого успеха, заложив прочную основу для развития китайской национальной оперы.

Национальная опера этого периода вобрала в себя множество элементов традиционной китайской оперы. На раннем этапе развития китайского оперного искусства преобладал национальный стиль, который оказал глубокое влияние на последующее китайское оперное искусство.

По мере углубления культурных обменов, уделялось большое внимание изучению и внедрению западных оперных приемов, что не только обогащало национальную оперу, но и усиливало музыкальность оперного искусства. Например, «Скорбь по ушедшей» Ши Гуаннаня, «Рикша» Го Вэньцзиня и «Пустыня» Цзинь Сяня продемонстрировали более совершенные творческие приемы и способствовали развитию современной национальной оперы.

Однако в последние годы в китайской опере прослеживается тенденция к сознательному преуменьшению национальных элементов и отказу от создававшихся десятилетиями традиций

национальной оперы. В некоторых современных операх полностью игнорируется китайский язык и письменность, китайский колорит и эстетические предпочтения китайцев.

Опера «Красные маки», с одной стороны, унаследовала ценный опыт традиционной китайской оперы таких произведений, как «Беловолосая девушка», «Сестры Цзян», «Красная охрана озера Хунху». С другой стороны, впитала опыт заимствования западных приемов таких произведений, как «Скорбь по ушедшей», «Рикша» и «Пустыня». При этом огромную роль в опере «Красные маки» играет дух национальной музыки, которая является основой китайской национальной оперы. Можно сказать, что «Красные маки» — это шедевр современной китайской национальной оперы и еще одна знаковая выдающаяся работа в области китайской оперы.

В опере «Красные маки» от начала и до конца используются элементы национальной музыки. Например, вступительная «Увертюра» богато украшена различными элементами тибетской культуры. Сначала мы слышим величественный и глубокий звук культового инструмента тибетского буддизма дунгчен (также известного как храмовая туба), за этим следует симфоническая мягкая и протяжная музыка в типичном тибетском стиле Шан Ю.

Благодаря звучанию в опере таких инструментов как дунгчен, зурна, силньен и другие, выражаются национальные и региональные особенности и подчеркивается простота и загадочность тибетской культуры. Занавес еще не открылся, а музыка уже ведет вас за собой в таинственную область Кам 70 лет назад. Кроме того, опера «Красные маки» «полностью раскрывает художественную ценность музыкальных элементов региональных опер и применяет их к конкретным национальным оперным произведениям»².

За последние десятилетия было создано огромное количество оперных произведений, в большинстве из них представлены особенности национальных мелодий, а в некоторых наблюдается непосредственное заимствование элементов национальных мелодий. Например, в опере

1 Ли Шуюя Хроника западной истории Харбина [М] Харбин: Harbin Press, 2000. 60-61.

2 Сян Цзюжуй, Исследование применения элементов местной оперной музыки в национальной опере, Сычуаньская опера, 2020 г.

ловолосая девушка» Сиер поет «Дует северный ветер». Элементы этой песни заимствованы из народной песни провинции Хэбэй «Маленькая капуста». Ян Байлао поет «Десять миль ветра и снега», здесь есть заимствования из народной песни провинции Шаньси «Выбирая Майгэн». Во вступлении к опере «Имэншань» за основу взята народная песня «Гора Чанню», а мелодии народной песни «Мотивы Имэншань» используются во всем произведении. В опере «Сестра Цзян» напрямую заимствована сычуаньская народная песня «Песня бурлаков на реке Чуаньцзян». В опере «Красные маки» в основном используются китай-

ские национальные шеститоновые и семитоновые лады, основанные на пентатонике, среди которых особенно выделяется тибетский лад Шанью. Будь то увертюра, арии, вокальный ансамбль, хоровое пение, или что-то еще, все они отражают национальный стиль.

Например, в первом акте «Песня о любви», партия припева — изменённая первая ступень звукоряда (Илл. 1.), а основная песня переведена в чистый тон цзюэ (уст., муз. лад чистого цзюэ (с 274 г. н. э., соответствует натуральному минору, интервалы: 1 — ½ — 1-1 — ½ — 1-1)) (Илл. 2.).

Илл. 1. «Песня о любви»

Илл. 2. «Песня о любви»

Ария Чжуомы «Пыль», была переведена из строя Линьчжун в строй Юй; ария «Вопрос» второго молодого господина была в строе Линьчжуншан (кит. муз. Линьчжун назв. «четвёртой женской» ступени китайского хроматического звукоряда, примерно соответствует «ля» в европейской номенклатуре). Использование этих мелодий создает аутентичную тибетскую атмосферу. Однако, в опере «Красные маки» напрямую не заимствованы какие-либо готовые народные песни или музыка, а она представляет собой продукт осмысления различных национальных строев и мелодий. Вся музыка аутентична и оригинальна, что усиливает музыкальную составляющую оперы.

Характерный ритм очень важен в оперной музыке, он формирует образ и создает атмос-

феру. Например, в опере «Беловолосая девушка» пение Сьера всегда содержит характерный ритм, в то время как пение Ян Байлао в основном имеет другие особенности. В арии «Бог убивает не мигая» Ян Байлао мелодия заимствована из оперного ритма дуобан, чтобы выразить его настроение пожертвовать жизнью. В арии «Я хочу жить» используется нестабильный ритм, чтобы показать чрезвычайно взволнованное настроение героини.

Опера «Красные маки» в полной мере использует стили конкретных национальных меньшинств для создания уникального характерного ритма, который, по сравнению с предшествующей оперной музыкой, придает музыке всей пьесы ощущение свежести.

В увертюре, сопровождаемой печальным и возмущенным пением рабов, характерный для Тибета этнический инструмент (барабан Реба) отбивает характерный этнический

ритм (Илл. 3.). Другой пример, во втором акте в арии Чжоу Ма «Пыль» (Илл. 4.), на заднем фоне присутствует ритм, подобный ритму увертюры.

Илл. 3. «Увертюра».

Илл. 4. «Пыль».

Эти регулярные и случайные ритмы, которые содержатся в ариях, хоровом пении, припевах, увертюрах и интермедиях, не только отражают особенности ритма региона Кхамс Па, но и умело объединяют весь стиль музыки в опере.

У всех этнических региональных групп есть свои уникальные музыкальные инструменты и уникальные тембры, которые, благодаря исполнительской технике, полны очарования.

В оркестре оперы «Красные маки» сочетаются звуки таких национальных инструментов, как дунгчен, зурна, силньен, эрху, шофар, гонги, тарелки, барабаны, трещотки и другие. Например, в тот момент, когда второй молодой господин в отчаянии четыре раза вопрошает: «Где я

и кто я?», звучит только древний инструмент сюнь, издающий пустой и таинственный звук, сопровождающий одинокую душу второго молодого господина. В другом эпизоде трагичность ситуации подчеркивается заунывным звучанием эрху. Тембр и аромат этих традиционных китайских музыкальных инструментов чрезвычайно точно подчеркивают пение и сюжет и глубоко проникают в сердце. В этот момент художественная концепция оперы достигает кульминации, а главная тема оперы постепенно раскрывается.

В национальных операх часто используются национальные музыкальные инструменты. Например, в опере «Красная охрана озера Хунху» Хан Ин поет «Материнские слезы, как вода» сво-

ей матери в тюрьме, используя звук инструмента пипа, похожий на слезы, капающие в ее сердце. А в сцене празднования дня рождения Пэн Ба-тиана, благодаря национальному инструменту суона, создается торжественная и праздничная атмосфера.

По сравнению с операми «Красная охрана озера Хунху» и «Сестра Цзян», в опере «Красные маки» используется более широкий спектр национальных инструментов; чем шире диапазон инструментов, тем интереснее и привлекательнее опера. Более того, использование национальных музыкальных инструментов в «Красные маки» явно отличается от использования национальных музыкальных инструментов в традиционных операх, что подчеркивает особенности оперной музыки.

Дополнительные слова широко используются в китайских народных песнях, они живые, юмористические, с сильным местным колоритом, ритмичные и лирические.

В оперу нередко заимствуются слова из народных песен для усиления выразительности языка. Например, в опере «Скорбь о прошлом» много раз используется дополнительное слово «а» в арии Цзыцзюня, что усиливает лиричность оперы. Так же в революционной национальной опере на тибетские темы «Берег реки Цзиньша», в первом предложении первого акта есть дополнительное слово «я ла суо», которое подчеркивает национальный колорит тибетцев.

В опере «Красные маки» используется больше дополнительных слов, чем в опере «Дочь партии», «Берег реки Цзиньша» и «Скорбь о прошлом».

Возможно, это потому, что действия оперы разворачиваются в Тибетском регионе Кхамс Па. С начала и до конца оперы, будь то ария, дуэт, или хоровое пение, большое количество дополнительных слов региона Кхамс Па, таких как «эй» и «я ла суо» используются в опере.

Дополнительные слова делятся на два типа: которые вставляются в начале песни и которые вставляются в середине. Например, заглавная песня «Любвный разговор» начинается с «эй» и «я ла ли суо», что добавляет национальный колорит, лирическое очарование. В первом акте трио Сун Чжа, Суоланг Зеланг и Сяо Эрий поют «Цветок любви», начиная с дополнительного слова «Эй» (Илл. 5.), которое усиливает присутствие вкуса жизни. К песне «Аромат в небесах» хора второго молодого хозяина и его партнеров (рабов), празднующих сбор урожая, добавляется «я ла суо» (Илл. 6.), что подчеркивает радость от сбора урожая. Эти служебные слова, не имеющие фактического значения, были искусно встроены в качестве дополнительных слов, чтобы усилить значимость отрывка. С точки зрения эмоционального выражения они более уместны и богаты по смыслу, чем слова несущие ясное значение.

The image shows a musical score for three vocal parts. The top staff is for 曲扎 (Qū Zhā), the middle for 小尔依 (Xiǎo Ěr Yī), and the bottom for 索朗泽郎 (Suǒ Lǎng Zé Láng). The music is in G major (one sharp) and 2/4 time. A box with the number '7' is in the top left corner. The lyrics '哎' and '嘿!' are written below the notes. The score includes a key signature change from one sharp to two sharps (F#) in the middle section.

Илл. 5. «Цветок любви».

Ганцян (подпевки) берет свое начало в иянской мелодии (исполнялась соло под аккомпанемент гонга и барабана). Во времена династий Мин и Цин мелодия Иян распространялась вверх по течению реки Янцзы и дошла до княжества Ба

(сейчас Сычуань), позднее став самой отличительной мелодией Сычуаньской оперы. Музыка оперы «Сестра Цзян» во многом заимствована из методов художественного выражения Сычуаньской оперы Ганцян.

64

奴隶合唱
饥寒交迫, 依然 做牛做马.

热巴鼓

Илл. 6. «Аромат в небесах».

Пение сестры Жуцзян, когда она увидела голову Лао Пэна, висящую на городской стене, раскрывает сложный внутренний мир персонажей и обогащает выразительность оперной музыки. Опера «Красные маки» унаследовала технику экспрессии оперы «Сестра Цзян», используя Сычуаньской женский хоровой вокал Ганцзян, чтобы

усилить атмосферу эпизода и подчеркнуть настроение персонажей пьесы.

Например, в четвертом акте, весь музыкальный коллектив хранит молчание и только горничные поют «а ма лэн цзи сон ла, суо я ла ли суо» (Илл. 7.), и это придает эпизоду ощущение глубокой печали.

Andante (♩ = 66)

二少爷
阿爸阿妈! 我知道我 很

众侍女
啊 玛 楞吉 松啦 啊 玛 楞吉 松啦

Илл. 7. «Я глухой».

В эпизоде, когда бабушка умирает под наркозом опиумного мака, Макки взрывается смехом и поет «Смерть жизни». Инструментального сопровождения этой сцены нет, только служанки рыдают и поют в унисон печальную

мелодию: «Бедная хозяйка, почему ты покончила с собой?» (Илл. 8.). Задний вокал гораздо более точно, чем то, что поют сами актеры, подчеркивает их психологическое состояние и атмосферу.

24

众侍女
可怜的女主人啊,

麦其土司
生而平等! 这才像我 麦其家的 女主

Илл. 8. «Смерть».

Ян Чи, постоянный вице-президент Китайской ассоциации театра и литературы и драматург, подчеркнул, что «Опера — это опера, и национальная опера должна сочетать в себе китайские национальные элементы, а не изменять структурную форму мировой оперы»³.

Хотя опера «Красные маки» обладает сильным национальным очарованием, но она является еще одним классический образцом нового типа национальной оперы на ряду с такими произведениями как «Беловолосая девушка», «Красная охрана озера Хунху», «Сестра Цзян». Она унаследовала особый национальный вкус вышеупомянутых произведений, а в отношении стиля, опера продолжила стратегию грамотного использования западных оперных приемов в создании национальных опер, которая развивается последние 30 лет и была применена в таких операх, как «Рикша», «Скорбь по ушедшей», «Дикая земля» и другие.

«Когда китайские композиторы создают оперу, они либо выбирают европейскую оперную парадигму, либо в основном следуют традиционному китайскому оперному мышлению»⁴. Автор оперы «Красные маки», очевидно, выбрал первое. Эта оперная музыка рассматривается в музыкальном мире как еще один пример глубокой интеграции восточного очарования и западных композиционных технологий.

В ранних оперных произведениях обычно использовалось народное пение, а позднее стало использоваться бельканто. Например, в операх «Дикая земля» в 1980-х и 1990-х годах, «Сельская учительница» в 2009 году, «Рикша» в 2014 году и «Йюю Люмин» в 2017 году в основном использовали Бельканто. В опере «Баллада о канале» 2012 года главные герои мужского и женского пола использовали метод народного пения, а партии остальных персонажей в основном исполнялись в стиле бельканто. Но оперы, исполняемые в стиле бельканто, неизбежно вызывали у людей слишком сильное ощущение иностран-

ного колорита и ощущение недостаточного проявления внимания к родной стране.

В опере «Красные маки» пение второго молодого господина, которого играет Ван Хунвэй, полностью основано на национальном пении, а другие персонажи (включая второго молодого господина в группе В) в основном используют китаизированный бельканто. Китайский стиль и национальный вкус в оперном искусстве полноценный и изысканный. Демонстрация бельканто с китайскими особенностями говорит о том, что национальная опера достигла глубокой интеграции с западными методами пения с точки зрения выразительности пения. В этом смысле в опере «Красные маки» была представлена новая модель китайского народного оперного пения.

Гармонизация — это главный изобразительный прием в европейском музыкальном творчестве. В китайской традиционной музыке тоже присутствуют рассеянные гармоника, но в творчестве больше внимания уделяется линии мелодии и смене ритма. В ранних национальных операх, таких как «Беловолосая девушка» и «Сестра Цзян», почти не было представлено строгих ансамблевых и хоровых партий (которые были в опере «Красная охрана озера Хунху»). Позднее, в опере «Скорбь по ушедшей», стали появляться более шаблонные дуэты и другие музыкальные партии.

Вокальные партии в опере «Именшань» и «Рикша» все еще относительно простые, основная часть представлена ариями и дуэтами. А в опере «Красные маки» начинает активно использоваться ансамблевое и хоровое пение. В опере «Красные маки» присутствует смешанный хор, мужской хор, женский хор и другие типы многоголосья. В состав ансамбля входят два молодых господина и Чжоу Ма; в состав трио входят вождь Маки, его жена и старший господин; Трио серебряных дел мастера, Суо Ланг Зеланг и Сяо Эрий; Квинтет вождя Майки, его жены, молодого мастера, второго мастера и Чжоу Ма; Секстет мстителей; Октет мстителей (шесть мужчин и одна женщина) и вождя Макки и остальные партии. Эти многоголосья имеют четкую последовательность и красивую мелодию. Например, в третьем акте молодой господин выстрелил во второго молодого господина, вызвав гнев людей. В это время смешанный хор «Осуждения» поражает своей

3 Ян Чи, Соблюдение законов об опере и включение национальных элементов — О взаимосвязи между созданием и восприятием оперы, признанием оперы и критикой, China Art News, 2020.5.25.6-е издание.

4 Ян Чи, Соблюдение законов об опере и включение национальных элементов — О взаимосвязи между созданием и восприятием оперы, признанием оперы и критикой, China Art News, 2020.5.25.6-е издание.

гармонией и импульсивностью (Илл. 9.). Многочисленные ансамблевые и хоровые партии в сочетании с сольным и дуэтным пением обогащают форму сценического исполнения, дополняют музыкальную структуру и развивают сюжет компактно и последовательно. Это ан-

самблевые и хоровые партии, написанные с использованием техник западной гармонии, учитывают национальную мелодию и ритм. Они не только источают эмоциональное очарование человеческих голосов, но и полны силы, пронизаны этническим колоритом.

Илл. 8. «Смерть».

В ранних национальных операх в основном опирались на пение героев, чтобы выразить драматические конфликты. Функция оркестра в основном ограничивалась аккомпанементом, помогающим отразить сюжет. Оркестр всегда играл второстепенную роль. В этом же причина того, что в опере в какой-то мере отсутствовало нужное напряжение.

В новых оперных произведениях, таких как «Рикша» и «Йо-Йо Лу Мин» оркестровая партия значительно продвинулась. Оркестр теперь не является просто аккомпанементом, а как важная составляющая оперы он развивается вместе с сюжетом оперы. Опера «Красные маки» вывела на новый уровень оркестровую музыку в национальной опере. Композитор расширил звучание оркестра, сделал его более объемным. Оркестр и голосовые партии дополняют друг друга, оркестр напрямую вмешивается в драматический конфликт и, таким образом, выстраивается целостная картина произведения.

За исключением некоторых оркестровых групп, звучание оркестра проходит через всю оперу, подчеркивая целостность и драматизм музыкального языка. Инструментальная форма

увертюры имеет ярко выраженный национальный колорит и симфонию. В музыке продолжительностью более нескольких минут симфонический оркестр раскрывает предысторию всего сюжета за секунды, предвещая развитие драматических событий, обострение конфликтов и весь процесс их разрешения, а также раскрывая тему драмы в целом, чтобы зрители могли через увертюру почувствовать драматическое напряжение всего произведения.

По сравнению с увертюрой в ранних национальных оперных произведениях, увертюра к «Красные маки» более симфонична, а предсказание противоречий, конфликтов и драматической напряженности также явно выходит за рамки предыдущих национальных оперных произведений. Автор считает, что в целом музыкальная составляющая оперы «Красные маки» более зрелая по сравнению с другими национальными оперными произведениями, а музыка оперы глубже и полнее.

Начиная с оперы «Беловолосая девушка», китайская национальная опера выделяет содержание, как отправную точку художественного творчества с точки зрения концепций и ме-

тодов. После десятилетий неустанной работы, методы создания национальной оперы становятся все более зрелыми. В опере «Красные маки» максимально используются элементы национальной музыки и строго соблюдаются западные техники и изобразительные приемы. Внимание уделяется не только судьбе страны и нации, но и страданиям простых людей, пытаясь максимально приблизиться к простому народу; не только освещается главная тема времени, но и в полной мере учитываются вкусы публики.

В условиях глобализации китайская национальная опера должна не только унаследовать превосходную традиционную музыкальную традицию Китая, но и использовать опыт иностранной музыкальной культуры.

Креативные идеи и методы, использованные в опере «Красные маки», послужили образцом для новаторского развития национальной оперы. Сейчас оперу «Красные маки» можно назвать классикой китайской национальной оперы.

Список использованной литературы

1. Ли Шусяо Хроника западной истории Харбина [М] Харбин: Harbin Press, 2000. 60-61.
2. Сян Цзюжуй, Исследование применения элементов местной оперной музыки в национальной опере, Сычуаньская опера, 2020 г.
3. Ян Чи, Соблюдение законов об опере и включение национальных элементов — О взаимосвязи между созданием и восприятием оперы, признанием оперы и критикой, China Art News, 2020.5.25.6-е издание.

THE EMBODIMENT OF THE CREATIVE CHARACTERISTICS OF CHINESE NATIONAL OPERA IN THE NEW PERIOD IN RED POPPIES

Yonghong Gong,

Associate Professor of Music Institute,

Master's Tutor,

Conservatory of Music, Chongqing Normal University,

Chongqing, China, 401331,

1550121913@qq.com

Abstract

Since its first performance given in 2018, Chinese folk music opera Red Poppies has won many awards and drawn much attention. It applies many means of the production of traditional folk music works to the process of the creation itself and deeply integrates the eastern charm with the western composing skills, which practices the idea of nationalization of opera. Besides, as a typical representative of Chinese national opera in the new period, the tune with strong regional characteristics and a coherent rhythm make the play unique and lively.

Keywords

National opera, heritage, "Red Poppies", "Red Guard of Honghu Lake", "Sister Jiang", "Red Coral", additional words, backup songs.

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

RAR

УДК 008

ББК 71

DOI 10.34685/ИИ.2022.38.3.011

ЛИЧНОСТЬ Н. С. РОМАНОВА И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Саяпарова Екатерина Владимировна,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры политологии, истории и регионоведения,
исторический факультет Иркутский государственный университет

ул. Карла Маркса, 1, г. Иркутск, 664003,

ignis_klio@mail.ru

Аннотация

В накоплении знаний, значимым фактором являются скромные, талантливые одиночек. Подобный вид деятельности не может конкурировать с работой научных, исследовательских учреждений, однако, ему присущи характеристики, позволяющие проводить скрупулезное изучение исследуемых материалов. В формирование источниковой базы по изучению истории и культуры г. Иркутска огромный вклад был внесен Нитом Степановичем Романовым — краеведом-подвижником, кропотливый и доскональный труд которого по сбору и накоплению редчайшего материала, привел к сохранению уникальных памятников и свидетельств эпохи.

Ключевые слова

Книжная культура, историко-культурное наследие, историческая память, биография исследователя, краеведение, библиография.

Нит Степанович Романов входит в число лучших сибирских букинистов-коллекционеров, собирателей редких печатных изданий. История жизни Нита Степановича Романова — это биография одного из представителей сибирской провинциальной интеллигенции конца XIX — первой половины XX веков, чья судьба протекала на стыке двух исторических эпох.

На основе сохраненных им книг по сибиреведению, а также ряда редких старопечатных книг и других материалов, в Научной библиотеке ИГУ действует специализированный отдел редких книг — коллекция лучших книжных образцов интеллектуального мирового культурного наследия, собранного на территории Иркутской области. Созданный им свод фактического материала

в виде летописи города, широко используется исследователями при написании научно-аналитических и познавательных исторических работ.

Основными источниками для изучения биографии Н. С. Романова являются документы, хранящиеся в Государственном архиве Иркутской области (далее — ГАИО), где создан личный архивный фонд Нита Степановича Романова, содержащий большое количество разнообразных документов: мемуарные записки, автобиографические воспоминания¹, путевые заметки и записи², а также личные дневники³. Во всех этих документах можно найти сведения о его семье, детстве, юности, служебной деятельности. Также к биографическим источникам относится личное дело Н.С. Романова⁴, созданное известным сибирским ученым и историком Ф.А. Кудрявцевым, в процессе работы над разбором личного архива Н.С. Романова в 1943 году. В личном архивном деле хранятся следующие биографические документы: свидетельство о рождении, призывные документы, заявления, автобиографии, анкеты, личный листок по учету кадров, удостоверения служебной и общественной деятельности и т. д. Личное дело состоит из подлинников, заверенных и незаверенных копий документов, сделанных рукой Н.С. Романова. Большое количество материалов находится в редком фонде Научной библиотеке им. В.Г. Распутина Иркутского государственного университета.

Нит Степанович Романов родился 27 сентября 1871 года в Балаганске, в семье мелкого чиновника, служившего в полицейской управе. Отец Нита Степановича хотел видеть сына военным и в 1883 году отдал его учиться в Иркутскую военную прогимназию, где в период с 1884–1888 гг. Н. С. Романов получил свое единственное образование. После окончания прогимназии, имея право поступать в юнкерское училище, отказался от карьеры военного, ко-

торая его не привлекала, поскольку противоречила морально-нравственному мировоззрению. По словам самого Нита Степановича, он мечтал продолжить семейную династию священнослужителей и стать архиереем⁵.

После выпуска он уехал в Усть-Уду, где началась его трудовая деятельность: он служил писцом в канцелярии Балаганского волостного правления, с июля 1890 года, затем в канцелярии пристава 3-ей полицейской части, в уголовном столе Иркутского губернского суда, конторщиком в гостинице «Деко», в окружном полицейском участке. В начале 1899 года он перешел на службу в Иркутскую городскую управу помощником делопроизводителя 1-го хозяйственного отделения. С 1906 года Нит Степанович стал заведовать библиотекой городской управы, а через два года, в 1908 году возглавил Иркутскую городскую публичную библиотеку.

В 1913 году Нит Степанович был командирован Иркутской городской управой на библиотечные курсы при народном университете им. Шанявского в Москве. Часть из тех восемнадцати лет, что он прослужил в библиотеке, пришлось, по его выражению, на период «исторически тяжелых моментов борьбы за власть» — на время революционных потрясений, гражданской войны и смены общественно-политического строя в стране.

Проводимая в стране культурно-просветительская революция носила идеологический характер, советской власти были неудобны беспартийные специалисты «из бывших людей», обладающие богатым опытом работы. Губернское руководство неоднократно обвиняло Н. С. Романова в том, что он был плохим администратором. В 1924 году резко обострились отношения Нита Степановича с руководством Губполитпросвета и Губоно. Большой частью это было связано с протестом Н. С. Романова против переезда библиотеки из старого здания в дом № 45 на Баснинской улице. Руководство не желало принимать его доводов в пользу нецелесообразности переезда и по приказу Иркутского губернского отдела народного образования Н. С. Романов с 1 октября 1925 года был отстранен от должности заведующего и переведен на должность заведующего на-

1 ГАИО, Ф. 480 (Личный архивный фонд Нита Степановича Романова), дд. 76, 77, 79, 80, 233

2 ГАИО, Ф. 480 (Личный архивный фонд Нита Степановича Романова), дд. 234, 235, 238

3 ГАИО, Ф. 480 (Личный архивный фонд Нита Степановича Романова), дд. 236, 237, 239, 240, 241, 242, 243

4 ГАИО, Ф. 480 (Личный архивный фонд Нита Степановича Романова), дд. 305

5 ГАИО, Ф. 480 (Личный архивный фонд Нита Степановича Романова), д. 80, л. 12

учно-академическим отделом Иркутской губернской центральной библиотеки⁶.

После увольнения по обвинению в принадлежности к «старой идеологии», Н.С. Романов переживает глубокий душевный кризис, после чего, принимает непростое для себя решение переехать в Никольск-Уссурийский, где жила семья его сестры, который состоялся 12 февраля 1926 года. Личная библиотека Нита Степановича на тот момент составляла 7000 единиц и представляла собой, главным образом, собрание редких книг и сибирских изданий второй половины XIX — начала XX вв. Часть книг была продана Научной библиотеке Иркутского университета, отделу Географического общества, Верхнеудинскому педагогическому техникуму и краеведу П.К. Казаринову. Себе Нит Степанович оставил лишь, те книги, которые собирался использовать для давно запланированной работы по истории Иркутска, эти издания были сданы им на хранение библиотеке университета.

По приезде к родственникам он был устроен на работу делопроизводителем ФЗУ, однако все время проживания в Приморском крае Нит Степанович постоянно стремится вернуться в Иркутск, к любимому делу, к книгам. Находясь практически в состоянии депрессии и нервного срыва, Н. С. Романов 10 мая 1926 года возвращается в Иркутск. Не найдя работы Нит Степанович вынужден был обратиться на биржу труда, получить место ему удалось только осенью, 18 октября он занял должность в Научной библиотеке университета. Начинать пришлось с обслуживания посетителей на абонементе, затем появилась возможность перейти на место делопроизводителя, но уже 15 марта 1927 года Нит Степанович был зачислен в штат — помощником библиотекаря 13 разряда. В его должностные обязанности входило комплектование библиотеки, пополнение ее книгами. Это направление библиотечной работы продолжало оставаться для Н.С. Романова наиболее интересным и любимым. В 1933 году Ниту Степановичу предложили перейти на работу в архивное бюро, которая предоставляла уникальную возможность для исследователя, по сбору материала, и написанию интересных работ по истории родного края. Од-

нако от шанса сменить работу, он отказался: «... может быть мне и жить-то осталось недолго, а я хочу изменить книге», — писал он⁷.

В библиотеке он проработал до самой своей смерти, наступившей 13 августа 1942 году. До конца жизни Н.С. Романов проводил большую культурно-просветительскую работу по распространению и популяризации исторических знаний среди населения. По собственной инициативе организовывал большие выставки книг, фотографий, рисунков, рукописей и редких книг из личного собрания, выступал с докладами, лекциями о прошлом края, города.

Нит Степанович Романов практически всю свою жизнь фиксировал случавшиеся в его жизни события. Первым опытом по ведению автобиографических записей стало изложение всего происходящего в его семье в период с марта 1888 по апрель 1891 гг. Первая попытка вести личный дневник, согласно воспоминаниям, была предпринята им в 1890 году. Первый вариант дневника сохранился лишь фрагментарно. Регулярное ведение дневника начинается с 1892 года, однако, ранние дневниковые записи не сохранились.

В 1902 году Н.С. Романов продолжил написание отдельных мемуарных записок. В частности, в составе личного фонда, хранящегося в ГАИО, имеются путевые заметки, озаглавленные им «Моя поездка в Забайкалье в 1902 году к папе». Они написаны во время поездки Нита Степановича во время поездки к отцу в Верхнеудинск (совр. г. Улан-Удэ) и отражают его впечатления о городах: Верхнеудинск, Кяхта, Чита.

В 1915 году Нит Степанович возвращается к написанию заметок о событиях, происходивших в его жизни. В частности, к этому времени относятся его воспоминания «Военная прогимназия в Иркутске (быт, нравы, обычаи воспитанников), 1883–188 гг. Воспоминания ее питомца». В первоначальном варианте они не сохранились, остались только черновые наброски этой работы⁸.

По имеющимся документальным архивным источникам, можно проследить отношение Нита Степановича к революционным событиям. В своих политических высказываниях, за редким ис-

6 ГАИО, Ф. 480 (Личный архивный фонд Нита Степановича Романова), д. 237, лл. 107 – 107 об.

7 ГАИО, Ф. 480 (Личный архивный фонд Нита Степановича Романова), д. 241, л. 65

8 ГАИО, Ф. 480 (Личный архивный фонд Нита Степановича Романова), д. 80

ключением, он осторожен и крайне сдержан. Его открытая политическая и нравственная оценка революционных событий, вероятно, содержалась в несохранившихся или уничтоженных дневниковых записях за 1890–1918 гг. Как гражданин Нит Степанович не приветствовал буржуазно-демократическую революцию, называл ее «февральским государственным переворотом» и видел в ней лишь разрушительную силу, несущую хаос.

При описании декабрьских боев в Иркутске в 1917 году наиболее ярко прослеживается негативное отношение Н. С. Романова к революционным событиям. В уцелевших воспоминаниях «Из дневника Иркутянина» он дает происходящим событиям скорее морально-нравственную нежели политическую подоплеку. О событиях, происходивших в городе с 8 по 17 декабря, он записал свои личные впечатления от увиденного, а также передал рассказы, услышанные от других людей. Он повествует о происходящем с позиции обычного горожанина, пишет о мародерстве, об ущербе, нанесенном жилым домам горожан, зданиям церкви и публичной библиотеке от артиллерийских обстрелов и пожаров, подробно описывает внешний облик города после боевых действий. В эти дни более всего его волнует судьба публичной библиотеки.

В период с 1923 по 1925 годы Нит Степанович продолжает составлять биографические воспоминания, предположительно в это время им были написаны автобиографические воспоминания «Преступный мир Иркутска (Из воспоминаний старожила)». Первоначальный вариант работы не сохранился, за исключением отдельных листов⁹.

С 3 сентября 1927 года по сентябрь 1933 года Нит Степанович написал «Воспоминания иркутянина 1871–1933 гг.», продолжая одновременно фиксировать все текущие события своей жизни в дневнике. В отдельные главы «Воспоминаний...» вошли автобиографические записки по истории рода Романовых за 1888–1891 гг.¹⁰, путевые заметки о поездке к отцу в Забайкалье

в 1902 году¹¹, воспоминания о посещении цесаревичем Николаем Александровичем 23 июня 1891 г. Иркутска¹² и воспоминания о декабрьских боях 1917 года в Иркутске¹³. Полная авторская рукопись воспоминаний находится на хранении в отделе редкой книги Научной библиотеки ИГУ, куда была передана лично Нитом Степановичем.

В числе прочего письменного наследия, Нит Степанович Романов оставил для исследователей интересный и редкий документальный источник по истории Иркутска — личные дневники, содержащие информацию об экономическом развитии, культурном облике Иркутска и изменениях, произошедших в бытовом укладе жизни горожан в 20–30 гг. XX века. В дневниках Н.С. Романов уделяет большое внимание описанию судьбы исторических и культурных памятников, а также о развитии библиотечного дела.

По свидетельству Нита Степановича, во время работы в Иркутской публичной библиотеке он не вел дневников из-за недостатка свободного времени. Однако, это не совсем верно: в 1911 и в 1917 годах он предпринимал две попытки начать ведение дневников о библиотечной жизни, короткие записки за эти годы можно найти в его дневниках. С ноября 1918 года, работая в Иркутской городской публичной библиотеке, Н. С. Романов снова начал вести дневник. Сведения о работе в публичной библиотеке содержатся в трех делах с дневниками за период с 26 ноября 1918 года по 10 января 1926 года.

В ГАИО в составе личного фонда Н. С. Романова хранятся семь тетрадей с его личными дневниками, которые объединены одним общим названием «Дневник библиотекаря». В первых четырех дневниках Нит Степанович вел записи нерегулярно, эпизодически. В течение длительного времени: с 1920 по 1923 годы не писал в дневник, за исключением нескольких записей. Датировка его записей за 1926 года также имеет много пробелов. В 1928 и 1929 годах записи не велись в течение полугодового периода. С мая 1931 года дневниковые записи Нита Степанови-

9 ГАИО, Ф. 480 (Личный архивный фонд Нита Степановича Романова), д. 79, лл. 1 – 12 об.

10 ГАИО, Ф. 480 (Личный архивный фонд Нита Степановича Романова), д. 233

11 ГАИО, Ф. 480 (Личный архивный фонд Нита Степановича Романова), д. 234

12 ГАИО, Ф. 480 (Личный архивный фонд Нита Степановича Романова), д. 76

13 ГАИО, Ф. 480 (Личный архивный фонд Нита Степановича Романова), д. 77

ча приобретают более регулярный характер, однако в фонде дневники представлены не в полном объеме. Согласно воспоминаниям самого Романова, он вел дневники до 18 июня 1942 года, однако в архивном фонде отсутствуют тетради за период 1937–1942 годы, и судьба их неизвестна. Об их существовании известно из авторского перечня работ «Млечный путь».

В частности, в тетради дневника под номером один Н.С. Романов описал жизнь города Иркутска, с 5 марта 1920 года по 10 января 1926 года. Показал жизнь и работу сотрудников Иркутской публичной библиотеки в тяжелых условиях окончательного установления Советской власти, девальвации денежных знаков, страшного голода, холода, разрухи, неоднократного сокращения штатов.

Нит Степанович имел давние планы написать историю города Иркутска. С этой целью с 1911 года он целенаправленно стал собирать документы по истории города, изучать литературу, следить за выходом новых печатных изданий по интересующей его теме. В 1920–1921 гг. он приступил к написанию работы, составил план, программу, определил название и ее хронологические рамки. Свою работу Нит Степанович планировал написать в виде очерка под названием «Иркутск. Историко-бытовые сведения за XVII — XIX ст.». Написание исторической работы об Иркутске очеркового формата его побудило знакомство в юности с очерком ссыльного Н. Н. Бахметьева «Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири». В 1938 году он писал: «Если бы я имел силы, умственные и надлежащие способности, я составил бы историю Иркутска, но мне это не под силу... Теперь у меня одно желание, чтобы не пропали мои труды, мои выписки, а потому, все, кто с ними ознакомится, должны смотреть на них, как на сырой, необработанный материал. К тому же, нуждающийся в пополнении».

В личном фонде Н.С. Романова в Государственном архивном фонде Иркутской области (далее — ГАИО) хранятся документальные материалы по написанию незаконченного очерка: варианты планов, предисловие, варианты рукописи второй главы, наброски, заметки, выписки из архивных документов и печатных источников находятся в первом разделе описи. Стоит отметить, что материалы, собранные Н.С. Романовым сохранились не в полном объеме.

Значительная часть собранных Нитом Степановичем материалов легла в основу его «Летописи города Иркутска», представляющей собой фундаментальную краеведческую обзорную работу. Первая часть этого монументального труда была опубликована в 1914 году в «Трудах Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества» под названием «Иркутская летопись, 1857–1880 гг: (Продолжение «Летописи» П.И. Пежемского и В.А. Кротова)» под редакцией И.И. Серебренникова. Один экземпляр прижизненного издания хранится в личном фонде Н.С. Романова. К 1915 году была подготовлена рукопись второго тома «Летописи города Иркутска за 1881–1901 гг.». Как и предыдущая часть, она была написана на основе данных периодической печати. К изданию принята не была, в связи с неудачной реализацией первого тома, однако Н.С. Романов продолжил работу над исторической хронологией города и довел ее до 1924 года. Промежуточная часть летописи за период с 1918 по 1924 гг. занимает 207 листов и хранится в составе личного фонда Н.С. Романова в ОГКУ ГАИО. При написании работы Н.С. Романов переработал огромный пласт информации. Им было изучено большое количество газет разнообразных политических направлений. Среди них: «Новая Сибирь», «Сибирь», «Момент», «Иркутские дни», «Иркутские вести», «Известия Иркутского отдела Московского народного банка», «Дело», «Друг народа», «Наше дело», «Свободный край», «Русское дело», «Русская Армия», «Власть труда», «Известия ВРК», «Правда», «Восточное обозрение». Главная заслуга в опубликовании этой, заключительной части принадлежит Н.С. Куликаускене, подготовившую ее к печати в 1994 году.

Авторству Н.С. Романов принадлежит множество статей, часть из которых публиковалась им под псевдонимами «Иркутянин», «Н.Н.Р.», «Н. Мокеев». Им написаны около 100 работ, среди которых необходимо выделить подготовленные указатели: «Периодическая печать города Иркутска 1856–1932», «Периодическая печать Сибири 1789–1924». Для Сибирской советской энциклопедии им было подготовлено 11 статей, заметок и библиографий известных сибирских деятелей. Для журнала «Сибирский архив», выходявшего с 1911 по 1914 гг, Н. С. Романов написал 21 краеведческую статью, среди тем, освещенных в этих публикациях: восста-

ние ссыльных поляков на строительстве Круго-байкальской железной дороги, пожар 1879 года в Иркутске и его последствиях, культурно-просветительская жизнь города, история городской публичной библиотеки, памятники истории и культуры.

Большинство краеведческих работ Н.С. Романова написано с привлечением в качестве исторических источников местной периодической печати. При изложении исторических фактов и событий он использовал свои личные впечатления, рассказы родственников и знакомых.

Судя по названиям неопубликованных краеведческих работ, их содержание по тематике схоже с опубликованными историческими трудами.

Среди рукописных работ по краеведению в архивном фонде Н.С. Романова имеются только две: «История часовни на углу Большой и Ивановской улиц в городе Иркутске и «От начальной школы до университета в городе Иркутске 1725–1918 гг.» .

Первая рукопись, вероятно, была написана в 1910 году для журнала «Сибирский архив», так как она имеет вставку, написанную А. И. Линьковым. В статье освещена история сооружения в Иркутске часовни во имя Христа Спасителя в память спасения жизни российского императора Александра II во время покушения на него 4 апреля 1866 года в Санкт-Петербурге. Н.С. Романов на основе сведений местной периодической печати показал реакцию иркутского городского общества на это событие. Используя протоколы заседаний комитета по устройству в Иркутске часовни во имя Спасителя, опубликованные в «Иркутских епархиальных ведомостях», автор подробно описал деятельность комитета, дал сведения о выборе места для строительства и подношении иконы Св. Иннокентия от имени иркутян О.И. Комиссарову, спасшему жизнь Александру II. В Иркутске часовня была освящена 30 августа 1870 года. В статье Н.С. Романов писал, что здание часовни обошел пожар 1879 года, но оно не сохранилось как памятник архитектуры в советское время. Нит Степанович был свидетелем разрушения часовни в февралемарте 1930 года, о чем сделал отметку на титульном листе рукописи.

«Отсутствие Кафедрального собора и Благовещенской церкви делают вид города каким-то плоским», — заключает он 18 мая 1933 года [1, д. 241, л. 79]. Храмы Иркутска гибли по-разному:

одни подрывались и уничтожались сразу, другие — медленно, передаваясь в распоряжении организаций и предприятий. По мнению местной советской власти, церкви — символы старой идеологии, обезображивали город «...наличием колоколен и крестов на них и своим полуразрушенным видом». Поэтому постановлением горисполкома от 16 июня 1938 года руководителям организаций, размещавшихся в церковных зданиях, предписывалось: «...в месячный срок снять колокольные надстройки, кресты, произвести закраску сохранившихся икон».

Особенно подробно Нит Степанович пишет о разрушении Тихвинской (Воскресенской) церкви, поскольку до революции он был ее прихожанином. Постановление Президиума Восточно-Сибирского крайисполкома о сносе и ликвидации Тихвинско-Вознесенской церкви в Иркутске было утверждено Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов 2 марта 1933 г. Исходя из описи церковного имущества, сделанного в 1930 году, внутреннее убранство церкви было весьма богатым, и включало помимо прочего 71 икону. К 1932 году здание церкви сильно обветшало и постепенно разрушалось, крыша протекала, церковь плохо отапливалась. Технической комиссией здание церкви было признано негодным и опасным для дальнейшей эксплуатации. Однако, главной причиной сноса церкви стало не ее плохое техническое состояние, а ее выгодное месторасположение. На месте молитвенного здания планировалось возвести памятник В. И. Ленину.

Пишет Нит Степанович об узаконенном государством вандализме на Иерусалимском кладбище, порождающем человеческое невежество: «...пошел в библиотеку через кладбище. Памятников осталось мало, только кое-где стоят еще не убранными, мраморные. Местами сложены в сохранности набитые камни из памятников — это для бута, в фундамент. На польском кладбище памятников еще много. В нескольких местах молодежь распивает пиво. Наше фамильное кладбище разорено, ни одного камешка, я узнал могилу мамы по кусту. Иерусалимская церковь приспособлена под студенческое общежитие. Купол и колокольня сняты. Кирпич от разборки не убран, им завалена и дорога на кладбище и все кругом церкви».

Рассуждая о будущем родного города Нит Степанович предполагал, что его ждут тяжелые

испытания, 11 мая 1934 года он писал: «...видел проект плана Иркутска, к 1942 году он должен разрастись до Малой Разводной, включать массу заводов, фабрик, и населения 600 000. Я посмотрел, и невольно рассмеялся, все это кажется сказочным, за 7–8 лет возвести такой город как по мановению волшебника и вселить такую массу людей. Смелый план — по-большевистски! Хотя и не все, но кое-что сделано, конечно, будет: все находится в зависимости от обстоятельств и условий. Не будет войны, будет одно, будет война, будет другое» .

Главной целью жизни Н. С. Романова было бескорыстное служение народу и его просвещение. «Я очень уважаю людей, борющихся за лучшее будущее и умиравших за свои идеи», — писал Нит Степанович в дневнике от 28.01.1932. Однако главный принцип построения пролетарской культуры — отказа от культурного наследия прошлого, оставался ему чужд.

В настоящее время личный архивный фонд Н. С. Романова хранится в ГАИО) и, частично, в редком фонде Научной библиотеки Иркутского государственного университета и включает в себя огромный массив документов, значительная часть из которого нигде не опубликована.

Недоступность архивных материалов для широкого круга исследователей создает определенные затруднения в области изучения истории родного края. Возможным решением проблемы можно рассматривать публикацию сборников, включающих в себя массив как опубликованных, так и ранее нигде не публиковавшихся работ Н.С. Романова.

Возможным путем решения проблемы доступности редких фондов, является полная их цифровизация, однако, подобный вариант развития событий зависит от целостности архивных материалов. Подобный шаг стал бы наиболее оптимальным и отвечающим последним трендам развития информационного общества. Особенно, актуальным это представляется в связи с неполной сохранностью ряда источников, которые из-за плохого состояния продолжают оставаться недоступными даже для очень узкого круга исследователей.

Сотрудниками архива проведена работа по расшифровке дневниковых записей и изданию «Дневников библиотекаря». Учитывая трудночитаемый почерк Н. С. Романова, неоднородность записей, ведшихся как карандашом, так

и чернилами, значительного количества сокращений это очень трудоемкий процесс. Дневники опубликованы в книжном формате и доступны для изучения в читальном зале архива.

Научная библиотека Иркутского государственного университета регулярно проводит научную конференцию «Романовские чтения», приуроченную к юбилейным датам со дня рождения летописца, неизменно привлекающую большое количество участников и представляющую интерес для самого широкого круга людей. В рамках конференций широко освещаются вопросы книжной и библиотечной культуры города и региона, рассматриваются вопросы сохранения историко-культурного наследия.

Память о Ните Степановиче Романове увековечена в местных топонимах, в Ленинском районе города Иркутска расположена улица летописца Нита Романова.

Таким образом, можно сделать вывод о значении вклада Нита Степановича Романова в изучение и накопление исторических, краеведческих, библиографических и других видов знаний. Материалы, составляющие наследие Н.С. Романова имеют огромную ценность, сделать их доступными для широкого круга пользователей, ввести в массовый оборот ряд материалов, рукописей, издать их хотя бы в ограниченном тираже — одна из приоритетных задач, осуществление которой возможно при объединении усилий не только сотрудников, отвечающих за сохранность фондов, но также ученых и представителей заинтересованной общественности.

Список использованной литературы и источников

1. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 480 (Личный архивный фонд Нита Степановича Романова) Оп. 1. Д. 2, Д. Д. 18, Д. 66, Д. 66, Д. 69, Д. 76, Д. 77, Д. 79, Д. 80, Д. 233, Д. 234, Д. 236, Д. 237, Д. 239, Д. 240, Д. 241, Д. 242, Д. 243, Д. 305
2. ГАИО. Ф. 504. «Иркутский городской совет Народных депутатов» г. Иркутск Иркутской области 25.01.1926–01. 11. 1993 гг. Оп. 5. Д. 370.
3. Ф. НБ ИГУ (Фонд Научной библиотеки Иркутского государственного университета им. В. Г. Распутина).
4. Романов Н. С. Воспоминания иркутянина 1871–1933 / Романов Н. С. — Иркутск, [1933]. — 1057 с. // Ф. НБ. ИГУ. Рукопись № 299.

5. Бер, Н.С. Нит Степанович Романов: (библиографический очерк). Иркутск. 1946. 14 с.
6. Куликаускене, Н.В. Жизнь, отданная книге // Библиофил Сибири. Иркутск, 1988. Вып. 1. С. 96–100.
7. Летописец Иркутска / сост. Н.В. Куликаускене. Иркутск : [б. и.], 1985. 15 с.
8. Обзор личного архивного фонда Нита Степановича Романова : сборник / авторы предисловия и составители : Н.С. Войтович, О.Г. Семенова. Иркутск , 2012. 269 с.
9. Романов, Н.С. Воспоминания. Иркутск, 1988. С. 96–160.
10. Романов, Н.С. Иркутская летопись, 1857–1880 : Продолжение «Летописи» П. И. Пежемского и В.А. Кротова. Иркутск, 1914. 410 с.,
11. Романов, Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск 1993. 542 с.
12. Романов, Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. 560 с.
13. Романов, Н.С. Периодическая печать г. Иркутска. Список изданий периодической печати г. Иркутска с 1857 года // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. С. 591–620.
14. Куликаускене, Н.В. Подвижник Сибирской культуры // Первые Романовские чтения : материалы научной конференции, Иркутск, 8–10 октября 1996 г. Иркутск, 1997. С. 12.
15. Пешкова, В. К. Н. С. Романов — библиограф // Первые Романовские чтения : матер. научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Н.С. Романова, Иркутск, 9–10 октября 1996 г. Иркутск, 1997. С. 18–23.
16. Боннер, А.Г. Библиофил Нит Степанович Романов: к 100-летию со дня рождения // Сибирь, Иркутск. 1971. № 4. С. 120–123.
17. Крючкова Т. А., Лыхин Ю. П. Я до последних дней внушал любовь к Отечеству...// Тальцы, 2003. № 2 (18). С. 37–40.

PERSONALITY OF N. S. ROMANOV AND HIS CONTRIBUTION TO THE STUDY OF REGIONAL CULTURE

Sajaparova Ekaterina Vladimirovna,

PhD, Associate Professor of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University,
Karl Marx Street, 1, Irkutsk, 664003,
SPIN-kod: 4847-4451,
ignis_klio@mail.ru

Abstract

In the accumulation of knowledge, humble, talented singles are a significant factor. This type of activity cannot compete with the work of scientific, research institutions, however, it has characteristics that allow a scrupulous study of the materials under study. A huge contribution to the formation of the source base for the study of the history and culture of Irkutsk was made by Nit Stepanovich Romanov, an ascetic local historian, whose painstaking and thorough work to collect and accumulate the rarest material led to the preservation of unique monuments and evidence of the era.

Keywords

Book culture, historical and cultural heritage, historical memory, researcher's biography, local history, bibliography.

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/ИИ.2022.38.3.012

ПАЛОМНИЧЕСКИЕ ПОЕЗДКИ И ЭКСКУРСИИ УЧАЩИХСЯ ЦЕРКОВНЫХ ШКОЛ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Красницкая Татьяна Александровна,
кандидат исторических наук,
доцент, заведующий кафедрой истории, географии и экологии,
Шуйский филиал Федерального государственного бюджетного образователь-
ного учреждения высшего профессионального образования «Ивановский
государственный университет» (Шуйский филиал ИвГУ),
ул. Кооперативная, д.24, г. Шуя, 155900,
krasniz_t@mail.ru

Аннотация

В статье на основе широкого круга источников рассматривается паломничества и экскурсии как средства воспитательного процесса в церковных школах России в начале XX века. Анализируются их характер, цель, условия, порядок осуществления, влияния на воспитанников, а также причины слабого распространения в практике церковно-школьного образования.

Ключевые слова

Церковная школа, церковно-приходская школа, церковно-учительская школа, образование, воспитание, паломничества, экскурсии.

В основу функционировавшей в России в конце XIX — начале XX века системы церковно-школьного образования и состоявшей из начальных и учительских церковных школ был положен религиозно-нравственный принцип образования и воспитания. Первостепенным признавалось распространение и укрепление в народе православной веры и христианской нравственности. По мнению современников это отличало церковную школу от светской.

Анализ большого массива материалов, в том числе малоизученного и хорошо сохранившегося в центральных и региональных архивах, показывает, что в церковных школах использовался широкий спектр воспитательных средств: чтение молитв, посещение храма Божия по воскресным и праздничным дням с возможностью участия

в церковной службе, организация церковного хора, проведение для учащихся и взрослого населения народных чтений и праздников. Вместе с тем, воспитательную функцию имели паломничества и экскурсии, которые не были массовым явлением в жизни дореволюционной церковной школы (церковно-приходских, второклассных, церковно-учительских), но заслуживают детального изучения.

Церковно-школьное управление в силу огромного культурно-просветительского и воспитательного потенциала считало важным организовывать экскурсии и паломничества с участием учащихся. Но даже с развитием школьной системы эта практика не получила широкого распространения на местах. Исключением были ежегодные путешествия воспитанников некоторых

церковных учительских школ, являвшиеся своего рода традицией учебного заведения, например, Славянской второклассной школы Харьковской епархии, Богословской церковно-учительской школы Тульской епархии.

Главной причиной слабого распространения паломничества и экскурсий являлось отсутствие средств. На организацию мероприятий подобного рода необходимо было найти местные ресурсы. Чаще всего финансовые расходы возлагались на родителей учащихся, чьи возможности в этом вопросе в большинстве случаев были невелики. Некоторые из них считали эти траты высокими. Организаторам школьной паломнической поездки в Киев в 1910 г. пришлось в процессе подготовки услышать от родителей: «На що 2 р. за дитину стильки богато, — хай бы полтинник, а то два карбованця. Школа, не дамо, батюшка и вчитель зативають казна що. На віщо ця трата грошей»¹.

Свою лепту в сборе средств вносили и сами учащиеся. В частности, Ревякинские школьники из Тульской епархии в 1902 г. смогли собрать необходимую сумму для поездки в Москву и Троице-Сергиеву лавру, собирая ягоды и грибы, работая поденно в садах и огородах². Нередко помощь оказывал попечитель учебного заведения, выделяя не только денежные суммы, но и обеспечивая транспортом (например, телеги) и продуктами (чай, сахар, хлеб). В особых случаях выделялись казенные средства. В массиве материала о жизнедеятельности церковных школ удалось обнаружить пример выделения Синодальным обер-прокурором пособия в размере 500 р. (как процент с капитала, пожертвованного бароном Гиршем в пользу церковно-приходских школ) Богословской церковно-учительской школе Тульской епархии в 1909 году, когда праздновалось 25-летие со дня возрождения Александром III церковно-приходской школы³. В Воронежской епархии в 1914 г. Училищный Совет для оказания поддержки паломникам из числа де-

тей организовал в г. Воронеже особую комиссию в составе 5 человек, выделив в ее распоряжение 100 рублей⁴.

Вместе с тем, церковно-школьное управление, понимая «неблагоприятные условия материального свойства» рекомендовало совершать паломничества и экскурсии в близлежащие места к месточтимым святыням. Для учащихся, например, церковных школ Владимирской епархии таковые имелись практически в каждом уезде: в Александровском — Лукианова пустынь (особо чтимая икона Рождества Пресвятой Богородицы), во Владимирском — храмы г. Владимира и Боголюбов монастырь, в Шуйском — г. Шуя, где можно было поклониться чудотворной иконе Шуйской Смоленской Богоматери, в Вязниковском — городской собор г. Вязники (Казанская икона Богоматери) и Благовещенский монастырь (Животворящий крест), в Муромском — г. Муром с его святынями и т. д.

Определенную сложность составляла организационная сторона дела. Все вопросы в этом случае возлагались на заведующих и учителей школ, которые должны были определить маршрут и места путешествия, способ его совершения, организацию питания и пребывания. В последнем случае вопрос решался на епархиально-уездном уровне и порой не сразу. Путешествие учащихся Высокской и Колесниковской церковно-приходских школ Полтавской епархии потребовало сначала обращения в Прилукское Уездное Отделение для получения купона на льготный проезд по железной дороге, отправки телеграммы в Михайловский монастырь г. Киева и письменного прошения в Киево-Печерскую лавру с просьбой предоставить паломникам место ночлега и пищу. Но неожиданно возникшие проблемы с железнодорожным транспортом заставили организаторов перенести путешествие на более поздний срок⁵.

Юные паломники, как правило, останавливались и получали необходимое (ночлег, бесплатное или удешевленное питание) там, куда отправлялись. Теплый прием оказывали

1 Паломничество учащихся Высокской и Колесниковской церковно-приходских школ в г. Киев // Полтавские епархиальные ведомости. 1910. № 20. С. 1324.
2 Свящ. Щеглов М. Поездка Ревякинских школьников в Москву Лавру // Тульские епархиальные ведомости. 1902. № 19. С. 604.
3 Руднев М. Богословская женская церковно-учительская школа, Каширского уезда, Тульской губернии. Петроград, 1915. С. 95.

4 Отчет о состоянии церковно-приходских школ Воронежской епархии за 1913-1914 уч. год // Воронежские епархиальные ведомости. 1915. № 34. С. 59-60.
5 Паломничество учащихся Высокской и Колесниковской церковно-приходских школ в г. Киев // Полтавские епархиальные ведомости. 1910. № 20. С. 1324-1325.

монастыри. Порой путники могли рассчитывать на щедрую помощь со стороны. В ходе поездки учащихся из Ревякинской школы Тульской епархии в Москву большую помощь оказал житель столицы Н.И. Астров, любезно предоставивший для путешествующих свой просторный флигель, а также горячее питание (щи, каша), считавшееся «идеалом крестьянской зажиточности»⁶. В большинстве случаев в пути экскурсанты перекусывали тем, что взяли из дома.

В целях расширения практики паломничества и экскурсий власти прилагали усилия к тому, чтобы решить вопрос о проезде учащихся на транспорте. Для школьников, путешествующих по железнодорожной дороге, с 1902 г. начали действовать льготные тарифы (для учащихся начальных школ проезд на 50 верст бесплатный, а от 51 до 300 верст по сниженной цене — 1/4 билета, для воспитанников учительских школ — на все расстояния за плату детского билета 3 класса), снижавшие стоимость проезда⁷. Принятые правила, безусловно, облегчали организацию школьных паломничеств, но не снимали противоречий, главным образом, в положении учащихся начальных и учительских учебных заведений при путешествии железнодорожным транспортом. Первые были ограничены в передвижении по экскурсионному тарифу (не более 300 верст), что вынуждало их вновь брать билеты⁸. С 1904 г. льготным тарифом пользовались и учащиеся второклассных школ⁹. С течением времени порядок изменился и стал для воспитанников церковных школ очередным препят-

ствием. На этот факт указывал Владимирский епархиальный наблюдатель В.Г. Добронравов в своей публикации в местном издании «Владимирские епархиальные ведомости» в 1914 г., отмечая, что за проезд более пятидесяти верст была в два раза увеличена плата, сокращалась скидка (с 75% до 50%)¹⁰.

Ключевым вопросом в организации паломничества и экскурсий для учащихся церковных школ было определение времени их совершения. Необходимо было учитывать не только особенности учебного процесса, но и условия крестьянского труда. Поэтому они, как правило, проходили в каникулярное время, обычно в весенний (после окончания первых полевых работ) и летний периоды. У большинства учащихся появлялась возможность принять участие в просветительских поездках. Но стоит отметить, что иногда желание детей не учитывалось их родителями, которые не давали согласие на экскурсию. В 1915 г. по этой причине 7 воспитанниц Ярополческой второклассной школы Владимирской епархии не смогли принять участие в паломничестве в г. Муром¹¹.

Устраиваемые путешествия для учащихся имели разный характер. Во-первых, воспитанники «в целях возвышения религиозного настроения» совершали паломнические поездки, посещая святые места, поклоняясь св. мощам угодников, чудотворным иконам. Учащиеся Славянской второклассной школы Харьковской епархии традиционно после окончания учебного года отправлялись в Святогорский Успенский монастырь¹². В мае 1903 г. воспитанницы Богословской второклассной школы Каширского уезда Тульской епархии ездили на богомолье в Троице-Сергиеву лавру и поклонились мощам преподобного Сергия¹³, а воспитанники второклассной Чернятин-

6 Свящ. Щеглов М. Поездка Ревякинских школьников в Москву и Лавру // Тульские епархиальные ведомости. 1902. 19. С. 608.

7 Сборник законоположений и распоряжений о церковных школах ведомства православного исповедания. Сост. Д.И. Тихомиров. СПб., 1903. С. 142-143.

8 Определение Святейшаго Синода от 23-26 июня 1910 г. за № 4886, по возбужденному Председателем Совета Министров вопросу организации экскурсий учащихся церковных школ // Церковные ведомости. 1910. № 29. С. 304.

9 О включении второклассных мужских и женских церковных школ в список учебных заведений, на которые распространяется действие льготного тарифа № 43-1902 года на проезд учащихся по всем русским железным дорогам I и II групп // Церковные ведомости. 1904. № 8. С. 79-80.

10 В.Д. Школьные экскурсии и паломничества // Владимирские епархиальные ведомости. 1914. № 22. С. 433. Отдел неофициальный.

11 Паломническая экскурсия учениц, Ярополческой второклассной школы // Владимирские епархиальные ведомости. 1915. № 27-28. С. 569. Отдел неофициальный.

12 Славянская второклассная церковно-приходская школа Харьковской епархии братьев Ивана и Авксентия Шнурковых. Харьков, 1900. С. 65.

13 Руднев М. Богословская женская церковно-учительская школа, Каширского уезда, Тульской губернии. Петроград, 1915. С. 73.

ской школы Подольской епархии — в Киев, посетив Михайловский монастырь, Софийский собор, Киево-Печерскую лавру¹⁴. Весной 1904 г. школьники Сергачского уезда Нижегородской епархии посетили Понетаевский монастырь с чудотворной иконой Знамения Божией Матери, Дивеевскую обитель, приложившись к мощам преподобного Серафима Саровского и посетив места, связанные с подвижнической жизнью чудотворца¹⁵, а учащиеся трех церковных школ Грузинской епархии посетили Шуамтинский монастырь Телавского уезда¹⁶. В 1911 г. по инициативе заведующего Новосотенской второклассной школой Воронежской епархии священника В.В. Козловского состоялось паломничество будущих учителей в центр религиозной жизни края — Дивногорский Успенский монастырь, где были осмотрены достопримечательности монастыря, главным образом, церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи, к которой прилегали пещеры¹⁷. В 1913 г. местом паломничества для учениц Благовещенской второклассной церковной школы Тверской епархии стали два (Иверский и Короцкий) монастыря на Валдае¹⁸. Красота храмов и торжественность богослужения, обстановка производили сильное впечатление на паломников. В крупных монастырях дети знакомились с работой свечного завода, различными мастерскими (иконописной, переплетной).

В ходе путешествий воспитанники имели возможность посетить различные культурно-образовательные учреждения. В 1904 г. учащиеся Сосновской второклассной школы Вятской

епархии в ходе паломничества в Великую Реку посетили Верхосунскую ферму, где познакомились с сельскохозяйственными орудиями труда, осмотрели поля, питомник. В Вятке посетили музей при Реальном училище, а также типографию Шкляевой. В последнем случае познакомились с процессом печатания книг¹⁹.

Паломнические поездки собирали разное количество участников. В некоторых случаях они были довольно массовыми. В 1904 г. в Понетаевской и Дивеевской обителях побывали 110 детей и 20 человек из числа учительского персонала из 20 церковных школ²⁰, а в Бодбийском монастыре Сигнахского уезда Грузинской епархии находилось свыше 500 учащихся церковных школ²¹. Паломнические экскурсии с участием большого количества желающих проходили в Воронежской епархии. В 1913 г. приложиться к мощам св. Митрофана в г. Воронеж отправились из Нижнедевицкого уезда 323 учащиеся из 22 церковных и 3 земских школ, 25 педагогов, 2 священника, 1 диакон и 1 псаломщик, хоры Варваринского женского монастыря и с. Новой Ольшанки, а также 4000 взрослого населения²². На следующий год в майские дни было совершено паломничество в с. Знаменское к местному образу св. Николая Мирликийского, в котором приняли участие уже 310 учащихся 26 школ, хор Варваринского монастыря и местное население до 6000 человек. Школьники стали свидетелями редкого явления — встречи двух крестных ходов у часовни на месте явления чудотворного образа св. Николая в семи верстах от с. Знаменское²³.

- 14 Паломничество учеников и учителей Чернятинской второклассной школы в г. Киев // Подольские епархиальные ведомости. 1903. № 27. С. 913-920. Часть неофициальная.
- 15 Саровский паломник. Паломничество учащихся в церковно-приходских школах Сергачского уезда // Нижегородские епархиальные ведомости. 1904. № 14. С. 370-378. Часть неофициальная.
- 16 Татиев Н.Г. Исторический очерк развития церковно-школьного дела Грузинской епархии за 25 лет (1884-1909). Тифлис, 1913. С. 173.
- 17 Свящ. Смирнов И. Паломническая экскурсия учащихся Новосотенской второклассной школы в Дивногорский Успенский монастырь // Воронежские епархиальные ведомости. 1911. № 29. С. 702-708. Часть неофициальная.
- 18 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 803. Оп.16. Д. 118. Л. 3-5 об.

- 19 Паломничество в Великую Реку учениц Сосновской второклассной школы // Вятские епархиальные ведомости. 1904. № 11. С. 675-676. Отдел неофициальный.
- 20 Саровский паломник. Паломничество учащихся в церковно-приходских школах Сергачского уезда // Нижегородские епархиальные ведомости. 1904. № 14. С. 378. Часть неофициальная.
- 21 Татиев Н.Г. Исторический очерк развития церковно-школьного дела Грузинской епархии за 25 лет (1884-1909). Тифлис, 1913. С. 173.
- 22 Один из паломников. Школьное паломничество // Воронежские епархиальные ведомости. 1913. № 26. С. 768. Неофициальная часть.
- 23 Отчет о состоянии церковно-приходских школ Воронежской епархии за 1913-1914 уч. год // Воронежские епархиальные ведомости. 1915. № 34. С. 54-55. Прибавления.

Все это было возможно благодаря деятельности Нижнедевицкого уездного наблюдателя священника И.К. Попова — вдохновителя и организатора паломничеств на протяжении многих лет. Мероприятия с участием несколько тысяч человек из разных селений имело большое значение в приходской жизни, не только объединяла всех в едином стремлении, но и располагала население к церковной школе, оказывая ей материальную поддержку.

Паломничества совершались по общепринятым правилам. Перед путешествием совершался напутственный молебен. Для жителей отдаленных селений отправка детей являлись знаковым событием, а потому они, провожая, напутствовали «благопожеланиями». В пути паломники останавливались на отдых, совершали пересадки с одного транспорта на другой. В частности, воспитанницы Сосновской второклассной школы Вятской епархии в ходе паломничества в Великую Реку сначала 85 верст шли пешком, затем продолжили путешествие по железной дороге до г. Вятка. В течение четырех дней пребывания в городе посетили пещерную церковь, Трифонов монастырь, Александро-Невский и Кафедральный соборы. Продолжили путь на пароходе до пристани «Медяна», а далее до места назначения шли пешком²⁴.

Распространены были пешие паломничества на разные расстояния. Учащиеся Жванчицкой второклассной школы Подольской епархии в июне 1903 году, используя иногда подводу — телегу, прошли пешком 200 верст от Жванчика до Почаевской лавры, находясь 12 дней в пути, преодолевая все трудности дороги и лишения (скудное питание, состоявшее порой из хлеба с водой, ночлег в сарае) и неблагоприятные природные явления (дождь)²⁵.

Далекое пешее путешествие с пением церковных молитв и беседами на религиозные темы воспринималось юными паломниками как некий подвиг, своего рода проявление уважения к святыни.

По окончании паломничества служили благодарственный молебен. На память о таких путешествиях у воспитанников оставались крестики, книги религиозного характера, которые получали в подарок от монастырей или приобретали на свои скудные средства.

Учащиеся церковных школ участвовали в образовательных экскурсиях. В первую очередь в центре внимания оказывались родные места — окрестности школы. В мае 1904 года учащиеся киевских церковно-приходских школ побывали в имении Троицкого монастыря «Гусеницы», где «наслаждались живописными видами природы»²⁶. По окончании 1913–1914 учебного года 300 воспитанников церковных школ Воронежской епархии совершили прогулку по железной дороге в с. Рамонь Воронежского уезда, где осматривали имение Удельного ведомства, посетили зверинец, гуляли по сосновому лесу. Под открытым небом на поле обедали. Такая поездка позволила учащимся отдохнуть по завершении учебного процесса²⁷.

Нередко, в силу удаленности школы, объектами пристального внимания являлись крупные исторические центры. В мае 1903 г. выпускницы Богословской второклассной школы Каширского уезда Тульской епархии побывали в Москве. В 1904 г. учащиеся этого же учебного заведения совершили поездку в Киев с остановками в Курске и Чернигове. Спустя 5 лет в 1909 г. ее очередные выпускницы побывали в Санкт-Петербурге. Экскурсии продолжились и в последующие годы: в 1911 г. — в Тулу, Санкт-Петербург, в 1914 г. — в Царское Село, Кронштадт, Петергоф и другие окрестности Петрограда. В ходе образовательных экскурсий учащиеся обязательно посещали храмы, участвовали в богослужениях. Каждый раз во время пребывания в северной столице они совершали панихиду на могиле бывшего обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева — ревнителя церковно-приходской школы, которая находилась около алтаря Свято-Владимирской церковно-учительской школы. В доме

24 Паломничество в Великую Реку учениц Сосновской второклассной школы // Вятские епархиальные ведомости. 1904. № 11. С. 675–676. Отдел неофициальный.

25 Вареница И. Путешествие в Почаевскую лавру учеников Жванчицкой второклассной школы // Подольские епархиальные ведомости. 1903. № 28. С. 930–940. Часть неофициальная.

26 Прогулка учеников Киевских церковно-приходских школ // Киевские епархиальные ведомости. 1904. № 22. С. 527. Часть неофициальная.

27 Отчет о состоянии церковно-приходских школ Воронежской епархии за 1913–1914 уч. год // Воронежские епархиальные ведомости. 1915. № 34. С. 61. Прибавления.

синодального обер-прокурора устраивали духовно-патриотические концерты, которые имели «восторженные отзывы петроградских слушателей и ценителей»²⁸. Учащиеся Хреновской церковно-учительской школы Костромской епархии в 1910 г. совершили две экскурсии в столичные города — в Москву и в Санкт-Петербург. В ходе первой не только ознакомились с древними святынями и дворцами, но слушали в синодальном училище концерт капеллы Васильева. В столице воспитанники посетили Исаакиевский, Казанский и Петропавловский соборы, Эрмитаж, музей академии Художеств, зоологический и ботанический сад, церковно-школьную выставку²⁹.

В жизни воспитанников школ ведомства православного исповедания имели место быть просветительские поездки. В 1910–11 учебном году в пасхальные каникулы учащиеся Екатеринославской церковно-учительской школы при архиерейском доме посетили музей имени А.Н. Поля³⁰, в котором под руководством директора профессора Д.И. Эварницкого осмотрели предметы старины. Затем они побывали на Южно-русской сельскохозяйственной выставке в г. Екатеринославле³¹.

Паломничества и экскурсии оставались одним из самых светлых воспоминаний в повседневной однообразной жизни, учащиеся «выносили» из них, «новое духовное наслаждение» и охотно делились впечатлениями с родными³². Церковно-школьное управление считало, что все расходы на подобные поездки окупались огромным образовательным и воспитательным влиянием на уча-

щихся. Знакомясь с памятниками русской истории, достопримечательностями древнейших городов страны, произведениями искусства в Эрмитаже, Третьяковской галерее, предметами старины в Оружейной палате, Историческом музее, приобретали такой запас знаний, который невозможно было получить в процессе обучения в школе, способствуя развитию и укреплению патриотических и эстетических чувств. Многие из детей, вырываясь из привычной обстановки с ее негативными явлениями, впервые открывали для себя другой мир, пространство большого города с его инфраструктурой. Открытие его начиналось с транспорта, в частности, железнодорожного или реке водного, который некоторые видели впервые. Многодневные путешествия, по замечанию самих участников, сближали не только учителей и учащихся, но и воспитанников, устанавливая крепкие дружеские отношения.

Таким образом, паломничества и образовательные экскурсии, являясь неотъемлемой частью воспитательного процесса в церковных школах в России в начале XX века, в силу отсутствия надежной финансовой поддержки не получили широкого распространения в епархиях. Их организация во многом зависела и от желания, сил и упорства в преодолении всех препятствий со стороны педагогического состава. По прошествии времени они уже не воспринимались как новые явления в школьной жизни, а считались обычным мероприятием. Паломничества и экскурсии, строго соответствуя главной идее школы — церковно-религиозной, оказывали благотворное влияние на воспитанников учебных заведений, расширяя их кругозор, позволяя увидеть мир вокруг школы.

Список использованной литературы

- 28 Руднев М. Богословская женская церковно-учительская школа, Каширского уезда, Тульской губернии. Петроград, 1915. С. 73.
- 29 Общее собрание общества вспомоществования нуждающимся ученикам Хреновской церковно-учительской школы // Костромские епархиальные ведомости. 1910. № 11–12. С. 387–388. Отдел неофициальный.
- 30 В настоящее время «Днепропетровский национальный исторический музей им. Д.И. Яворницкого».
- 31 Отчет о состоянии Екатеринославской церковно-учительской школы при архиерейском доме по учебно-воспитательной части за 1910–11 учебный год. Екатеринослав, 1912. С. 4.
- 32 РГИА. Ф. 803. Оп. 16. Д. 118. Л. 5 об.

1. Вареница И. Путешествие в Почаевскую лавру учеников Жванчицкой второклассной школы // Подольские епархиальные ведомости. 1903. № 28. С. 930–940. Часть неофициальная.

2. В.Д. Школьные экскурсии и паломничества // Владимирские епархиальные ведомости. 1914. № 22. С. 432–439. Отдел неофициальный.

3. Один из паломников. Школьное паломничество // Воронежские епархиальные ведомости. 1913. № 26. С. 768–772. Неофициальная часть.

4. Паломническая экскурсия учениц, Ярополческой второклассной школы // Владимирские епархиальные ведомости. 1915. № 27–28. С. 568–573. Отдел неофициальный.

5. Паломничество в Великую Реку учениц Сосновской второклассной школы // Вятские епархиальные ведомости. 1904. № 11. С. 675–676. Отдел неофициальный.

6. Паломничество учеников и учителей Чернятинской второклассной школы в г. Киев // Подольские епархиальные ведомости. 1903. № 27. С. 913–920. Часть неофициальная.

7. Прогулка учеников Киевских церковно-приходских школ // Киевские епархиальные ведомости. 1904. № 22. С. 527. Часть неофициальная.

8. Паломничество учащихся Высокской и Колесниковской церковно-приходских школ в г. Киев // Полтавские епархиальные ведомости. 1910. № 20. С. 1324–1327.

9. Руднев М. Богословская женская церковно-учительская школа, Каширского уезда, Тульской губернии. Петроград, 1915.

10. Саровский паломник. Паломничество учащихся и учащихся в церковно-приходских школах Сергачского уезда // Нижегородские епархиальные ведомости. 1904. № 14. С. 370–378. Часть неофициальная.

11. Свящ. Смирнов И. Паломническая экскурсия учащихся Новосотенской второклассной школы в Дивногорский Успенский монастырь // Воронежские епархиальные ведомости. 1911. № 29. С. 702–708. Часть неофициальная.

12. Свящ. Щеглов М. Поездка Ревякинских школьников в Москву и Лавру // Тульские епархиальные ведомости. 1902. № 19. С. 603–611.

13. Славянская второклассная церковно-приходская школа Харьковской епархии братьев Ивана и Авксентия Шнурковых. Харьков, 1900.

14. Татиев Н.Г. Исторический очерк развития церковно-школьного дела Грузинской епархии за 25 лет (1884–1909). Тифлис, 1913.

PILGRIMAGE TRIPS AND EXCURSIONS OF THE STUDENTS OF CHURCH SCHOOLS IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Krasnitskaya Tatyana Aleksandrovna,

PhD, Associate Professor, Head of the Department of History, Geography and Ecology,
Shuisky branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher
Professional Education «Ivanovo State University», Cooperativnayast., Shuya, 155900,
krasniz_t@mail.ru

Abstract

Pilgrimages and excursions as a means of educational process in church schools in Russia at the beginning of the XX century are examined in the article on a wide range of sources. Their nature, purpose, conditions, order of implementation, influence on pupils, as well as the reasons for their weak spread in the practice of church-school education are analyzed.

Keywords

Church school, parochial school, church teacher's school, education, upbringing, pilgrimages, excursions.

RAR

УДК 7

ББК 79

DOI 10.34685/NI.2022.38.3.013

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО ФЁДОРА СЕРГЕЕВИЧА БУЛГАКОВА

Киракосов Артём Вильевич,

научный сотрудник, хранитель коллекции, художник-реставратор
МБУК МОК отдел «Мемориальный дом-музей С. Н. Дурылина»
ул. Ильича, д.1, г. Королёв, Московская область, 141080,
artemkirakosov58@mail.ru

Аннотация

Рассматривается творчество Фёдора Сергеевича Булгакова, представлена живопись из собрания Мемориального Дома-музея С.Н. Дурылина в Болшево.

Ключевые слова

Ф. С. Булгаков, живопись, пейзаж, С. Булгаков, М. Нестеров, С. Дурылин.

Творчество и уникальная личность Фёдора Сергеевича Булгакова, старшего сына известного русского религиозного философа и богослова Сергея Булгакова составляют одну из примечательных, но малоизвестных страниц отечественной культуры.

В коллекции Дома-музея Дурылина представлены все периоды живописи Ф.С. Булгакова за все шестьдесят лет творчества художника.

Фёдор Сергеевич родился в 1902-ом в красивейшем месте Крыма, Кореизе (*деревня*) на даче Булгаковых-Токмаковых, который впоследствии потом мы увидим на его живописных произведениях; учился в 5-ой московской мужской, но, поскольку в 1918-ом семья покидает Москву, то дальше Фёдор учится в ялтинской гимназии; в 18, в 1920-ом он воюет с «красными» в составе «Добровольческой армии» «белых»; 1921-ый — ранен, попадает в плен, освобождён и остаётся жить в Ялте; и после насильственной высылки отца, в 1922-ом, оставляется Советской властью, „опасавшейся политической активности его отца в эмиграции“¹, в заложниках; „Отец Сергей

Булгаков в дневнике «Из памяти сердца» писал об этом так: «Сегодня я проснулся рано утром в волнении, ужасе и тоске: перед пробуждением со мной прощался Федя и как-то навсегда уносил ту часть души, которую я в него вложил. И этот разрыв был так страшен и смертелен, что я в томлении проснулся и со слезами молился о нем Божией Матери и так больше не мог уснуть... И вот опять теряем мы — второй раз — Федичку и опять не знаем, увидимся ли когда в жизни. Но надеюсь, прошу у Бога этой милости, буду стремиться всем человеческим усилием. Не знаю, нужно ли это для него (хотя всё-таки нужно быть с нами и около нас), но хочу. Но да будет воля Твоя! Ты ведёшь. Тебе ведомы пути наши...»², в квартире Булгаковых на Сергиевском подворье в Париже его отец и мать готовят «Федину комнату» (*так и пусто-вавиую*) и вечно ждёт его; „Через некоторое время, это было уже в 1923-ем году, стало известно,

Ивановны Цветаевой в Болшево / Сайт «Музейного объединения «Музеи наукограда Королёв», публикация от 31 03 2021 // URL : <http://museumkorolev.ru/synovya-georgij-eforon-fedor-bulgakov/> (дата обращения 25.06.2021).

1 Пресс-релиз выставки «Сыновья. Георгий Эфрон, Фёдор Булгаков» в Мемориальном Доме-музее Марины

2 Там же.

что в Крыму живёт и лечится Борис Кустодиев. Художника возили везде в коляске, он не мог ходить, работал только сидя. Но много. Эта встреча, напротив, оставила у Фёдора Сергеевича на всю жизнь впечатление теплоты и внимания. Кустодиев, не торопясь, одну за другой просмотрел все работы, для каждой нашёл слова одобрения и в конце сказал: — Вас, видимо, больше тянет к рисунку, чем к живописи? Художник ошибался, Фёдор Сергеевич принёс только рисунки потому, что у него просто не было красок, шли годы революции, а хотелось показать последние работы. Но объяснить всё постеснялся... А Кустодиев, уверенный в правильности своего вывода, посоветовал Фёдору Сергеевичу ехать в Москву учиться у Д.Н. Кардовского в его студии, и дал Фёдору Сергеевичу рекомендательное письмо³; в 1923-ем Фёдор переехал в Москву (Илл. 1.2.).

Илл.1. Фотопортрет художника Фёдора Сергеевича Булгакова в молодые годы.

Федор Булгаков самостоятельно является к Михаилу Васильевичу Нестерову с вопросами о советах в живописи, памятуя и ссылаясь на то, что Нестеров писал портрет его отца; а по ходатайствам и рекомендациям великого русского и советского художника Бориса Михайловича Кустодиева (1878, Астрахань, Российская империя — 1927, Ленинград, СССР) Фёдор в 21-ин поступает и учится в частной рисовальной студии известного и прекрасного педагога Дмитрия Николаевича Кардовского (1866, Осурово, Российская импе-

Илл. 2. Фотопортрет художника Фёдора Сергеевича Булгакова в пожилом возрасте.

рия — 1943, Переславль-Залесский, РСФСР, СССР), профессора и действительного члена Российской Академии художеств, руководителя творческой мастерской, ученика и помощника в преподавательской работе Ильи Ефимовича Репина, преподавателя ВХУТЕМАС-а — ВХУТЕИН-а, что позволяет, думается, юноше-Булгакову в 1925-ом быть принятым сразу на 3-ий курс ВХУТЕИН-а Факультета живописи, где деканом был один из создателей «Бубнового валета» Роберт Рафаилович Фальк (1886, Москва, Российская империя — 1958, Москва, РСФСР, СССР), друживший с С.Н. Дурылиным, гостивший и писавший в его саду и доме, как и Фёдор Булгаков (а как, всё же, дивно закручиваются и смыкаются в конечном своём итоге все биографические линии жизни упомянутых этих всех в истории Фёдора Сергеевича личностей, людей и персонажей!); 5 лет до 1930-го Булгаков учится (дипломная работа «Кузнечный цех завода им. В.И. Ленина») живописи у одного из основателей и ярких представителей художественного объединения «Бубновый валет» Ильи Ивановича Машкова (1881, Михайловская, Российская империя — 1944, Москва, СССР), а рисунку — у Павла Дмитриевича Корина (1892, Палех, Российская империя — 1967, Москва, СССР), монументалиста, реставратора, воспитанника, ученика, копииста и сподвижника по храмовым

3 Там же.

росписям замечательного русского и советского художника Михаила Васильевича Нестерова (1862, Уфа, Российская империя — 1942, Москва, РСФСР, СССР), на дочери которого, Наталье, в 1945-ом женится Фёдор Булгаков, считающийся по часто приводимым биографическим данным учеником Нестерова: „Его жена, Н.М. Нестерова рассказывает: „<...> Фёдор Сергеевич Булгаков, сын протоиерея Сергия Булгакова, тоже знал эту семью раньше ещё, старые знакомые были. С будущим мужем познакомилась в 1923 году, когда семью о. Сергия Булгакова выслали из СССР. Фёдор Сергеевич был военнообязанный, и он уже побывал на фронте, и его не выпустили. Он приехал из Крыма, он хотел учиться, он хотел быть художником. Он приехал в Москву, вспомнил, что М.В. Нестеров живёт в Москве, что он писал портрет его отца, и решил, что, может, он даст ему какой-нибудь совет. А у нас уже в то время была большая компания, веселая. <...>“⁴, „<...> Судьба художника Ф.С.Булгакова оказывалась в довольно сложных обстоятельствах. Дом Нестерова стал и его сразу после войны. Природная скромность, врождённый такт, почитание художника Нестерова долгое время не позволяли ему повесить свои работы рядом с Нестеровскими. Но когда на стенах дома в Сивцевом Вражке всё же появились работы Федора Сергеевича — пейзаж «Абрамцево», натюрморт «Сирень», «Уголок Парижа», они спокойно выдерживали высокое соседство, составляя честь художнику Федору Сергеевичу Булгакову. <...>“⁵; с 1930-ого, по окончании учёбы, Булгаков состоит художником в газете «Рабочая Москва»⁶; в 1931-ом арестован на 2 месяца, 03 09 1931-ого Фёдор Булгаков арестован Коллегией ОГПУ СССР, сидит на Лубянке в Москве во внутренней тюрьме ОГПУ, затем его переводят в Бутырскую тюрьму, он обвиняется, как „участник ячейки все-союзной контрреволюционной монархической организации церковников ``Истинно-Православная Церковь ``“и осуждён по групповому делу «Дело

Всесоюзного центра Истинного Православия, 1931 г.» по статье 58–11 УК РСФСР: „Как сын известного эмигранта Булгакова, имел связь с белоэмигрантами, которых ложно информировал о положении церкви в СССР, выполняя указания к/р активиста, попа Владимира Воробьева“, — и приговорён к 3-ём годам ссылки в Казахстан (Алма-Ата — ? — требует уточнения) через ПП ОГПУ, считая срок с 13 02 1931г., документ: ЦА ФСБ РФ. Д.П-7377. Т.2.⁷, досрочно освобождается, в 1933-ем возвращается в Москву; и с 1934-го начинается, наконец, с выставки «Молодые художники Москвы» активную творческую и выставочную жизнь; „Писал портреты, пейзажи, натюрморты, жанровые и тематические картины. Автор живописных произведений: «Казах – ударник Турксиба» (1932), «Улица в Местии. Сванетия» (1937), «Селение Казбек» (1938), «Колхозное стадо. Абрамцево» (1946), «Урок музыки» (1948), «Бештау» (1957), «За книгой» (1958), «Дельфиниумы» (1965), «Портрет жены» (1959), «Портрет Народной артистки Е.Д. Турчаниновой» (1961), «Портрет художницы Н. А. Ушаковой» (1962) и других“; впоследствии он участник по-началу многих молодёжных, а следом и других, „взрослых“, регулярных и тематических, юбилейных московских, зональных, областных, краевых, республиканских и всесоюзных художественных выставок; в 1938-ом (по некоторым данным — в 1937-ом, по другим — в 1939-ом) Булгаков становится членом Союза художников СССР; в 1939-ом Булгаков участвует в Всесоюзной молодёжной выставке в Третьяковской галерее, посвящённой 20-летию ВЛКСМ, в 1941-ом призван на воинскую службу в ряды РККА, воюет, в 1942-ом заканчивает Школу комсостава, а в 1945-ом, по окончании Великой Отечественной войны, демобилизуется из рядов РККА; в 1947-ом он участник знаковой Всесоюзной художественной выставки; основные известные выставки, в которых участвовал Фёдор Булгаков: «Выставка произведений живописи и графики в городах РСФСР» (1948), «Выставка живописи московских художников» (1954), «Москва социалистическая в произведениях московских художников» (1957), «Художники Москвы – 50-летию Октября» (1967), прошедшая в Москве

4 Киселёва Е. «Дом в Сивцевом Вражке» / «Рассказы о художественной Москве» // URL : <http://www.mecenat-and-world.ru/17-20/kiseleva.htm> (дата обращения 15.07.2021).

5 Там же.

6 Краткая сводка о биографии Ф. С. Булгакова / Интернет-ресурс «КупитьКартину» // URL : <https://kupitkartinu.ru/painters/bulgakov-fyodor-sergeevich/> (дата обращения 10.08.2021).

7 Выписка из документа ЦА ФСБ РФ. Д.П-7377. Т.2. // URL : http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/no_dbpath/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6Xbu-suiXc8eicW0IdOGis00FdS0XdOKWeCQ* (дата обращения 03.08.2021).

и в других городах“; вершина успеха карьеры Булгакова, как художника: в 1963-ем (по некоторым данным — в 1964-ом) в Москве состоялась его первая и единственная персональная выставка; к родителям в Париж, в «творческую командировку» во Францию его выпускают лишь в 1966-ом, но он поспевает и припадает лишь к могилам своих матери и отца, всегда так любивших его, пусть и в разлуке, всю жизнь, тоскуя, ждавших его к себе и не увидевших сына до кончины; завершается жизнь художника Фёдора Сергеевича Булгакова в 1991-ом, в Москве⁸.

Творчество Булгакова пока почти не привлекло ни специалистов, ни любителей; нет ни монографии, ни выставок, ни статей, ни коллекций. Неожиданной находкой можно счесть опубликованные музеем-заповедником «Абрамцево» жемчужины творчества Булгакова, его акварели военной тематики 40-ых годов (все опубликованные музеем акварели датированы 1943-им годом и посвящены вроде бы Великой Отечественной, но хотя не видятся ли в них отчётливо отголоски и Гражданской войны 1918–1921, коей Булгаков тоже был участник?), пожалуй, никогда не был художник так самостоятелен, экспрессивен, искренен, динамичен, заинтересован тематически, профессионален в сложнейшей акварельной технике и абсолютно свободен в самовыражении духом и руками, мастерством и приёмами, владением и настроением — видно: вещи не заказные, хотя явно заказанные по выдающим темам: «оформление помещения роты», «форсирование Днепра» и так далее... (Илл. 3, 4, 5).

Да и сама вода, на которой разводится акварельная краска, — текучая и неуправляемая, не то, что масло, — символ и физиология счастья воли! А беличьи кисти — мягки, как не произнесённое слово. Да и бумага бела, словно суть начала! Не зря многие фронтовики вспоминают Великую Отечественную войну, как не только горе, величайшее на земле, но и время удивительных отношений людей, свободы по сути; вероятно, не оружие ли, в том числе, личное, даёт человеку эти силы и ощущения? — Точно совершенно, несомненно, что духоподъёмная атмосфера в Войну 1941–1945 дала особый толчок и Булгакову.

Илл. 3. Фёдор Сергеевич Булгаков «Рукопашный бой», эскиз оформления помещения роты, 1943, музей-заповедник «Абрамцево».

Илл. 4. Фёдор Сергеевич Булгаков «Пулемётный огонь», 1943, музей-заповедник «Абрамцево»..

Илл. 5. Фёдор Сергеевич Булгаков «Привал», 1943, музей-заповедник «Абрамцево».

8 Страница, посвящённая художнику Ф. С. Булгакову на ресурсе «ARTinvestment.RU» // URL : <https://artinvestment.ru/auctions/37580/#more> (дата обращения 03.08.2021).

Ну а шедеврами Булгакова, ясно и наконец объясняющим нам факт выделения в 1923-ем году великим Борисом Михайловичем Кустодиевым 21-летнего Фёдора с рекомендацией Фёдору поступить учиться рисунку у Кардовского, являются опубликованные «Абрамцево» два акварельных портрета 1943-го года: «Командир роты Шевелёв» (Илл. 6) и «Связной Алексеев» (Илл. 7),—явно свидетельствующие линию кровно-национального и душевного родства — именно утончённой, но здоровьём и поразительным, песенным, мощным началом и лирически разбитным характером, пышущей русскостью — с Кустодиевым скорее и глубже, чем с Нестеровым, „бубнововалетовцами“ или же другими⁹.

„В 1960-е годы художник жил и работал на своей абрамцевской даче. В собрании Музея-заповедника «Абрамцево» хранится коллекция

Илл. 6. Фёдор Сергеевич Булгаков «Командир роты Шевелёв», 1943, музей-заповедник «Абрамцево».

9 Официальная интернет-страница Музея-заповедника «Абрамцево» в социальной сети «ВКонтакте» / Репортаж о художнике Ф. С. Булгакове // URL : https://vk.com/abramtsevomuseum?w=wall-179233426_808 (дата обращения 07.08.2021).

Илл. 7. Фёдор Сергеевич Булгаков «Связной Алексеев», 1943, музей-заповедник «Абрамцево».

произведений Ф.С. Булгакова, в основном — военной тематики 40-ых годов¹⁰.

„В квартире Натальи Михайловны и Фёдора Сергеевича на Кутузовском (куда их выгнали в „Перестройку“ с Сивцева вражка) было много его (Фёдора Сергеевича Булгакова, — примечание автора) картин с полевыми и садовыми цветами, а также — копии с картин М.В. Нестерова, которые сделал Фёдор Сергеевич, они теперь в запасниках Третьяковки“, — ценное свидетельство, данное (11 03 2017, 16:32) Ириной Каховской-Калитиной, супругой духовного наставника Натальи Михайловны Нестеровой („В последние годы ее жизни моему мужу посчастливилось быть ее духовным наставником <...>“)¹¹, в ответе философу Андрею Щабельникову, как комментарий к её стихотворению «К 100-летию Н.М. Нестеровой», 16.09.2003 г.¹².

10 Официальная интернет-страница Музея-заповедника «Абрамцево» в социальной сети «ВКонтакте» / Репортаж о художнике Ф. С. Булгакове // URL : https://vk.com/abramtsevomuseum?w=wall-179233426_808 (дата обращения 07.08.2021).

11 Ирина Каховская-Калитина «К 100-летию Н.М. Нестеровой» / Ресурс «Стихи.Ру» // URL : <https://stihi.ru/2010/11/15/8189> (дата обращения 07.08.2021).

12 Там же.

Булгаков, как и многие советские художники, сейчас — часто продаётся на аукционах, таких, как «СОВКОМ», «ARTinvestment.RU», «Галерея Леонида Шишкина» и других, ставших для нас и изучения истории искусств её бурлящими источниками, и, как и другие, Булгаков преподносит нам сюрпризы своими произведениями, говорящими о том, как мало и плохо мы знаем культуру, жизнь и живопись СССР, где родились и трудились, — вот, как к примеру, замечательный, мощный и очень благородный по колористическому звуку натурный, свежий по экспрессии и мазку живописный этюд «Коровы» (19,0x29,0 см — другие каталожные данные не приводятся), помещённый в раздел «анималистики» Советских художников одесской «Галереи Ника» (Илл. 8).¹³

Илл. 8. Фёдор Сергеевич Булгаков «Коровы», опубликовано галереей «НИКА».

Произведения Фёдора Сергеевича Булгакова хранятся в многих музейных, корпоративных и частных собраниях, из которых корпус работ Булгакова из собрания Мемориального Дома-музея С.Н. Дурылина в Болшево, наверное, — крупнейшее и включает в себя по `Инвентарной книге Коллекция «ИЗО» и «графика``: графический альбом с зарисовками 56-ти листов (КП — 3597), датированный (по каталогу музея) 1962-ым годом и 10 живописных произведений (работа по учёту и описанию их продолжается), 8 нами отреставри-

рованы, приведены в экспозиционное состояние, обрамлены и экспонируются; поэтому не сложно предположить, что, если и будет делаться следующая, 2-ая с 1963-го года, но первая посмертная, персональная выставка произведений Фёдора Сергеевича Булгакова, то она закономерно, естественно, может появиться, в первую очередь, на площадке Мемориального Дома-музея Сергея Николаевича Дурылина в Болшево, где художник часто бывал, жил и много писал, близко общаясь и с хозяином дома, и с его ближайшим другом, единомышленником и задушевным собеседником, а своим учителем и тестем, художником Михаилом Васильевичем Нестеровым, хотя стилистически, пластически, технически и технологически живопись Булгакова заметно и бесспорно восходит к и продолжает традиции не Нестерова, а художественного объединения «Бубновый валет» и других учителей Булгакова по ВХУТЕИНУ-у: Фалька, Машкова и Корина.

„Немногие люди знали художника Фёдора Сергеевича Булгакова. Выставок у него было очень мало, а работ, между прочим, много и — прекрасных. Ф.С.Булгакову пришлось пережить судьбу большинства наших художников, когда они трудятся, работают и как будто только для себя. Для того, чтобы на художника обратили внимание, надо обладать не талантом, а быть машиной с пробивной силой какого-нибудь очень мощного мотора, который бы всё шумел, шумел, — в конце-концов, может быть, и услышат.

Красивы, просты и сердечны были работы Фёдора Сергеевича Булгакова. Он любил писать пейзаж, цветы. Какой замечательный был у него портрет любимого кота Нестеровых, какая сирень, дельфиниумы, кусочки весенней земли... Настал такой момент в жизни Натальи Михайловны, когда в её доме, уже не в Сивцевом Вражке, висели только работы Фёдора Сергеевича, его пейзажи и цветы.

— Чьи это? — спрашивала не только я.

Чудесные светлые, чистые работы замечательного человека и художника, как радостно было на них смотреть, невольно тянулся к ним взгляд снова и снова и возникало сожаление, что и этот замечательный художник фактически известен только очень узкому, очень узкому кругу людей...

Самым главным впечатлением от личного общения с Фёдором Сергеевичем у меня осталось чувство какого-то мгновенно возникшего

13 Страница, посвящённая художнику Ф. С. Булгакову на ресурсе Галерея "НИКА" (Одесса), советские художники, Булгаков, Фёдор Сергеевич // URL : <https://www.gallerynika.com/artists/bulgakov-fyodor/> (дата обращения 08.08.2021).

при встрече с ним успокоения. Бессмысленной становилась всякая спешка, уходила досада на то, что где-то не успел, возникало желание забыть многое и просто спокойно поговорить, рассказать, послушать, осмотреться. Общество Фёдора Сергеевича создавало свой мир, достойный, спокойный, лишённый отупляющей суеты»¹⁴.

Список использованной литературы

3. Пресс-релиз выставки «Сыновья. Георгий Эфрон, Фёдор Булгаков» в Мемориальном Доме-музее Марины Ивановны Цветаевой в Болшево / Сайт «Музейного объединения «Музеи науко-

града Королёв», публикация от 31 03 2021 // URL : <http://museumkorolev.ru/synovya-georgij-eforon-fedor-bulgakov/> (дата обращения 25.06.2021).

4. Киселёва Е. «Дом в Сивцевом Вражке» / «Рассказы о художественной Москве» // URL : <http://www.mecenat-and-world.ru/17-20/kiseleva.htm> (дата обращения 15.07.2021).

6. Киракосов А. В. Лекция «Консервация и экспонирование пейзажей Ф.С. Булгакова» // URL : <https://www.culture.ru/events/819294/lekcija-peizazhi-fyodora-sergeevicha-bulgakova> (дата обращения 08.08.2021).

PERSONALITY AND CREATIVITY OF FYODOR SERGEEVICH BULGAKOV

Kirakosov Artem Vilevich,

Researcher, curator of the collection, artist-restorer
MBUK Korolev Museum Association, department
"Memorial House-Museum of S. N. Durylin",
Ilyich str., Korolev city, Moscow region, 1 141080,
artemkirakosov58@mail.ru

Abstract

The work of Fyodor Sergeevich Bulgakov is considered, paintings from the collection of the Memorial House-Museum of S.N. Durylin in Bolshevo are presented..

Keywords

Bulgakov, painting, landscape, S. Bulgakov, M. Nesterov, S. Durylin

14 Киселёва Е. «Дом в Сивцевом Вражке» / «Рассказы о художественной Москве» // URL : <http://www.mecenat-and-world.ru/17-20/kiseleva.htm> (дата обращения 15.07.2021).

ПРАКТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

RAR

УДК 008

ББК 71

DOI 10.34685/PI.2022.38.3.014

ТУРИЗМ КАК ФАКТОР АКТУАЛИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СФЕРЫ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Путрик Юрий Степанович,

доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, руководитель Центра социокультурных и туристских программ Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва,
ул. Космонавтов, 2, Москва, 129366,
putrik@list.ru.

Аннотация

Особо охраняемые природные территории, помимо своей основной природоохранной функции, активно участвуют в организации туристско-рекреационной деятельности, основанной на использовании историко-культурного потенциала таких территорий. Статус охраняемой территории предопределяет режим ограниченного использования объектов наследия для развития культурно-познавательного туризма. При этом особого внимания требуют проблемы сохранения историко-культурных памятников в условиях охраняемых природных территорий, актуализируются вопросы совершенствования межведомственного взаимодействия сферы природоохраны и сферы сохранения объектов культуры путем гармонизации законодательных и других нормативно-правовых актов сферы этих двух сфер деятельности.

Ключевые слова

Охраняемые территории, культурное наследие, законодательство, туризм, гармонизация.

Современные тенденции взаимодействия природоохранной деятельности и деятельности в сфере сохранения и использования объектов культурного наследия на особо охраняемых природных территориях (ООПТ) определяются, как известно, базовыми международными документами ЮНЕСКО по вопросам сохранения объектов культурного и природного наследия. Это прежде всего Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.¹ и ряд последующих документов, в частности документы, касающиеся культурных ландшафтов, такие, как, например, Европейская конвенция о ландшафтах (2000 г.)² и поэтому объекты культуры и природы с учетом сложившейся мировой практики все чаще рассматриваются в едином методическом и правовом поле, что позволяет хоть и не сразу, но все же постепенно преодолевать межведомственные барьеры. Здесь уместно заметить, что Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им Д.С. Лихачёва, хотя и находится в ведении Министерства культуры, был создан в 1992 году с учетом необходимости рассмотрения проблем сохранения объектов культурного наследия в тесной и неразрывной связи с природными комплексами.

Основные категории ООПТ определены Федеральным законом "Об особо охраняемых природных территориях". Одним из оснований выделения ООПТ на фоне всех других территорий является наличие в границах соответствующей территории участков не только природных, но и «...культурных ландшафтов, представляющих собой особую эстетическую, научную и культурную ценность»³ и поэтому значительные

площади ООПТ имеют весьма благоприятные условия для развития на них туризма и отдыха, в силу сопутствующего наличия значительных туристско-рекреационных ресурсов, природного и историко-культурного туристского потенциала.

Наиболее характерной категорией ООПТ, в пределах которой нередко находится богатое культурно-историческое наследие, т.е. значительные количества памятников истории, археологии, архитектуры и искусства — это, как известно, национальные и природные парки, которые, наряду с природоохранной и научной деятельностью, ведут широкомасштабную просветительскую работу и работу по сохранению историко-культурных объектов, создают условия для регулируемого туризма и отдыха. Такая работа проводится в соответствии с действующим законодательством, выделяющим национальные парки как категорию ООПТ, в задачи которых в части объектов культурного наследия входит не только сохранение историко-культурных объектов и экологическое просвещение населения, но и восстановление нарушенных природных и историко-культурных комплексов и объектов [та же, ст. 13, п. «ж»]⁴.

Объекты культурного наследия можно встретить в разных количествах и сочетаниях и в границах других категорий ООПТ — природных заповедниках, заказниках, памятниках природы и иных категориях особо охраняемых природных территорий федерального, регионального и местного значения, определяемых законами субъектов Российской Федерации.

В настоящее время в связи начавшимися в 2020 году ограничениями выезда наших сограждан с туристскими целями в зарубежные страны и, соответственно, переориентированием спроса на поездки внутри страны, туристско-рекреационная нагрузка на природные и историко-культурные комплексы все время возрастает и поэтому заметно актуализируются проблемы не только сохранения, но и эффективного использования объектов культурного наследия на особо охраняемых природных территориях. В частности, по информации, поступающей от бизнес-структур, заметно увеличилось в последнее время число обращений в ООПТ от образовательных орга-

1 Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. Принята 16 ноября 1972 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. См официальный сайт ЮНЕСКО; https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (Дата обращения 18.03.2022).

2 Европейская конвенция о ландшафтах (ETS N 176). Принят Советом Европы 20 октября 2000. См Электронный фонд правовых и нормативно документов: <https://docs.cntd.ru/document/901909720?section=text&marker=6500IL> (Дата обращения 18.03.2022).

3 Федеральный закон "Об особо охраняемых природных территориях" от 14.03.1995 N 33-ФЗ. Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс»: [http://www.](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/)

[consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/) (дата обращения 10.03.2022 г.)

4 См там же, ст. 13, п. «ж».

низаций — прежде всего школ — на проведение экскурсий и других посещений этих территорий в познавательных и туристско-рекреационных целях школьниками и молодёжью.

Наряду с активной экопросветительской деятельностью в национальных парках расширяется тенденция развития волонтерского движения, связанная не только с природоохранной деятельностью, но и деятельностью по сохранению и использованию объектов культурного наследия. Так, в Тункинском национальном парке, который находится в Республике Бурятия, участие школьников и молодёжи в традиционных праздниках бурят «Сагаалгане» и «Сурхарбане» способствует содействию процессу возрождения, сохранения и трансформации традиционной культуры бурятского этноса, воспитанию подрастающего поколения и молодежи на основе многовековых традиций народной культуры и национальных видов спорта, пропаганде и популяризации туризма. На территории парка находится 40 памятников истории и 24 памятника архитектуры, 17 памятников археологии. Сохранение памятников природы, истории, культуры, археологии и других объектов культурного наследия включено в основные задачи парка⁵.

Подобных примеров можно привести немало. На территории национального парка «Плещеево озеро», который, кстати, создавался первоначально как природно-исторический парк, расположено 26 памятников археологии, 2 памятника истории, памятники архитектуры, действуют 19 музеев, развивается туристская инфраструктура — в составе 19 гостиниц и гостевых домов, 39-ти предприятий питания.

Развивающаяся на территориях национальных парков система оказания услуг туристам и экскурсантам, как уже отмечалось выше, увеличивает нагрузку на историко-культурные и природные комплексы. Эти проблемы в настоящее время, как и во всем мире, в нашей стране решаются, по преимуществу, не путем ограничения потока туристов, как это пытались делать в СССР, а путем создания соответствующей инфраструктуры и современных форм обслуживания как в пределах ООПТ, так и на прилегающих территориях охранных зон. К примеру, на территории

прилегающей к Окскому государственному заповеднику (Рязанская обл.) активно формируется сеть малых гостиниц и гостевых домов, предприятиями предлагаются услуги конных прогулок, возникают малые музеи, предприятия питания, на базе бывшего Лакашинского спиртзавода в с. Городковичи заработала частная пивоварня. При этом главным мотиватором туристских и экскурсионных посещений заповедника является возможность посетить Заповедник, пройти по разработанным экскурсионным маршрутам и специально оборудованной экологической тропе, ознакомиться не только с флорой и фауной этой уникальной территории, но с объектами археологического наследия, которые здесь представлены остатками древнего городища, стоянками древних охотников и рыболовов, позднесредневековым русским поселением с артефактами конца XV-XVI — XVIII вв. — селищем Лубяники, остатками знаменитого в дореволюционной России стекольного завода Русско-бельгийского общества 18 века и другими историко-культурными объектами. Сохранение и поддержание этих объектов, в т.ч. и для туристско-экскурсионного использования, происходит в значительной мере благодаря соответствующему инфраструктурному обустройству территории (мостки, перила ограждения, проходы и др.)⁶.

В Хакасском заповеднике также наблюдаем большое количество памятников археологического наследия. Здесь уделяется исключительно большое внимание эколого-просветительской деятельности. В окрестностях заповедника расположен курорт "Ширинские озера", активно посещаемый туристами. На его территории находятся петроглифы, крепостные стены, могильники, обрядовые сооружения — всего более 1000 объектов. В 2014 году на участке «Оглахты», где заповедник бережно охраняет не только природное, но и историко-культурное наследие региона, был открыт визит-центр и экскурсионная тропа в виде лестницы в 965 ступеней, ведущей к наскальным изображениям начала нашей эры. По природному и культурному критериям горный массив «Оглахты» включён в предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Туристская инфраструктура заповедника, связанная с истори-

5 Официальный сайт национального парка Тункинский»: <https://tunkapark.ru/> (21.03.2022).

6 Официальный сайт Окского государственного природного заповедника: <http://oksky-reserve.ru/> (дата обращения 22.03.2022 г.)

ко-культурным потенциалом, получила свое развитие и в последующие годы: появился комплекс исторических реконструкций «Посёлок Предков», где представлены копии жилищ разных археологических эпох и посетитель может погрузиться в атмосферу и быт различных народов, когда-то населявших землю современной Хакасии⁷.

Нередко на площадях охраняемых природных территорий проблемы сохранения историко-культурного носят и более актуальный характер по причинам обширности заповедного пространства, недостатка кадрового потенциала в количественном выражении, недостаточности финансовых средств на инфраструктурное обустройство и, как результат, наблюдается слабо контролируемый туристско-рекреационный поток, привносящий проблемы с сохранением не только природного, но и историко-культурного наследия. Поэтому должно быть усилено не только организационное, но и законодательное внимание к расширению комплекса мер по сохранению и бережному туристско-рекреационному использованию петроглифов, захоронений, городищ, сакральных знаков древних народов и объектов., которые частично подвергаются негативному воздействию от тех же отдыхающих, оставляющих мусор возле объектов археологического наследия, наносящих надписи, откалывающих или отламывающих фрагменты памятников, осуществляющие и другие действия, нарушающие целостность и сохранность отдельных объектов и прилегающей территории, ухудшая сложившийся культурно-исторический ландшафт и уничтожая тем самым объект и предмет охраны культурных и природных ценностей.

Опасности для таких объектов исходят не только от туристов и отдыхающих, но и от предпринимательских структур и других хозяйствующих субъектов на этих территориях. Так, в пределах охранной зоны того же национального парка «Плещеево озеро» несколько лет назад были выявлены грубые нарушения законодательства Российской Федерации, связанные с незаконным строительством кафе на территории объекта археологического наследия «Селище (Клещино) X–XII вв.» прямо на берегу Плещеева озера. А ведь Клещинский

археологический комплекс, наряду с такими достопримечательностями как Синь-камень и Александрова гора является одним из истоков возникновения Переславля-Залесского. Археологами Института Наследия была проведена специальная историко-культурная экспертиза на территориях объектов культурного наследия и в границах охранных зон по факту незаконной застройки или незаконной землепреобразовательной деятельности для представления в правоохранительные органы, определен размер ущерба в денежном выражении⁸. В итоге справедливость была восстановлена, а глава Переславского района, незаконно выдавший разрешение на строительство и незаконную застройку историко-культурного ландшафта был освобожден от занимаемой должности и впоследствии осужден⁹.

Нередкими нарушениями законодательства по вопросам сохранения объектов культурного наследия являются отсутствие предусмотренных законом информационных надписей и обозначений, содержащих информацию об объекте культурного наследия, или установка информационной надписи, не соответствующей требованиям законодательства, или установка рекламных конструкций на фасаде объекта культурного наследия¹⁰. Все это, не говоря уже о нарушении законодательства, затрудняет и создает помехи туристам и отдыхающим в плане восприятия и доступности этих объектов, отрицательно влияет на качество предоставляемых услуг.

7 Официальный сайт государственного природного заповедника «Хакасский» : <https://zapovednik-khakassky.ru/> (дата обращения 22.03.2022 г.)

8 Гусев С. В. Историко-культурная экспертиза на территориях объектов культурного наследия и в границах охранных зон по факту незаконной застройки или незаконной землепреобразовательной деятельности для представления в правоохранительные органы (на примере объекта археологического наследия «Селище (Клещино), X–XII вв.», расположенного в Переславском районе Ярославской области) М.: Институт Наследия, 2020. 30 с.

9 Информационное агентство REGNUM: <https://regnum.ru/news/2790051.html> (дата обращения 23.04.2022).

10 Соловьев А.П. Методические рекомендации по сохранению, использованию и популяризации объектов наследия, находящихся в границах охранных зон: для органов исполнительной власти регионов, специалистов и научной общественности. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. 2022. 64 с. (дата обращения 06.04.2022)

В проекте «Стратегии развития системы особо охраняемых природных территорий в Российской Федерации на период до 2030 года», который в настоящее время проходит обсуждение на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов regulation.gov.ru¹¹ отмечается недостаточная проработанность вопросов сохранения объектов историко-культурного наследия на особо охраняемых природных территориях и в качестве основных принципов и приоритетов предлагается приоритетность сохранения природных и историко-культурных комплексов. В проекте Стратегии предлагается также создание межведомственной Рабочей группы по вопросам сохранения объектов культурного наследия на особо охраняемых природных территориях с привлечением Минкультуры России. Специальное внимание в данном проекте обращено на необходимость разработки методических рекомендаций по сохранению и восстановлению культурных ландшафтов, сохранению, использованию и восстановлению памятников истории и культуры в границах особо охраняемых природных территорий и другие аспекты, направленные на дальнейшую гармонизацию нормативно-правового понимания проблем сохранения и использования объектов культурного наследия на ООПТ. Отметим также, что в проект Стратегии развития системы ООПТ включено немало позиций, связанных с вопросами туристского использования объектов историко-культурного наследия, расположенных в пределах ООПТ и прилегающих охранных зонах.

Говоря о необходимости гармонизации законодательных и других нормативно-правовых актов сферы ООПТ и сферы сохранения культурного наследия хотелось бы отметить, что сам факт появления проекта «Стратегии развития системы особо охраняемых природных территорий в Российской Федерации на период до 2030 года», независимо от того будет или не будет в конечном итоге этот документ утвержден Правительством РФ, является достаточно значимым шагом на пути усиления такой гармонизации. При этом

нетрудно зафиксировать уже имеющийся определенный уровень гармонизации Федерального закона № 33 «Об особо охраняемых природных территориях» (1995 г.) и Федерального закона № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (2002 г.) в части касающейся сохранения и использования объектов культурного наследия на ООПТ. Так, вопросы сохранения культурных ландшафтов и историко-культурных ценностей содержатся в положениях закона об особо охраняемых природных территориях, который предусматривает включение данных о культурных ценностях территорий в Государственный кадастр особо охраняемых природных территорий (Статья 4), в статьях 12 и 13 федерального закона предписывается национальным паркам не только «...деятельность в целях сохранения объектов природного и культурного наследия и их использования в рекреационных целях», но и «...восстановление нарушенных природных и историко-культурных комплексов и объектов» (п. «ж» статьи 13) [3, ст. 12 и 13]¹². Статья 15 в п. «г» того же Федерального закона № 33 «Об особо охраняемых природных территориях», определяющая режим особой охраны территорий национальных парков предусматривает выделение «...зоны охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, которая предназначена для сохранения указанных объектов и в границах которой допускается осуществление необходимой для их сохранения деятельности, а также рекреационной деятельности» [там же, ст 15]¹³.

В свою очередь в тексте Федерального закона Об объектах культурного наследия содержатся позиции и нормы, касающиеся, собственно, природной среды и природного ландшафта как действительности, от которой зависит среда нахождения и восприятия объектов культурного наследия и поэтому входящая в зону законодательного регулирования данным законодательным актом. Так, к достопримечательным местам в законе отнесены «...культурные и *природные* (выделено автором)

11 Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения 06.03.2022)

12 Федеральный закон "Об особо охраняемых природных территориях" от 14.03.1995 N 33-ФЗ. Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс» (статьи 12 и 13): http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/ (дата обращения 26.03.2022 г.)

13 См там же, ст. 15.

ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации ...» [6, ст. 3]¹⁴. Наряду с упоминаемыми в законе типами ландшафтов — природным, культурным, историческим, применяется также термин «историческое ландшафтное окружение», которое тоже включает, видимо, природную компоненту. В статье 34 федерального закона, где говорится о зонах охраны объектов культурного наследия, наряду с установлением охранной зоны и зоны регулирования застройки, устанавливается также зона охраняемого *природного ландшафта*, предписываются меры, направленные на сохранение и регенерацию историко-градостроительной или *природной среды* объекта культурного наследия [6, ст. 34]¹⁵. В поле зрения данного закона входит также такой предмет охраны, как «...композиционно-видовые связи (панорамы), соотношение *природного* (выделено автором) и созданного человеком окружения» в исторических поселениях [6, ст. 59, п. 6]¹⁶.

Как видим, в нормативно-правовых документах по природоохранной деятельности достаточно эффективно представлены законодательные положения относительно памятников истории и культуры, а в федеральном законе Об объектах культурного наследия отражены позиции по правовому регулированию природных ландшафтов и комплексов в целях сохранения их как окружающей среды объектов культурного наследия, что подтверждает тезис об имеющейся определенной степени межведомственной гармонизации деятельности по сохранению объектов культурного наследия на особо охраняемых природных территориях. Вместе с тем ощущается назревшая необходимость совершенствования механизмов практической реализации положений, продекларированных в обоих законах в части сохранения и использования объектов культурного и природного наследия путем актуализации имеющихся и разработки новых подзаконных нормативно-правовых актов. Особого внимания требуют объекты культурного наследия, расположенные вне зон активных туристских

и экскурсионных посещений и здесь необходимо, видимо, предлагать специальные комплексы мероприятий по их сохранению и более активному вовлечению в туристский и экскурсионный оборот и ключевую роль в этом направлении могут выполнять местные, муниципальные органы государственной власти с привлечением волонтеров и более активным вовлечением в эту деятельность местного населения.

Список использованной литературы

1. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. Принята 16 ноября 1972 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. См официальный сайт ЮНЕСКО; https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml.

2. Европейская конвенция о ландшафтах (ETS N 176). Принят Советом Европы 20 октября 2000. См Электронный фонд правовых и нормативно документов: <https://docs.cntd.ru/document/901909720?section=text&marker=6500IL>.

3. Федеральный закон "Об особо охраняемых природных территориях" от 14.03.1995 N 33-ФЗ. Информационно-правовой портал «Консультант-Плюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/.

4. Гусев С. В. Историко-культурная экспертиза на территориях объектов культурного наследия и в границах охранных зон по факту незаконной застройки или незаконной землепреобразовательной деятельности для представления в правоохранительные органы (на примере объекта археологического наследия «Селище (Клещино), X–XII вв.», расположенного в Переславском районе Ярославской области) М.: Институт Наследия, 2020. 30 с.

5. Соловьев А.П. Методические рекомендации по сохранению, использованию и популяризации объектов наследия, находящихся в границах охранных зон: для органов исполнительной власти регионов, специалистов и научной общественности. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. 2022. 64 с.

6. Федеральный закон "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" от 25.06.2002 N 73-ФЗ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/.

7. Официальный сайт национального парка Тункинский»: <https://tunkapark.ru/>.

14 Федеральный закон "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" от 25.06.2002 N 73-ФЗ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/

15 См. там же, ст. 34.

16 См. там же, ст. ст. 59, п. 6

8. Официальный сайт Окского государственного природного заповедника: <http://oksky-reserve.ru/>.

9. Официальный сайт государственного природного заповедника «Хакасский»: <https://zapovednik-khakassky.ru/>.

10. Информационное агентство REGNUM: <https://regnum.ru/news/2790051.html>.

11. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения: <https://regulation.gov.ru/>.

TOURISM AS A FACTOR OF UPDATED INTERACTION OF ENVIRONMENTAL ACTIVITIES AND THE SPHERE OF CONSERVATION OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS IN SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS

Putrik Yuri Stepanovich,

DSc in History, professor at the Russian State humanitarian university,
Head of the Center for Social and Cultural and Tourism Programs
Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage D.S. Likhachev.
Professor of the Russian State Humanities University,
st. Cosmonauts, 2, Moscow, 129366,
putrik@list.ru

Abstract

Specially protected natural areas, in addition to their main nature protection function, actively participate in the organization of tourist and recreational activities based on the use of the historical and cultural potential of such areas. The status of a protected area predetermines the mode of limited use of heritage sites for the development of cultural and educational tourism. At the same time, the problems of preserving historical and cultural monuments in the conditions of protected natural areas require special attention, the issues of improving interdepartmental interaction in the sphere of nature protection and the sphere of preserving cultural objects by harmonizing legislative and other regulatory legal acts in the sphere of these two areas of activity are being updated

Keywords

Protected areas, cultural heritage, legislation, tourism, harmonization.

ПУБЛИКАЦИЯ В НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ЖУРНАЛЕ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

Основные рубрики: *«Методология и методы исследования культурных процессов»;* *«Искусство, образование, наука»;* *«Духовное наследие и культура»;* *«Культура регионов»;* *«Культура повседневности»;* *«Этнокультуры в прошлом и настоящем»;* *«Имена и события прошлого»;* *«Культурное наследие мира»;* *«Музееведение и охрана культурного наследия»* и др.

С 1 декабря 2015 г. журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

Требования к статьям, присылаемым в журнал «Культурное наследие России»

- К рассмотрению принимаются не опубликованные ранее статьи общим объемом до 10—12 страниц (не более 0,5 п. л. — 20 000 знаков).
- Публикация безгонорарная, автору высылается электронная версия журнала.
- Авторы несут ответственность за содержание статей и за сам факт публикации. Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
- Автор представляет рукопись по электронной почте: knaros@yandex.ru.
- Формат текстовых файлов — DOC, DOCX.
- Все элементы статьи выполняются шрифтом Times New Roman, размер (кегель) — 14 пт (основной текст), 11 пт (сноски); расстояние между строк (межстрочный интервал) — 1,5; абзацный отступ — 1 см., шрифт — обычный; выравнивание — по ширине (кроме указанного особо).
- Формат страницы — А4. Поля — 2 см.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и включать все перечисленные пункты:

1. 1. Тип статьи (выбрать из списка на следующей странице).
2. 2. УДК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
3. 3. ББК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
4. 4. Название статьи — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
5. 5. ФИО автора полностью — выравнивание по правому краю.
6. 6. Сведения об авторе: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
7. 7. Аннотация на русском языке (5–8 строк).
8. 8. Ключевые слова на русском языке (8–10).
9. 9. Основной текст: шрифт — Times New Roman, кегль — 14 пт., междустрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см.; выравнивание текста по ширине. Сноски — постраничные (внизу страницы).
10. 10. Список использованной литературы.
11. 11. Название статьи на английском языке — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
12. 12. ФИО автора полностью на английском языке — выравнивание по правому краю.
13. 13. Сведения об авторе на английском языке: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
14. 14. Аннотация на английском языке (5–8 строк).
15. 15. Ключевые слова на английском языке (8–10).

Иллюстрации представляются отдельными файлами с указанием названия иллюстрации и места ее вставки в тексте. Формат файлов — TIFF, JPG, JPEG.

Редакция может не разделять мнения авторов и не несёт ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несёт ответственности перед авторами и / или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ЖУРНАЛА «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

RAR
УДК 008
ББК 63.3

СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ, ДУХ И ДУХОВНОЕ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Иванов Иван Иванович,
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных наук,
Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма,
ул. 5-я Магистральная, д. 5, г. Москва, Россия, 123007,
e-mail: ivanov@yandex.ru

Аннотация

Постмодернизм изменяет существующее в науке понятие личности. С позиций постмодернизма личность — это мозаика множественных идентичностей, социальных ролей, масок, которые человек волен выбирать и изобретать по своему желанию.

Ключевые слова

Субъект, личность, индивид, дух, духовное, фрагментация.

Как замечает М. Мамардашвили, мировые религии «отличаются от этнических религий прежде всего тем, что они обращены к личности и предполагают наличие в самом человеке начала и корня, который задан в нём как некоторый внутренний образ, или голос. <...> Он поможет только идущему»¹.

.....

Когда цитируют слова Фуко о том, что «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»², то обычно это высказывание трактуют буквально...

-
- 1 Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
 - 2 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 404.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. С. 199.
2. Там же стр. 89.....
3. Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
4.

.....

SUBJECT, PERSONALITY, SPIRIT AND SPIRITUALITY IN THE POSTMODERN ERA

Ivanov Ivan Ivanovich,
DSc in Philosophy,
Professor of the Department of Humanities,
Academy of Retraining Arts, Culture and Tourism,
5-ia Magistralnaia Str. 5, 123007 Moscow, Russia,
ivanov@yandex.ru

Abstract

Postmodernism modifies an existing concept in the science of personality. From the standpoint of postmodern identity — a mosaic of multiple identities, social roles, masks that man is free to choose and invent as you wish.

Keywords

Subject, person, individual, spirit, spiritual, schizoid fragmentation.

Тип статьи:

RAR — научная статья;
EDI — редакционная заметка;
BRV- рецензия;
CNF — материалы конференции;

SCO — краткое сообщение;
REV- обзорная статья;
ABS- аннотация;
REP- научный отчет;

COR- переписка;
PER — персоналии;
MIS — разное;
UNK — неопределен.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77–69550 от 02.05.2017 г.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России»: Э93581.

Подписано в печать: 15.08.22. Формат 60×90 1/8. Тираж 500 экз.

Адрес редакции: 117321, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 136, корп. 1, кв. 309.

Сайт: <http://www.kultnasledie.ru/>

<http://ркцентр.рф/> / культурное-наследие-россии /

E-mail: knaros@yandex.ru